

6

2008

РОССИЯ XXI

6. 2008 ноябрь-декабрь

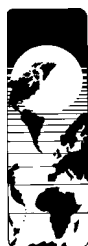
Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Модернизация после модерна:
векторы современной политики _____ 4

Геоглобалистика

Олег Гринеvский

Крутой перелом в объединении
Германии (окончание) _____ 32

Национальная доктрина

Владимир Лапин

Армия — в империи, империя в армии ____ 64

и научный журнал

Страницы истории

Исаак Розенталь

Валентинов и его время _____ **82**

Ярлыки и мифы

Дмитрий Бондаренко

Украинская Центральная Рада
как объект мифов современной
украинской историографии __ **124**

Редакционная почта

Владимир Семенко

О Благодатном Огне и
богословском рационализме __ **148**

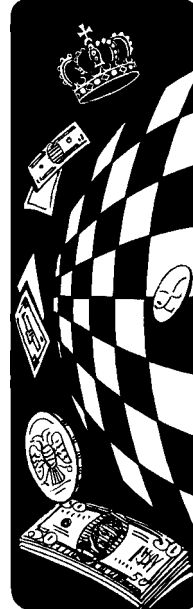
Contents in English look at the page 180

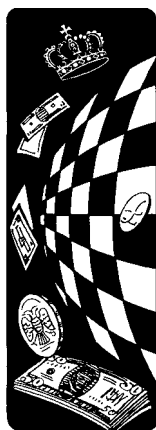
РОСССМЯ ХХІ

Поскольку общество, в котором мы живем, подчинено приобретению собственности и извлечению прибыли, мы редко можем встретить какие-либо свидетельства такого способа существования, как бытие. В связи с этим многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека образом жизни. Все это создает особые трудности для уяснения людьми сущности бытия как способа существования – или хотя бы для понимания того, что обладание – это всего лишь одна из возможных жизненных ориентаций. Тем не менее корни обоих понятий – в жизненном опыте человека. Ни то, ни другое нельзя рассматривать отвлеченно, чисто рационально; оба они находят отражение в нашей повседневной жизни и требуют конкретного рассмотрения...

Первым условием создания нового общества является необходимость осознания тех почти непреодолимых трудностей, с которыми столкнется такая попытка.

Эрих Фромм

Сергей Кургинян

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
ПОСЛЕ МОДЕРНА:
ВЕКТОРЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ**

Will Russia be able to preserve sovereign domestic and foreign policy in the nearest forthcoming years? That is one of the most unpleasant and sensitive issues. It proves to be in agenda under circumstances of global crisis. The author considers two vectors of the contemporary geopolitical strategy. One vector is aimed at the recent past and does not promise progressive development and stability. It is contained in gradual rollback to prior frontier lines and beyond them a bitter prospect of the state's independence disintegration and extinction. The second vector is contained in continuation of the chosen course. Multitude of difficulties lies in wait for Russia's elite. Firstly, it is necessary to heal not effects but causes, unravel these causes. Is the stratum of super-rich able to sacrifice profits for the sake of the country's future? Is development in the context of the spiritual and metaphysical exhaustion of the elite possible? Can the true Being prevail over philosophy of quantitative increments, profits, economic and class egoism? These are questions the national leaders and all who is not indifferent to the country's future will have to answer in the nearest time.

**СТАРЫЙ ВОПРОС:
ИМЕТЬ ИЛИ БЫТЬ?**

Передо мной – книга Мартина Хайдеггера «Бытие и время»... «Эдмунду Гуссерлю в почитании и дружбе посвящается». Время, бытие, вечность, присутствие...

Хайдеггеру, конечно, бытие милее, чем время. О бытии он говорит, не обставляя каждое свое утверждение ссылками и цитатами. А о времени... То Гегель, то Дильтей, то вот граф Йорк фон Вартенбург, на чьи письма Дильтею Хайдеггер ссылается особенно уважительно. Более уважительно, чем на сочинения Гегеля.

Граф пишет: «"Ученые" стоят перед силами времени как тончайше образованное французское общество перед тогдашним революционным движением».

Силы времени, ау! Вы породили Цхинвал, черноморские предьядерные судороги, мировой финансовый кризис. Что вы еще припасли?

Силы молчат.

А граф Йорк фон Вартенбург отвечает: «Колебания волн, вызванные эксцентрическим принципом, создавшим более четырехсот лет назад некое новое время, мне кажется, до крайности расплылись и измельчали, познание прогрессировало до снятия его же самого, человек настолько оторвался от самого себя, что себя уже не замечает».

Вартенбург фиксирует некий «эксцентрический принцип», породивший новое время (то есть Модерн). Это уже открытие, поскольку главное-то как раз в том, что принцип не абы какой, а именно «эксцентрический». Он связывает возникновение этого принципа с Ренессансом, оформившим этот принцип более четырехсот лет назад. Он говорит о неких колебаниях волн, вызванных этим принципом. Он оценивает изменения характера этих волн. Он связывает изменения характера волн с метаморфозой в отношениях между человеком и знанием. А в завершение он пишет: «"Человек модерна", т. е. человек после Ренессанса, готов для захоронения».

В середине XIX века Модерн вдруг начал дряхлеть с пугающей всех скоростью. Кто только об этом не писал, сравнивая эту дряхлость с древнеримской («Я – римский мир периода упадка»)! Рецепт омоложения Модерну предложил коммунизм, и именно в его советской версии. Фашисты взвыли от ярости. Либералы говорили о спасительной весте с Востока. Россия спасла Запад не только от фашистской чумы, но и от предуготовления западного человека к захоронению, о котором так достойно и емко сказал граф Йорк фон Вартенбург.

Омолодившись за счет коммунистов, проект Модерн продержался еще сто лет. Когда коммунизм убили, он снова стал дряхлеть. И еще более стремительно. Кто-то этому радовался, кто-то ужасался. Но все понимали, что падение коммунизма означает стремительное увядание присосавшегося к его относительно молодому телу Модерна. Что, Хайнрихс этого не понимал? И Адорно не понимал? И Маркузе? И Хоркхаймер? И вся франкфуртская школа? Да и не только франкфуртская.

Не понимала этого только В.И.Новодворская, и то не факт.

Не понимали этого наши бойкие нувориши. И их ставленники. Да и то не все. Б.Ельцину это все было «по барабану». А интеллектуалы из его команды были «в курсе». А уж как Запад был «в курсе», так дальше некуда.

Прошло сто лет с момента предсказания графа фон Вартенбурга.

И вот на пороге неслыханного глобального кризиса, в момент абсолютного увядания Модерна российская политическая власть и околовластные российские интеллектуалы провозглашают... нашу модернизацию! Оказывается, только теперь мы к ней подошли (а двадцать лет-то что делали?!). И никто теперь не смеет ей мешать! А проводиться она должна в самой оптимистической – так и хочется сказать «шикарной» – нерепрессивной модификации! Она должна быть и мягкой, и демократичной, и открытой всему на свете.

Но главное – чтобы ей никто не мешал. А даже если кто-то и будет мешать, то он все равно не враг – он так... Бедолага, не избавившийся от атавизмов холодной войны. Не избавится – мы ему врежем в воспитательных целях и снова займемся мягкой, демократичной, открытой и суверенной модернизацией.

То, что врежем – хорошо. А вот как займемся? Как займемся-то, когда и «эксцентрический принцип» – того... И волны эти самые затухают... И человек Модерна уже «готов для захоронения»... Как займемся, если вся суть мировой ситуации в этом самом «захоронении»? А разного рода частности (такие, как мировой финансовый кризис или назревающая ядерная война) – это только проявления сути, то бишь этого самого одряхления?

Суть мировой ситуации – в этом. А мы хотим (а) идти в фарватере мировой ситуации (упаси нас боже от изоляции, холодной войны и так далее!) и (б) ускоренно рожать то, что эта мировая ситуация ускоренно же хоронит.

В Россию раньше было модно привозить за большие деньги разного рода западных «телок», они же культовые актрисы Голливуда. Теперь

«телок» тоже привозят, но это уже не так модно. Модно привозить другие культовые фигуры. Людей, лет сорок назад поражавших мир свежими идеями (ну, Тоффлера там али кого еще). Привозят этих людей именно так, как десятью годами ранее привозили «телок» (понты дороже денег).

Сами эти люди, с изумлением взяв деньги, которые для них дороже понтов, с глубоким соболезнованием смотрят на привозящих их неофитов. Они понимают, что огорчать щедрых хозяев – бестактно. И потому не хотят им говорить, в чем суть общемировой ситуации. Хотя понимают это, что называется, «от и до». Хоть и в маразме уже, хоть песок из них сыпется. Но все равно понимают. Понимают, но молчат, как партизаны на допросе.

А наши интеллектуалы тоже молчат. Ибо искусство подобных интеллектуалов состоит вовсе не в том, чтобы говорить правду, как рекомендовал один плохо кончивший коллега по профессии («волхвы не бояться могучих владык»). Не побоялся и «схлопотал по полной программе». А почему схлопотал? Фишку не рубил, вот почему. Диковатый человек был, да еще вдобавок «негроидный».

Нынешний же интеллектуал все понимает до мелочей. Он вибрации ловит. Понимаете? Вибрации начальства. И оформляет эти вибрации в экспертные заключения, которые начальство воспринимает с глубоким удовлетворением. Начальству хочется, чтобы ему сказали что-то приятное. Интеллектуал улавливает, что именно. На то он и интеллектуал, чтобы уловить. Это ученые говорят после того, как поняли, что к чему. А эксперты – когда их спрашивают.

Но в сообществе людей, занимающихся так называемой игрой (она же – спецмероприятия), это называется «коробочка». На то, чтобы выстроить вокруг нужного начальника «коробочку», отсекающую его от реальности и помещающую в пространство собственных вибраций и экспертного резонанса, тратятся большие деньги. Годы уходят, чтобы эту «коробочку» сделать достаточно герметичной. На Западе профессионалы высокого класса этим занимаются.

А у нас все по принципу «быстренько, быстренько, сама, сама, сама». Интеллектуалы – «быстренько, быстренько»... А силы времени...

Я не знаю, понимает ли российская власть суть нынешней общемировой ситуации. Но, в конце концов, власть не для того существует, чтобы понимать суть. А для того, чтобы реагировать на муть, порождаемую этой, какая она ни есть, сутью. На всякие там Цхинвалы и прочее.

Но интеллектуалы-то наши российские... неужто все по принципу «чего изволите-с»? Коли так – то добра не жди.

Никто не охарактеризовал эту самую суть нынешней общемировой ситуации, суть, ускользающую от власти или игнорируемую ею, емче, чем покойный граф Йорк фон Вартенбург, чьи прозрения так высоко ценили и Дильтей, и Гуссерль, и Хайдеггер.

Владимир Владимирович Путин, в отличие от меня, блестяще владеет немецким языком. И он может насладиться прочтением писем графа Йорка фон Вартенбурга в оригинале (Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg 1877–1897, Halle a.d.S. 1923). Я убежден, что и прочтение этих писем, и прочтение откровений других выдающихся людей, говоривших о подготовленном к захоронению проекте Модерн, и порожденный этим прочтением иной взгляд на нашу реальность могли бы многое изменить. В частности, прекратить несвоевременные разговоры о модернизации как таковой. И уж о модернизации мягкой, открытой и органичной – тем более.

Один царедворец скажет: «Нашим лидерам недосуг». Другой добавит: «Им Иван Ильин нравится». Нравиться могут и должны барышни. Что же до Ивана Ильина, то он был просто заморожен тем мироощущением и миропониманием, которое так тонко выражено графом фон Вартенбургом в его письмах Дильтею.

То, что российским политическим лидерам нравится Иван Ильин и не нравится мобилизация, идеологизация и прочие рецидивы имперскости, понятно. Глухой не услышит.

Сталину, кстати, тоже абсолютно не нравилась индустриализация «от группы А» с ее необходимостью концентрировать главные ресурсы в тяжелой промышленности. Тем более, что ее навязывал Троцкий, требовавший посылать гильотину в деревню. Нравилась же Сталину индустриализация «от группы Б». Та, которую предлагал Бухарин. И он даже искренне восклицал, обращаясь к оппонентам Бухарина: «Вы нашего Бухарчика не трогайте!»

А потом нечто случилось. Называлось это нечто мировым кризисом. А также... Впрочем, исторические экскурсы должны быть короткими. Случилось нечто, и все. Это называется – сложилась новая объективная ситуация. К этой объективной ситуации добавилось и нечто субъективное. Апокрифы гласят, что Сталину, приехавшему с инспекцией и убежденному в эффективности бухаринской модели, какой-то преуспевающий аграрий той эпохи, позже названный «кулаком», сказал: «А ты, рябой, мне спляши, тогда я, может, тебе и дам хлебушка!»

Сталин и тогда Льва Давыдовича не послушался и гильотину в деревню не послал. Он послал туда нечто, лишенное декоративной прецедентности, столь любимой Троцким. Что именно он туда послал, все мы знаем. И чем это обернулось, знаем. Но войну мы как-никак выиграли. А если бы не послал, то не выиграли бы. И все было бы органично, открыто, мирно и по Бухарину. Но только не было бы ни России, ни человечества. А был бы один всемирный Освенцим.

Я не знаю, говорил ли нечто подобное какой-то аграрий Сталину. Но, что именно Кондолиза Райс сказала Путину и Медведеву, я знаю точно. Впрочем, Кондолизе Райс я намерен обсудить несколько позже. А сейчас хотел бы завершить цитирование полюбившегося мне графа фон Вартенбурга: «И тогда я наслаждаюсь тихим разговором с собой и общением с духом истории. Он Фаусту в его келье не являлся и маэстро Гете тоже нет».

Далее граф говорит о том, что ни Гете, ни Фауст не отшатнулись бы в испуге от такого явления к ним важного и захватывающего донельзя духа истории. Он говорит, что дух истории в каком-то глубоком смысле более дружелюбен и родствен человеку, чем обитатели леса и поля. После этого он говорит об УСИЛИИ, порождающем эту встречу человека и духа истории, и в завершение указывает: «Усилие тут имеет сходство с борьбой Иакова».

Вот ведь как человек, вел-вел и вывел на главное – усилие, имеющее сходство с борьбой Иакова.

Нет западного политика вообще и американского тем более, который бы не завибрировал при упоминании Иакова. Апелляция к Иакову – не «еврейская выдумка», а осевой принцип всей западной цивилизации (да и исламской тоже). Он особо почитаем протестантами вообще и англосаксонскими в первую очередь. Но нечто сходное есть и у народов, чья культура сформировалась без влияния Библии («потеря лица» в Китае, «кодекс чести» в Японии и так далее). Но мы сейчас анализируем Запад. Для него борьба Иакова, сходство усилий с борьбой Иакова – это, повторяю, принцип, порождающий очень многое. Внешнеполитическую доктрину, логику проведения переговоров, способы поведения в конфликтах, психологическую оценку партнеров...

Для Запада мир делится на «народы Иакова» и «народы Исава». В этом, конечно же, есть и надменность, граничащая с расизмом, и почва для так называемой русофобии. Но есть и нечто, требующее не отторжения, а осмысления. Народы Иакова – это народы, для которых перво-

родство важнее чечевичной похлебки. А народы Исава – народы, которые готовы на богопротивный «иксчейндж».

Западный политик, прежде всего, устанавливает, кто его партнер. Он, так сказать, из колена Иакова или из колена Исава? Если он из колена Иакова, логика поведения одна. Если из колена Исава – другая. Группы, готовящие переговоры, отслеживающие их результаты, формирующие предложения по части кнута и пряника, создающие психологические портреты, могут и не использовать метафору Иакова и Исава. Но они пропитаны этим духом. Они воспитаны в этой культуре. И уж тем более в этой культуре воспитаны политические лидеры.

Может быть, для романского мира это и не является сверхдоминантой, хотя все равно присутствует. Но для англосаксонского мира это именно сверхдоминанта. Так сказать, альфа и омега реальной политики.

А теперь введем поправку на ситуацию. Пока ситуация стабильна и ничто никому не угрожает, всегда доминируют цинизм, система своекорыстных интересов, мелкие амбиции, политическая лень и прочее. Так мир устроен. Но, как только возникает хотя бы кризис (а уж тем более угроза коллапса), как только обостряется конфликт, задевая экзистенциальную тему (что такое ядерная война? это экзистенциальная тема!), сверхдоминанта выходит на поверхность. И тогда альтернатива между Иаковом и Исавом (вопрос о первородстве и чечевичной похлебке) дополняется тем самым усилием Иакова, о котором говорит граф фон Вартенбург.

С кем именно боролся Иаков, получая следующий после Авраама (более высокий) уровень отношений с Богом – с Богом ли, Ангелом или Сыном Божиим, – это теологически открытый вопрос. Но то, что Исав рвался к похлебке (Иметь), а Иаков к тому, чтобы Быть, и получил в результате новое качество Бытия, – это понятно всем. И теологам, и политикам.

Что такое первородство и Иаков? Это именно то, что Эрих Фромм называл Быть, а Хайдеггер – Бытием. А что такое чечевичная похлебка и Исав? Это то, что Эрих Фромм называл Иметь. Присутствие духа истории (возникающее у человека, обладающего бытием, в особые экзистенциальные моменты) порождает усилие. Так это происходит у людей Иакова. Когда они соединяются с духом истории, у них нечто включается, а когда оно включается, они способны бороться. Хоть с Ангелом, хоть с Сыном Божиим, хоть с Богом. Бороться за признание, за новый формат отношений.

Вот говорится, что нам не нужна мобилизация (мобилизационная экономика и так далее) и нужен мягкий проект Модерн. Я не спорю. Сама по себе мобилизация – штука неоднозначная. А мягкий проект всегда лучше жесткого. А еще нам нужны были десятилетия спокойной жизни для реализации проекта 2020. Мало ли что человеку бывает нужно. Дух истории апеллирует не к нужному, а к должному и возможному. Я могу только уважать людей, которым нужна мягкая модернизация и не нужна мобилизация. Мне отвратительны кровожадные люди, тираны, властолюбцы, диктаторы.

Но все же понимают, что нет впереди никаких десятилетий спокойной жизни (нормальной жизни, как еще говорилось). Что коридор возможного сужается. А давление стенок этого коридора апеллирует к должному. К должному – а не к желаемому (нужному). К должному и возможному. И эта апелляция все равно породит – с неумолимостью закона Ньютона – необходимость мобилизации.

Мобилизация же – это довольно сложная штука. Она начинается с того, что ты возвращаешь себе отчужденное бытие (если, конечно, оно отчуждено). Что ты самопреобразуешься – нет, не из Савла в Павла, а из Исава в Иакова. И ты преобразуешься, и весь народ. Тебя подсадили на это самое Иметь («бабки», комфортная жизнь и прочее), ты на это купился, теперь над тобой издеваются (обманули дурака на четыре кулака)... Ты, конечно, можешь просто беситься, но это криминальный кураж. А вот если с тобой начнет происходить что-то другое (примерно то, что со Сталиным, которому сказали: «Ты, рябой, спляши!»), если происходящее не просто заденет твое самолюбие (плевать политику на самолюбие, ему страну спасать надо), а включит твой спящий экзистенциал, то все возможно. Если можно из Савла в Павла превратиться, то можно и из Исава в Иакова. Или из рябого Джугашвили в Сталина.

Надо только понимать, что в принципе все возможно. Не мне решать – нужно ли. Но возможно – все.

Все начинается с тебя, а кончается твоей Родиной. Спаси себя – и спасутся многие.

И всего-то надо – обрести Бытие и включить Время (дух истории). Перейти от отсутствия к присутствию... А дальше – кто знает, может, что-то получится... Что именно получится, если это СДЕЛАТЬ, неясно. А вот что получится, если этого НЕ СДЕЛАТЬ, ясно. Возможно, это ясно только мне. Но поскольку я уже заговорил о парадигме Исава как альтернативе парадигме Иакова, то я покажу, что это такое в плане су-

губо практическом. А иначе окажется, что я не политическую теорию развития строю, а воспаряю в высь поднебесную.

«Независимая газета» от 19 сентября 2008 года. Статья Константина Ремчукова. «Кремль не намерен и далее углублять конфронтацию с Западом в целом и с США в особенности», – утверждает Ремчуков. Поразительная сенсация! Как говорил герой Чехова, «табак есть главным образом растение».

Но оказывается, что Кремль не просто не намерен углублять конфронтацию. Он планирует уступки. Ремчуков пишет: «В скором будущем будет принят целый пакет мер, направленных на улучшение отношений и ослабление напряженности в диалоге между Россией и ее ключевыми западными партнерами. Об этом сообщают сразу несколько информированных источников в Администрации президента России и вокруг нее».

Эти же информированные источники (ну, кто из нас не знает источники господина Ремчукова!) разъясняют, что на состоявшееся решение Дмитрия Медведева перейти к политике «умеренной разрядки» в отношениях с Западом повлияло несколько факторов. Каковы же факторы?

Фактор №1, по Ремчукову, – «весьма умеренная» реакция США и особенно Евросоюза на признание Россией Абхазии и Южной Осетии. Мягкая?

19 сентября «Независимая газета» печатает программную статью Ремчукова.

А 18 сентября госсекретарь США Кондолиза Райс, выступая в Фонде Маршалла «Германия – США» в Вашингтоне, призывает Европу выступить единым фронтом с США против агрессии России. Говорит она при этом следующее: «Грузия выжила. Ее демократия станет крепче. Ее экономика будет возрождена. Ее независимость укрепит. Ее вооруженные силы со временем будут восстановлены. И мы ждем дня, когда территориальная целостность Грузии будет восстановлена мирным путем». В переводе с политического языка на нормальный это означает, что либо Россия дозреет до уступок (что после случившегося равносильно ее капитуляции и отпадению Северного Кавказа, как минимум), либо ее развалят, либо... Вооруженные силы Грузии будут восстановлены? А зачем их восстанавливать, если одних грузин для возвращения отпавших провинций все равно мало? Говорим о восстановлении вооруженных сил Грузии, а имеем в виду спецоперацию НАТО?

Это мягкая реакция? Кого за идиотов держите, господин Исав... прошу прощения, Ремчуков?

Еще Кондолиза Райс заявляет: «Анахронические манифестации военной мощи России не смогут повернуть историю вспять». Райс издевается над Россией, оказавшейся в компании с Никарагуа и ХАМАС, и глумливо отзывается о визите в Венесуэлу «устаревших бомбардировщиков ТУ-160». И выносит вердикт: «Международный статус России сейчас хуже, чем когда-либо, начиная с 1991 года».

Но главное высказывание Райс в этом выступлении – о (цитирую) «параноидальном агрессивном импульсе» Москвы. Она прямо так и говорит! Кокетство, блажь, истерика? Полно! Так говорит народ Иакова с народом Исава.

На уровне риторики дают одну пощечину (говоря о «параноидальном агрессивном импульсе»), на уровне прагматики – другую (заявляя о том, что территориальная целостность Грузии будет восстановлена). А Ремчуков блеет о факторах, порождающих стремление к достойным отношениям между равноправными партнерами.

С фактором №1 мы ознакомились. Но есть еще фактор №2. Что же это за фактор? Представьте себе, финансовый кризис: «С учетом того, что наша экономика стала частью мировой, справиться с его (кризиса этого самого. – С.К.) последствиями без помощи Запада и тем более в условиях изоляции России практически невозможно».

И это называют умеренной разрядкой? Это не умеренная разрядка, а безоговорочная капитуляция. «Плюс исавизация всей страны». Но кто же «исавизатор»? Кто архитектор этой новой перестройки, которую нам сулит Ремчуков?

Ремчуков говорит об архитекторе без всяких обиняков. Мол, архитектором является заместитель руководителя Администрации президента РФ Алексей Громов. Нда... Громов – не Саркози. Ему зачем такие лавры? Какую бы в дальнейшем карьеру он ни хотел сделать, ему сейчас эти лавры даром не нужны. И Яковлеву они были не нужны. Лигачеву нужно было засветить Яковлева, а Яковлеву, как «архитектору», хотелось находиться в тени.

Даже тогда хотелось, а теперь... В 1988 году чечевичная похлебка была хитом сезона. Прошло двадцать лет. Это уже не совсем так. А точнее – совсем не так. Засвечивать А.Громова в виде главного «чечевичника»... Это очень сомнительное занятие. Провокация? Не похоже. Не стал бы Ремчуков сам исполнять столь сомнительное спецмероприятие. Тогда зачем он орет как оглашенный: «Пацаны, бежите все к Громову скорее, он теперь главный "Яковлев"!»? Он рехнулся? Опять-таки, не похоже.

Какое тогда объяснение? Цейтнот! Нужно, чтобы все «пацаны» поскорее поняли, куда бежать. Им этот мессидж посылают в радиозфир без шифровки. «Как-то скверно здесь пахнет», – говорили герои братьев Стругацких... Очень, очень сильно пахнет этим самым Исавом.

Вчитаемся внимательнее в ремчуковские (вполне бестактные) восхваления Громова: «Пакет приоритетных мер в настоящее время разрабатывает неформальная рабочая группа, которую возглавил заместитель руководителя Администрации президента Алексей Громов. Этот чиновник уже несколько лет занимается вопросами имиджа российской власти на Западе. Считается, что именно Громову принадлежит идея создания телеканала Russia Today, предоставляющего зарубежной аудитории объективную информацию о событиях в России, и регулярных встреч политологов – членов известного "Валдайского клуба" – с российским руководством. На недавнем заседании "Валдайского клуба" Медведев особо отметил позитивную роль замруководителя АП в налаживании диалога официальной России с международным экспертным и журналистским сообществом».

Дмитрий Анатольевич Медведев – законно избранный президент Российской Федерации. Что именно он поручил заместителю руководителя кремлевской Администрации – касается только президента и этого высокого чиновника. Вопрос на засыпку – почему обо всем этом надо говорить в газете и фактически день в день с донельзя наглой выходкой Конди Райс? Это ведь называется «активка», не правда ли? Спецмероприятие по сопровождению... А как иначе? День в день... Под вопли о том, что мы изжили «пятую колонну»... Как же, изжили...

Далее господин Ремчуков пишет: «По сведениям наших источников, президент четко определил "группе Громова" "красные линии", за которые Россия отступать не может и не будет».

Дмитрий Анатольевич Медведев что захотел, то и определил. На то он и президент, чтобы давать задания высоким администраторам. Уступки в политике всегда существуют. Не собираюсь заполошничать и заниматься охотой на ведьм. «Красные линии», которые называет Ремчуков, вполне патриотичны. И Абхазия с Южной Осетией сданы не будут... В общем, и волки будут сыты, и овцы целы. Короче, все в шоколаде. Точнее, ништяк, рассосется... Это раньше было в шоколаде. А теперь ништяк, рассосется и... и будет в шоколаде. Не будет!

18-го – Райс. Ох, как ее анонсировали! Тезисы по газетам разослали, подчеркивали, что выступление беспрецедентно жесткое в отношении России.

19-го – Ремчуков. Райс хлещет по щекам... Ремчуков надрывно шепчет: «Терпеть, терпеть – и будет все в шоколаде». В шоколаде?

Я пригласил гостя, выставил на стол икру и хочу его угостить, а он мне орет: «А ну, паскуда, мажь скорее бутерброд! Живо, пока тебя не прихлопнули!» Что я сделаю? Я возьму ножик в одну руку, банку икры в другую и... А вы, наверное, бутерброд намажете?

Райс не понимает, что делает? Ее хозяева хотят разрядки, а она выкидывает фортель? Она – отморозок? Полно! Повторяю – она говорит с народом Исава на языке народа Иакова. Считаю, что у нее есть первородство, а у вас один сплошной аппетит. У нее есть бытие и время – у вас пока что есть «бабки». Но это, дорогие мои, пока что! Она шлет сюда мессидж: вы шваль, вы народ Исава!

А Ремчуков ей вторит: да-да, мы стопроцентный народ Исава! Мы только мошки, мы ждем кормежки! И... и давайте выстраивать достойные равноправные отношения, поскольку (совсем уж прямая иллюстрация на тему Исава) «наша экономика стала частью мировой и справиться с последствиями кризиса без помощи Запада не может...».

Если у вас ни гроша, если вы на абсолютной мели – вы все равно так говорить не будете, коль скоро ведете переговоры. Вы так будете говорить, только если вы – «пятая колонна» американцев и хотите им побыстрее доложить, что их партнер по переговорам сломан. Я провел в своей жизни до сотни переговоров разного ранга. Но есть опытные переговорщики, которые счет ведут на тысячи. Пусть хоть кто-нибудь мне докажет, что я неправ. Это не ход переговорщика. Это ход провокатора, стукача, «шестерки» американцев.

Ремчуков развивает тему: «Кремль может, подобно белорусскому президенту Александру Лукашенко, облегчить участь ряда российских граждан, которых на Западе считают политзаключенными». Тут же Ремчуков пугливо оговаривается, что это не Ходорковский... Ну, ладно, ладно. А кто, интересно? Просто так интересно, что дальше некуда... Чтобы и Райс это было нужно... И Кремль не задевало... Таких просто нет. Райс же (и прочим разным) нужен только один политзаключенный – тот, который пока что плохо освоил профессию швей-мотористки.

Причем все понимают, что, выпуская Ходорковского, надо кого-то... ну, если не посадить, то сдать. И все понимают, кого. И все понимают, что это дежа вю на тему возвращения из ссылки Сахарова. Но не это главное. Когда новый политический лидер выпускает кого-то знакового – он тем самым осуществляет изменение курса. А вот когда он делает

это под давлением и в порядке «баш на баш» – то это колониальная норма, не так ли? Причем тут суверенитет?

Вопрос на засыпку: демократия с лицом Исава (без бытия, времени, присутствия и усилия) может быть суверенной?

Следующая уступка, если верить Ремчукову, – «либерализация условий участия крупных транснациональных корпораций в стратегических сырьевых проектах на российской территории». В Конго уже нет такой либерализации. Говорим – «либерализация», понимаем – «капитуляция»? Делаем политические уступки под давлением? Это значит сдаем политический суверенитет. Делаем экономические уступки под давлением? Сдаем экономический суверенитет. Ну, а дальше... Дальше вообще сдаем... А потом сдаемся.

Вновь цитирую Ремчукова: «Ну, и конечно, "на десерт" (нет, согласитесь, что-то уж совсем официантское – "на десерт"! – С.К.) Кремль может предложить Западу определенные кадровые перестановки: некоторые чиновники, вызывающие излишнее раздражение в Вашингтоне и европейских странах, возможно, уйдут на задний план. Не в последнюю очередь речь идет о министре иностранных дел Сергее Лаврове, который сегодня превратился чуть ли не в живой символ растущей российско-западной конфронтации, особенно после его нашумевшего пикантного разговора с британским коллегой Дэвидом Милибэндом...»

Далее следуют официантские же, целовальные, так сказать, расшаркивания перед Лавровым, который и Медведеву нравится, и Путину. Которого и повысить можно, но при этом убрать. И которого надо заменить на Громова, руководителя рабочей группы по умеренной разрядке.

Все это вместе называется (цитата) – «Дмитрий Медведев пытается найти решение, которое позволит стратегически замирииться с Западом без какой бы то ни было "сдачи" геополитических позиций России».

А также (опять цитата) – «дружба сильных и равных».

Сильных и равных? Если вы сдадите под давлением Лаврова, выпустите политзаключенных (опять-таки под давлением), спустите с цепи свору перестроечных ремчуковых, а объяснять все будете тем, что не можете справиться с финансовыми неурядицами без помощи США, которые никакой помощи не дадут, то это дружба сильных и равных? Без сдачи геополитических позиций? Но – с восстановлением вооруженных сил Грузии, а также ее целостности мирным путем!

Лавров им мешает? Я вчера родился и не знаю, кто им мешает? Они что, не говорят об этом на всех закрытых и полужакрытых международных тусовках? Сдать надо Путина и неких его особо одиозных товари-

щей. Гусинский об этом в открытую орет по RTVI (если кто, конечно, слушать умеет). А уж как при этом Медведева хвалят! Так хвалят, когда... Как там у Ремчукова? «На десерт»? Разовьем образ: Лаврова в качестве салата, Сечина на бульон, Путина на жаркое, а Медведева на десерт.

Путин, Медведев верят в то, что государство российское станет той или иной частью некоего Запада (Европы, Евроатлантики)? Исключено. Это серьезные политики, слишком хорошо знакомые с ситуацией и ощущающие ее смертельный (и для них лично, и для России) специфический «холодок».

Есть идиоты, твердящие сейчас о нашем вхождении в Запад так же, как 30 лет назад твердили о скором пришествии коммунизма. И есть подонки, которые знают, что войдут в Запад они лично, а Россия будет расчленена. Это все – «исав-дженерейшн», «похлебофилы».

России же пора вернуться к Бытию. Ох, как пора!

**ЭКСПАНСИЯ ОБЛАДАНИЯ.
ПОСЛЕДСТВИЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
КАТАСТРОФЫ**

Рассмотрим в самом общем виде ситуацию, в которой вы любому «некто» предлагаете «нечто» (например, возвращение к Бытию). Какие тут возможны сценарии?

Сценарий №1 – речь идет о «нечто», созвучном «некто». Вы в этом случае объясняете адресату, что ваше предложение реализует его желание. Что станет лучше. Причем лучше в том смысле, который адресату понятен и близок. В политике, экономике, административной и иной деятельности это называется «меры по совершенствованию».

Вам могут сказать, что меры, которые вы предлагаете, неэффективны. Что издержки ваших нововведений не окупают обещаемых вами приобретений. И, наконец, что интересы тех, кто не хочет предлагаемых вами изменений, превалируют над интересами тех, кто их хочет. Но в принципе именно такой сценарий и нужен для нахождения взаимопонимания с «некто».

«Некто» может оказаться косным и заворчать: «Вот еще – "лучше". Да нам и так неплохо. А тут надо заново огород городить...». Но если «некто» не слишком консервативен, а ваши предложения для него являются внятными и разумными, то он их примет. В случае, конечно, если они разумно поданы – сформулированы и сопровождаются.

Сценарий №2 – вы предлагаете «некто», которому хорошо, «нечто», абсолютно для него нежеланное. Если «некто» не взбесится сразу и не

пошлет вас куда подальше, то между вами обязательно завяжется такой диалог.

Некто: А зачем нам это нужно, если нам и так хорошо?

Вы: На самом деле нехорошо.

Некто: Это вам нехорошо, а нам – хорошо.

Вы: Это сегодня вам хорошо. А завтра и вам, и всем будет очень плохо.

Некто: Вот когда будет плохо, тогда и поговорим.

Вы: Тогда уже будет поздно! Сейчас надо предуготовляться, создавать необходимые антикризисные механизмы, менять систему. Это не быстрое и очень трудоемкое дело.

Некто: На дворе прекрасная погода, а вы нам о каких-то там бурях.

Вы: У меня на руках метеосводки такие, что дальше некуда.

Некто: Подумаешь, метеосводки.

(Вы уходите. Потом набегают тучи, и вы «через не хочу» приходите снова.)

Вы: Ну, как?

Некто: ...

В идеальном случае «некто» скажет: «Да, вы правы. Давайте действовать». Но гораздо чаще происходит другое. Предлагаемые действия не осуществляются в полном объеме, их слишком долго обсуждают, уродуют, вымещают на вас раздражение, поскольку вы оказались правы. Вы опять уходите. И в третий раз не приходите. Не потому, что в вас выиграло «ретивое». А потому что буря. Ваши предложения касались предуготовления к буре. А теперь она уже началась. И готовиться к ней поздно. «Некто» надо с бурей, а не с вами вести диалог. Да и вам тоже.

Сценарий №3 – буря сокрушает все, что дорого и вам, и «некто». Вы вместе с «некто» предпринимаете меры по спасению того, что дорого и вам, и ему. Если ваши совместные действия предотвратят губительное развитие событий, то все вернется к конфликту ценностей, который описан в сценарии №2. Но какое-то время вы вместе с «некто» можете «нечто» вполне успешно осуществлять.

Сценарий №4 – невнятен. Внятность – это когда вы предлагаете «некто», живущему в городе, вернуться в его родную деревню. «Некто» знает, где деревня, как до нее добраться и как в ней жить. Он не хочет снова жить в этой деревне, но если в городе нет тепла, воды и электричества, то «некто» примет ваше предложение и лучше вас обживет предложенную вами избу. Ибо он жил в деревне, а вы человек умствен-

ный, городской. «Некто» потому до последнего и не хочет принимать ваше предложение ехать в деревню, что он там жил, все знает «от и до» и его от деревенского жития выворачивает наизнанку. Но он, повторяю, понимает, что ему предлагают.

А вот если вы предлагаете «некто» не вернуться в его деревню (то есть устроить все один в один как при Брежневе или Сталине), а отправиться невесть куда (в какое-то там Бытие вернуться), то «некто» просто не понимает, о чем вы. А поскольку он вас... ну, не то чтобы ценит, а так... считает и неглупым, и энергичным, то ему не может не показаться, что вы «пургу гоните». То есть подбиваете его на самом деле все на то же возвращение в деревню, обставляя оное всякими красивыми словами. В лучшем случае, «некто» начнет вам петь в ответ есенинские романсы:

*Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость...*

И так далее. Как у Василия Макаровича Шукшина в фильме «Калина красная». Опять же – красная, понимаешь...

Но это в лучшем случае. А в худшем начнется «бенц»: «В деревню зовут, да еще ходят вокруг да около! В Бытие какое-то надо, видишь ли, ехать... Что еще за Бытие? Где деревня находится – мы знаем. А Бытие...»

В стране, где наизусть заучивали, что «бытие определяет сознание», сложилась странная и неслучайная путаница. Люди почему-то решили, что быт определяет сознание. Они приравняли быт к Бытию. Те же, кто говорил, что «бытие определяет сознание», никоим образом не рассчитывали на подобную подмену. Они хотели понять связь сознания вовсе не с бытом, а с Бытием. Им в страшном сне не могло присниться, что сознание определяется тем, имеет ли его обладатель зарплату в 5000 рублей или 5000 долларов. Речь шла о Бытии как «царстве качества» и о том, как это «царство качества» связано с сознанием. А также с совершенно отдельным «царством» – «царством количества».

Я поясню. Когда говорилось, что капитал за 1000% прибыли продаст родного отца, то имелась в виду экспансия товарно-денежных отношений в те сферы, в которых ранее им не было места. Капитализм и впрямь вынес очень многое на продажу. И для этого очень многого возник количественный эквивалент – цена. Как только нечто получает цену, оно переходит из «царства качества» в «царство количества».

Человек эпохи, предшествовавшей капитализму (и именуемой «традиционным обществом»), с трудом расставался, например, с домом, где жили его предки. Человек же, живущий в посттрадиционном обществе, холодно спросит о цене, которую ему предлагают, и если эта цена его устроит – то съедет. То есть дом предков перешел при капитализме из «царства качества», в котором он находился ранее, в «царство количества».

Перед людьми, осмысливавшими капитализм, очень остро встал вопрос о том, что осталось в «царстве качества». Или, как они говорили, не оказалось в результате торжества капитализма предметом купли-продажи. Понятно, что труд оказался предметом купли-продажи... А вот родной отец?

Бытие – это ядро социокультурной системы. Кто-то скажет «цивилизации». Но на самом деле социокультурные системы бывают разные. В ядре социокультурной системы находится то, что не имеет количественного эквивалента. Если при капитализме все имеет количественный эквивалент, то в нем нет Бытия.

А что же есть? Есть то, что называется Иметь. Иметь – это обладать теми или иными количествами. Быть – это обладать качеством. Общественное сознание, как и сознание личности, определяется ядром социокультурной системы. И находящимися в ядре кодами. Содержание ядра (коды, связи между ними) не может быть наделено никакой количественной эквивалентностью. На любой вопрос, адресованный к этому содержанию: «Сколько стоит?» – ответ один: «Нисколько».

В зависимости от того, что именно «нисколько не стоит», сознание качественно разное. У традиционного человека, для которого дом не стоит нисколько, оно одно. Для современного человека, потерявшего дом как качество, оно другое. Но это другое сознание, опять-таки, определяется тем, что современный человек не потерял как качество. А если он потерял все, то он не человек. Можно сказать, что он постчеловек. Или неочеловек. Но он не человек. Совокупность «пост» или «нео» людей, не имеющих ядра и неспособных ответить «нисколько» ни на один вопрос, не обладает Бытием. Можно с уверенностью утверждать, что такая совокупность не обладает и жизнью. А то, чем она обладает, следует назвать «постжизнью».

Тем, кто опять начинает раздражаться, подозревая в вышесказанном словесную эквилибристику, я должен задать один простой вопрос: сколько стоит Родина? Или точнее: за сколько ее продаст наш российский капитал?

Если за 1000% прибыли он продаст родного отца, то за сколько процентов конкретно он продаст Родину? Люди, которые противопоставляют метафизике реальную политику, глубоко заблуждаются. Потому что единственный политический вопрос, без ответа на который невозможно ничто: ни стратегия, ни определение политического курса, ни совокупность антикризисных действий, ни внешняя политика, – абсолютно метафизичен: когда и за сколько наш капитал продаст Россию? Не отца, как говорили классики, а Родину-мать.

Чем является для капитала Россия? И если он собирается ее продать, то что надо делать с ним как с господствующим сословием? Что должно делать с ним общество (если общество, конечно, на вопрос о том, сколько стоит Родина, отвечает: «Нисколько»)? И что должна делать власть? Она сама чем себя считает? Частью господствующего сословия? Или субъектом исторического действия?

Конкретная перспектива продажи России (а точнее, осуществление развала России) была рассмотрена Збигневом Бжезинским сразу же после событий в Цхинвале. Уже 14 августа он написал, что для ответа на русский вызов не надо затевать ни холодную, ни горячую войну. Надо просто проинвентаризировать, в каких банках находятся крупные состояния российских капиталистов, и предъявить обладателям этих состояний конкретный ультиматум: делайте то, что вам скажут, или лишайтесь своих состояний. Бжезинский настаивает на том, что одно такое конкретное действие разом оборвет все амбиции, все бряцания оружием в Цхинвале, а также после. И кинет к ногам США расчлененный труп жалкой страны, чье господствующее сословие не ценит ничего, кроме своих счетов в банках.

Бжезинский – не председатель мирового правительства. Но он умный, холодный и влиятельный человек. Он хорошо видит болевые точки ненавидимого им противника. А ненавидит он Россию по-настоящему. Он указывает на эту болевую точку как на основную и абсолютно смертельную. Он утверждает, что достаточно удара в эту точку, чтобы разом решить все проблемы.

А что по этому поводу думает власть? Она считает, что российский правящий капиталистический класс поступит иначе? Она готова разделить этот капиталистический класс на компрадоров и патриотов и опереться на патриотов? Она считает, что класс не будет поставлен перед тем выбором, о котором говорит Бжезинский? Она хочет опереться не на это господствующее сословие, а на какой-то другой класс (страту, группу)?

Предположим, что за рубежом находятся 500 миллиардов долларов в виде (даю усредненный вариант) ста состояний по 5 миллиардов каждое. О более мелких состояниях не будем даже говорить. Предположим, что обладателям этих состояний скажут: «Продавайте Родину – или мы отберем 500 миллиардов». Продадут ли те, кому это скажут, Родину за 500 миллиардов или за триллион долларов? Если еще точнее, то, во-первых, захотят ли продать? И, во-вторых, смогут ли продать?

Я понимаю, что, пока вопрос не будет поставлен ребром, российский капитал будет хорохориться и даже посылать авиацию и флот к берегам Америки. А когда вопрос будет поставлен ребром – ЧТО БУДЕТ ТОГДА?

Ничуть не меньше наших реалистов и прагматиков я в своей жизни занимался сценариями, схемами и алгоритмами. И я абсолютно не понимаю, о каких конкретно сценариях, схемах и алгоритмах можно говорить без ответа на этот вопрос. Более того, я убежден, что все реальные схемы и алгоритмы, избегающие ответа на данный вопрос, – это забалтывание ситуации, невротическая лихорадочная говорильня, а вовсе не солидные рассуждения людей, понимающих, чем конкретное отличается от абстрактного. Диалектика конкретного и абстрактного в нынешней ситуации как раз и состоит в том, чтобы сначала ответить на этот вопрос, а потом заняться проработкой совершенно иного характера – сухой, деловой и прагматичной донельзя.

Обладает ли российский капитализм Бытием? Обладает ли «новый русский» (между прочим, все ли понимают, что это издевательский парафраз на «нового человека», о котором говорили коммунисты?) антропологическим статусом? Является ли он человеком или постчеловеком? Есть ли у него личностное ядро в том смысле, о котором я говорил? И что находится в этом ядре? А то ведь, может быть, в нем понятие «ребенок» есть, а понятие «Родина» уже отсутствует.

Но этот же вопрос может быть задан не только господствующему политическому сословию, но и всему российскому обществу, в семантике которого особое место занимает сейчас выражение «всё в шоколаде». Под «шоколадом» имеется в виду обладание новыми возможностями – купить за деньги очень и очень многое. Эти возможности пьянят.

Что дороже – Родина или эти возможности? И что такое Родина? Если Родина – это место процветания, преуспевания и у нее есть количественный эквивалент, то ее, по сути, нет, ибо в других частях мира при наличии денег ты можешь тоже преуспевать и процветать. Если же Родина определяется не количеством, а качеством и является единст-

венным местом, где ты можешь обладать качеством, то есть Быть... И если, далее, у тебя самого есть потребность в этом качестве, то ты не обменяешь Родину как качество (Бытие) на процветание и преуспевание как количество. То есть на эти самые 1000% – покупаемые материальные и иные возможности.

Я вовсе не хочу сказать, что в жизни нет места количеству, материальным и иным возможностям и отношениям купли-продажи. Все это очень существенные слагаемые жизни. Место которым на периферии, а не в ядре социокультурных систем (групп, классов, обществ). Я всего лишь хочу указать, что настойчивый разговор о необходимости сменить социокультурное ядро субъекта под названием Россия (читайте хотя бы А.Ракитова) можно трактовать по-разному. В том числе и как прикрытые для иной затеи – проекта по уничтожению ядра.

А это так просто! Привнесите в то, что не подлежит торгу и купле-продаже, эти самые отношения количественной эквивалентности – и ядра не будет. Не будет страны как исторической личности, не будет общества и народа, не будет даже личностей как таковых. Все это заметит постчеловек и постжизнь. И, конечно, проект был именно в этом. А его острие было направлено в ядро нового господствующего сословия – этих самых «новых русских», которых и хотели взрастить в виде постчеловеков.

Почему мое стремление обсудить эту большую тему не является предметно-политическим, а болтовня о модернизационных сценариях и прочих конкретных благодетельных инновациях является?

Речь должна идти о выстроенной системе и ее способности держать нагрузки. Нагрузки будут увеличиваться. «Шоколада» будет все меньше, а проблем все больше. Выдержит ли нагрузки эта система? И чем мы располагаем для построения другой системы, адекватной росту нагрузок? Только, пожалуйста, не надо мне говорить, что мы вырастили новых, активных рациональных людей... Вы предъявите бытийственность этих людей, а также социальных систем и групп. Перефразировав древнегреческого философа, могу сказать: покажи мне, каким потенциалом Бытия располагаешь, и я скажу тебе, какова должна быть политика. Когда же политику в ситуации «быть или не быть» начинают строить, не обсуждая потенциал Бытия, это странно.

Еще страннее другое. Налицо два типа действий, осуществляемых параллельно.

Один тип действий (триумф патриотизма в Южной Осетии и Абхазии, посылка самолетов и флота к берегам Америки, накаленная анти-

американская информационная война, ведущаяся нашими телеканалами и доходящая до обсуждения на основном государственном телеканале версии, по которой ЦРУ взорвало ВТЦ 11 сентября 2001 года) наращивает нагрузки на систему. И все было бы ничего.

Но другой тип действий (параллельный – вот, что особо странно) делает систему все более хрупкой. Я имею в виду подробно проанализированный мною феномен Ремчукова, назначение Чубайса главою «Роснано технологий» с параллельным его триумфальным приходом в международный совет ключевого американского банка J.P.Morgan Chase.

А какое место в пределах этого одновременного наращивания давления на систему и ее хрупкости занимает убийство Руслана Ямадаева, фантастическая эскалация ингушской напряженности, явная попытка обострить осетино-ингушские отношения?

Без ответа на основной вопрос, который я задал, описанный мною странный «хрупкодав» будет продолжаться. Ибо в его основе – противоречивость класса, который хочет и умиловить Запад, чтобы оставить в целостности и невредимости свои зарубежные счета, и покуражиться, погрозить «кузькиной матерью». Все это было бы мило, если бы, повторяю еще и еще раз, не приводило и к наращиванию нагрузок на систему, и к ослаблению способности системы выдерживать эти нагрузки.

Но мы же все понимаем, что такое одновременное наращивание нагрузок на систему и снижение ее прочности! Это развал! Когда прочность снизится до критической, а нагрузки достигнут максимума – система схлопнется. Она просто не может не схлопнуться.

Нельзя одновременно проклинать американцев, грозить им бронированным кулаком – и идти в постиндустриальное будущее под знаменем А.Б.Чубайса, всегда донельзя американизированного и американизирующегося теперь больше, чем когда бы то ни было. Или кто-то считает, что так можно? Но пусть он объяснит обществу, на чем основана такая уверенность?

Нельзя ставить на уши уже утвердившийся американский гегемонизм, совершая беспрецедентное действие с признанием Южной Осетии и Абхазии (которое я всячески поддерживаю) и аранжировать это действие стенами и посулами Ремчукова.

Нельзя возвеличивать героизм тех, кто воевал в Южной Осетии (это возвеличивание я, опять же, поддерживаю), и сквозь пальцы смотреть на убийство брата одного из героев этой войны, совершенное в зоне ответственности ФСО, в час пик, на глазах у всех, чуть не под стенами здания правительства и рядом с британским посольством. Это даже не

ситуация, когда правая рука не знает, что делает левая. Это ситуация, когда правая рука давит на систему, а левая ломает в этой системе все ребра жесткости.

Класс под патриотические фанфары сдает Россию? Или он готов сказать, что Россия для него дороже накопленных и вывезенных на Запад состояний? Или же он раскалывается на тех, кто говорит «Родина», и тех, кто говорит «бабки»? Нужна ясность, но ее нет! Класс хочет спрятаться от прямого вопроса: Родина или «бабки»? Не «Родина и бабки» (кто же откажется? красиво жить не запретишь!), а «Родина или бабки». А когда Бжезинский и его бэкграунд поставят этот вопрос ребром – что будет тогда?

Мы не имеем права не задавать себе этот вопрос. В памятной всем, наверное, песне пелось: «С чего начинается Родина?» И перечислялось: «с картинки в твоём букваре», «с хороших и верных товарищей», с песни матери и прочее. А дальше говорилось: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять».

Но у нас же отняли? По факту – взяли и отняли. Нет СССР.

Владимир Владимирович Путин сказал, что распад СССР – это геополитическая катастрофа. И я его в этом всецело поддерживаю. Но мне кажется, что настало время сказать гораздо большее. И что это, большее, обязано быть сказано именно теперь.

Большее же состоит в том, что **распад СССР – это катастрофа не только геополитическая, но и метафизическая. Это прежде всего метафизическая катастрофа.** Ибо Быть было отдано за Иметь, первородство – за чечевичную похлебку. «Царство количества» ворвалось туда, куда оно не врывалось ни при каком нормальном капитализме. Да и ненормальном тоже. Такой экспансии количества в сферу качества не видела никакая Колумбия.

Такая экспансия количества – это метафизическая катастрофа. Она бросает вызов жизни и человеку. Она создает постжизнь и постчеловека. Мы не ответим на новые вызовы, не поняв, как следует, что это такое. Сегодня уже не может быть политики, оторванной от метафизики, от экзистенциальных вопросов. В момент, когда встает ребром вопрос: «Быть или не быть России?» – подчеркиваю, не вопрос «какой ей быть?», а вопрос «быть или не быть?» – только экзистенциальное и метафизическое начало может придать политике упругость и эффективность.

Так что же такое вызов Иметь, вызов количества, вызов антибытийности, вызов постжизни? Оторвав эти вопросы от политически актуаль-

ного, мы рискуем погрузиться в пустые умствования. Но, подчинив эти вопросы злобе дня, мы не придадим искомой политике экзистенциального качества.

Вот почему я обращаюсь к опыту тех наших великих философов, которые не чурались политики и не скользили по метафизической поверхности. Я по-своему трактую этот опыт, но не подменяю его анализ своими собственными построениями.

Первым из таких философов, к которому надо обратиться за пониманием феномена постжизни и постчеловека, является Федор Михайлович Достоевский. Это он сказал устами своего героя в «Записках из подполья»: «Это уже не жизнь, господа, а начало смерти». Что самое важное в этих словах? Понятие о НАЧАЛЕ смерти. Смерть для Достоевского не одномоментна. Она начинается. И – длится. Длющаяся смерть и есть постжизнь. А плывущий в потоке постжизни – постчеловек.

Глубже всего Федор Михайлович рассматривает это в своем «Бобке». Вчитаемся в его сокрушительные метафизические и политические пророчества.

Я уже обсуждал феномен неприличности Ремчукова и спрашивал себя и других: «Что это?» Достоевский отвечает: это постжизнь. И связывает постжизнь – социальное, политическое и культурное тление – с возрастанием этого самого неприличия.

«Заголимся!» – восклицают герои «Бобка», объятые тлением. Достоевский, исследуя личность и ее тление, говорит и о других каркасных личностных конструкциях, атакуемых тлением. Например, о способности удивляться.

Он говорит о том, что тление личности порождает способность НЕ удивляться ничему на свете. И что эта способность «почему-то признана» правящим сословием Российской империи «за хороший тон». Чем это кончилось для правящего сословия – мы знаем по результату. А Достоевский это предвидел. И выводил из своей концепции тления личности. Тление личности порождает неспособность отличить приличное от неприличного... Оно же порождает неспособность удивляться... Что еще оно порождает?

Анализируя крах той империи, мы постоянно сталкиваемся с чем-то, вызывающим оторопь. С какой-то особой склонностью делать именно то, что не надо, и не делать то, что надо. Подобную склонность принято называть «политической глупостью». Это не обычная глупость. Это метафизическая глупость, порожденная тлением личности и постжизнью как длящимся тлением. Таково, по крайней мере, мнение Достоев-

ского, предчувствовавшего гибель любимой им Империи. И пытавшегося что-то объяснить Победоносцеву, Суслову Российской империи, мечтавшему ее подморозить.

Подморозить... Не правда ли, это слово отдает моргом? Подморозить – это сдержать тление. Ну и как, удалось его сдержать? Дело не в том, чтобы сдерживать тление, а в том, чтобы обрести потерянную личность, то есть воскреснуть. Признаем же, что воскресла Россия в 1917 году. Нравится нам, как она воскресла, или нет – будем элементарно честными.

Французское правящее сословие перед революцией 1789 года было столь же изощренно и изысканно, как российское правящее сословие перед революцией 1917 года. И столь же метафизически (а в результате и политически) глупо. Оно тоже истлело. Граф Йорк фон Вартенбург объясняет это тление потерей связи с историческим духом. Что ж, потеря связи с духом всегда впускает в субстанцию это самое тление. А восстановление связи?

Революционеры были людьми достаточно простыми. Но обладали поражающим всех политическим умом, имевшим метафизический генезис. Умом, связанным с присутствием исторического духа и восстановлением личностного начала.

Личность всегда умна, считает Достоевский. Она может быть наивна, даже примитивна. Но постольку, поскольку она личность, она всегда метафизически (а значит, и политически) умна. Индивидуум же, составившийся со своей личностью, всегда метафизически глуп. Он может быть хитер, чуток, сложен, образован, тонок. Он может быть невероятно цепок. И потому успешен в определенных ситуациях, не требующих этого метафизического ума. В каких именно ситуациях? В ситуациях, когда «всё в шоколаде».

А по ту сторону «шоколады»? Там необходимо соединение с историческим духом, обретение личности и метафизического (то есть и политического) ума. Возможно ли это? Да, возможно. В той степени, в какой возможно то, что называется воскресением. Если бы я не считал, что это возможно, я не написал бы ни строчки по поводу судьбы развития в России. Ибо и судьба, и развитие предполагают Бытие, личность и не предполагают той самой особой метафизической глупости, которая порождена, уверен, «исавизацией всей страны», тлением личности и постжизнью.

Освободиться от глупости «а ля бобок» можно только воскресая (опять же в социальном, культурном, политическом смысле). Воскресая,

вновь становишься умным. Так считает Достоевский. И для меня абсолютно очевидно, что, размышляя об отдельной личности (ее тлении и воскресении), он размышляет и о России. Так поразмышляем и мы. Право же, есть о чем.

Может ли воскреснуть нынешняя Россия? Именно воскреснуть – причем не в поэтически размытом смысле, а в смысле обретения исторической личности. В смысле соединения ее субстанции с ее же историческим духом. Тем духом, связь с которым разорвала перестройка. Разорвала, предложив обменять первородство на чечевичную похлебку, организовав – подчеркну еще раз – и геополитическую, и метафизическую катастрофу. Запустив Танатос, то есть это самое тление (регресс). Истлевающее теряет Быть и получает взамен Иметь. Эрих Фромм, говоривший об Иметь и Быть, был абсолютно солидарен с концепцией тления Достоевского.

Воскресить Россию – значит вырвать ее из трясины всеобъемлющего Иметь. Посадить на цепь воющее тоскливое вождение: «Это хочу иметь, и это, и это». Изгнать количество из качества (менял из храма).

Личность – это то, что способно Быть. Экспансия Иметь – это тление. Достоевский напряженно наблюдает за тем, как тлеет в бесконечно им любимой России правящее сословие. В том числе за тем, как, тлея, то есть теряя личностное, сословие приобретает способность ничему не удивляться и считает эту способность хорошим тоном.

Достоевский прямо связывает подобное «хорошетоние» с тем, что индивидуумы, слагающие это сословие, тлея, глупеют. Еще раз подчеркну: для Достоевского потеря личности – это приобретение глупости. В итоге Достоевский выносит такой вердикт: *«Ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать».*

Потрясающая точность и глубина мысли! Достоевский устанавливает, что потеря способности удивляться имеет общий источник с потерей способности соблюдать приличия, то есть что-то уважать – себя, других, страну и так далее. И что этот общий источник – метафизическая глупость, порождаемая тлением личности.

А еще Достоевский в своей концепции тления вводит понятие «инерция». Он утверждает, что глупость порождает инерцию, а инерция усугубляет глупость. Предреволюционное состояние правящих сословий всегда чудовищно инерционно. Казалось бы, небольшой точный поворот – и все будет спасено. Но поворот невозможен. Как и точность.

Кого исторический дух хочет наказать, того он поражает инерционностью.

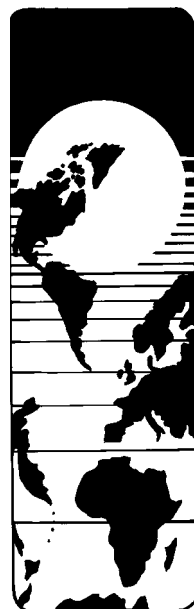
Чтобы не быть голословным, позволю себе еще одну цитату из того же «Бобка»: *«Наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь (разговор ведется, как вы, наверное, помните, между покойниками на кладбище. – С.К.) еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредотачиваются, но только в сознании. Это – продолжается жизнь как бы по инерции [...] еще месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он все еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок [...] Ну, а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь? Это... хе-хе... тут вонь слышится, так сказать, нравственная – хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два – три этих месяца УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ (выделено мною. – С.К.)... Так сказать, ПОСЛЕДНЕЕ МИЛОСЕРДИЕ (выделено мною. – С.К.)».*

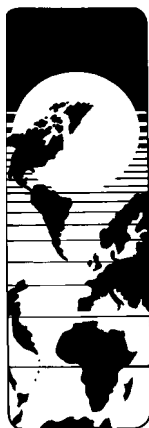
Наши западники после 26 августа 2008 года пребывают, по сути, в фундаментальной экзистенциальной ситуации «Бобка». Они могут отреагировать на эту ситуацию по-разному. Могут УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ. Прошу, прислушайтесь к этим удивительно емким словам русского гения – именно УСПЕТЬ и именно СПОХВАТИТЬСЯ. Они могут успеть спохватиться... А могут... могут и не успеть.

Люди всегда проницательны там, где на ставке их выгода: никакие ухищрения не отвратят их от нее. Дипломатическое искусство Австрийского дома долго вызывало восхищение, но это было в пору безмерного могущества династии Габсбургов, а не после. Самые хитроумные договоры – воля того, кто сильнее, и только...

Те, кто вводил в заблуждение народы касательно каких-либо общих интересов, оставались честны с каждым частным лицом в отдельности. Ловкость их сводилась к умению овладеть умами с помощью надежды на подлинные выгоды.

Люк де Клапье де Вовенарг

Олег Гриневский

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

In the last part of the article the author shows based on the facts that the Soviet Union had started the negotiation on unification of Germany without distinct strategic goal where to lead the matters and without well thought-out tactics how to lead them. At that time we could secure our interests very seriously, but nothing had been done for that. We just swallowed an assurance made at the very beginning of the diplomatic bargaining that NATO would not move to the East on an inch and had been rested on that. But the recently declassified documents shows, that the USA and Europe were ready for very serious search of compromises as to entering of unified Germany into NATO and to further NATO expansion to the East as well.

¹ Окончание. Начало см. Россия XXI. 2008. №№4,5.

В своих мемуарах «Размышления над прошлым и будущим», опубликованных в июне 2006 года, Эдуард Шеварднадзе пишет, что судьба навсегда связала его с Германией. И «если один грузин (Иосиф Сталин) сыграл решающую роль в разделе Германии, я, в пределах моих возможностей, сделал все для ее объединения». При этом ссылается на конференцию в Оттаве.

«Помню, – пишет он, – сижу в зале. Бейкер сел рядом со мной и после небольшого вступления говорит: "А не пришло ли время для объединения Германии?"... Я ответил, что чем раньше начнем формулировать соответствующие принципы, тем лучше.

Бейкер меня спросил: "А как к этому отнесется Горбачев?" Он не был уверен, что Горбачев поддержит идею объединения Германии. И я не был до конца уверен. Но интуитивно чувствовал, что тот не отнесется к идее плохо. Мы так договорились с Бейкером: я должен был убедить Горбачева, а он – всех остальных»².

Что ж, память она есть память – субстанция, как известно, изменчивая и ненадежная. А вот как все было в Оттаве на самом деле – не по памяти, а по записям встреч и переговоров, в которых мне тоже довелось участвовать и по ходу их делать эти записи от руки, которые, к счастью, сохранились. Кроме того, в те дни, иногда поздно ночью, я вел дневниковые записи происходившего днем. Итак, как это было.

Над Гренландией

В 10 часов утра 11 февраля 1990 года, проводив Коля во Внуково-2, Шеварднадзе вылетел в Оттаву на конференцию по открытому небу, где должны были встретиться 23 минист-

ра иностранных дел НАТО и Варшавского Договора.

Всего полгода назад, 12 мая 1989 года, президент Буш выступил с ярким предложением установления во всем мире режима открытого неба, который по сути повторял старую инициативу президента Эйзенхауэра, предложившего создать такой режим еще в 1955 году. Но тогда разгневанный Никита Хрущев заклеил это как коварный шпионский замысел. А теперь, предлагая открытое небо, американцы хотели еще и проверить, насколько серьезно и глубоко Советский Союз привержен объявляемой им гласности и открытости. Однако оказалось, что Михаил

² Цитирую по фрагменту из этой книги Шеварднадзе, опубликованному в газете «Коммерсант» (2006. 14 июня).

Горбачев не только приветствовал предложение Буша, но еще углубил и расширил его, заявив, что режим открытого неба должен стать частью глобальной системы, которая включала бы еще и «открытую сушу, открытые моря и океаны и открытый космос».

Мне было велено лететь с министром, хотя к открытым небесам я не имел никакого отношения. Но я не удивился, ибо знал, что не открытое небо станет главной темой кулуарных дискуссий во время непродолжительного пребывания министров в Оттаве, а германские дела и проблемы европейской безопасности.

Весь долгий полет Шеварднадзе пребывал в мрачном настроении. Он сразу же уединился в своих апартаментах и, вопреки обыкновению, не показывался на людях – даже на обед никого не позвал. Работал над речами, и только два его самых доверенных помощника Сергей Тарасенко и Теймураз Степанов заходили к нему в салон и выносили исправленные страницы. Мы с Виктором Карповым³ решили было вздремнуть, но Тарасенко растолкал и сказал, что надо готовить памятку к встрече министров бывших социалистических стран.

Потом начался разговор «за жизнь». Мы горько сетовали на неурядицы дома и в Восточной Европе. Постепенно разговор перешел на объединение Германии. Я поинтересовался:

– Мы летим в Оттаву на конференцию по открытому небу, но ежу ясно, что министры будут обсуждать там не открытое небо, а объединение Германии. Есть ли у нас позиция? Почему с нами не летит никто из германистов, а только переводчик?

– Без них даже лучше, – улыбнулся в ответ Тарасенко. – А то будут под ногами путаться и на все отвечать только «нет». А вот позиции у нас действительно нет. Летим совсем с пустыми руками.

– Как нет? – поразились мы с Карповым.

– Да вот так. Переругались все вдрызг на Политбюро так, что не ясно, за что мы теперь выступаем – сближение, конфедерацию, объединение. Поэтому будем, как обычно, из пустого в порожнее переливать.

– Но ведь Квицинский⁴ еще в конце октября предлагал из Бонна перехватить инициативу и самим выступить с предложением создания конфедерации двух немецких государств. Причем, как хитро предлагал, запустить эту идею по спецканалам в лагерь оппозиции ГДР, чтобы

³ В.П.Карпов – заместитель министра иностранных дел.

⁴ Ю.А.Квицинский – посол СССР в Бонне.

они выступили с этой идеей. А уже потом Хонекер и Горбачев поддержали бы это предложение германской оппозиции. Тогда бы мы на коне были и вели процесс германского объединения. Ведь что сделал Коль? По сути в своих десяти пунктах в ноябре он повторил идеи Квицца (так звали Квицинского между собой) и сразу же оседлал германское объединение.

– Мало ли кто у нас хорошие идеи высказывает, – пожал плечами Тарасенко. – А ты попробуй пробить их наверху через Политбюро. Но поезд конфедерации уже все равно ушел. Даже сам Коль от этой идеи отказался и перешел на прямое объединение. Так что и нам от него никуда не уйти.

– Но мы хоть представляем, где и как будут вестись переговоры о таком объединении? Или они уже без нас будут договариваться?

– Ничего мы не представляем. Вот был Бейкер в Москве и предложил механизм 2+4: ГДР и ФРГ плюс СССР, США, Англия и Франция. А Горбачев ему ответил: я говорю 4+2; Вы говорите 2+4. Как Вы смотрите на эту формулу? Бейкер стал доказывать, что 2+4 лучше, и Горбачев, как всегда, согласился в принципе с таким ходом суждения. Вот и понимай, как хочешь, договорились о чем-нибудь или нет.

Его помощник Черняев потом брюзжал: 2+4 равняется шести, а 4+2 тоже шесть. Какая разница? Это только буквоеды из МИДа на пустом месте канитель разводите будут и бесконечную торговлю вести.

– Он что, совсем сдурел, – взорвался Карпов, – или заикнулся в своем Международном отделе ЦК на трех источниках марксизма и с этих высот смотрит на весь мир? Буш, Маргарет Тэтчер, Коль, Миттеран – все видят и понимают, что от того, кто будет вести переговоры, зависит и конечный результат – объединение. Одни мы этого не видим! Нам, понимаешь ли, все равно! А потом слезы будем горькие лить и виноватых искать.

Если судьбу объединения будут решать два германских государства, – горячился он, – то через полгода слабая и рухнувшая ГДР просто вольется на правах бедного родственника в сильную и процветающую ФРГ, являющуюся к тому же членом НАТО. Что останется обсуждать четверке – внешние аспекты такого объединения? Вопрос о границах Германии практически предрешен – без переговоров ясно, что немцы не будут претендовать на возвращение отобранных у них в Потсдаме территорий... Германский нейтралитет? Но это еще бабушка надвое сказала, согласятся ли немцы на это и не заявят нам,

что это внутреннее дело германского народа, быть или не быть их государству нейтральным или войти в НАТО.

Мы сидели за большим столом для заседаний. Карпов и я – с одной стороны, Тарасенко – в кресле напротив, а Степанов как-то скорчился на диване. В разговоре он практически не участвовал, сидел насупившись и только время от времени горестно восклицал:

– Кому верить можно? Куда идем?

Тарасенко же, наоборот, держался усмешливо.

– Все правильно, – говорил он Карпову. – Предложение 2+4 не лучший для нас вариант. Но, что можно предложить взамен? СБСЕ? Но немцы и американцы ни за что не согласятся. Мы проспали германское урегулирование, когда этой осенью не приняли предложение Квица о конфедерации. Тогда еще можно было предлагать СБСЕ. А сейчас надо соглашаться и на 2+4 – хоть что-нибудь да урвем. Иначе германское объединение будут решать немцы с американцами, и нам уже ничего не достанется.

В этот момент к нам подошел кто-то из obsługi и сказал, что Гриневского вызывает министр. Я встал и вошел в салон. Шеварднадзе в свитере, спортивных брюках и тапочках мрачно глядел в сторону. Я не удивился, когда он спросил про Германию.

– Как в вашем глухом венском углу видится германское объединение?

Я ответил, что в Вене практически все делегации исходят из того, что объединение произойдет, скорее всего, уже в этом году.

– Можем ли мы помешать или потянуть с ним хотя бы годика три – четыре? – все так же хмуро допрашивал министр.

– По-моему, шансов мало, – сказал я. – Единственное, что мы можем сделать, это попытаться перехватить инициативу у Коля и Буша и самим предложить объединение Германии, но так, чтобы она стала демилитаризованным и безъядерным государством. А для этого немедленно созвать конференцию всех стран-участниц антигитлеровской коалиции, а также обоих германских государств. Или же передать этот вопрос на рассмотрение в СБСЕ.

– Но, а что это даст? – недовольно покосился министр.

– Практически все европейские страны боятся германского объединения. Они с подозрением относятся и к нашему предложению о встрече большой четверки, и к американскому предложению 2+4, потому что опасаются новой сделки за их спиной. Тут все смешалось в кучу: и вопрос о границах будущей Германии, о ее вооружениях, и, что

немаловажно, проблема, связанная с ее растущим влиянием в европейских делах. Пока наши и американские предложения оставляют европейцев за бортом решения всех этих проблем. Поэтому они с удовольствием откликнутся на предложение принять участие в определении будущей судьбы Германии. С ними нам будет куда легче найти общий язык, чем с американцами и западными немцами. На такой конференции США и ФРГ, скорее всего, будут в изоляции.

– Но Бейкер мне все уши прожужжал, что нейтральная Германия опасна и для Европы, и для Советского Союза, потому что без натовской опеки она снова может стать неуправляемой и потянется к ядерному оружию.

– Это он лукавит. Германию можно по рукам и ногам связать обязательством не производить ядерное оружие и установить режим проверки похлеце, чем в «Евроатоме». На самом деле Бейкера беспокоит другое: если Германия станет демилитаризованной, негде будет размещать американские войска. Что тогда будет с присутствием США в Европе? Ведь сейчас больше 80 процентов американских войск в Европе находится на территории Германии. Франция вышла из военной организации НАТО, и поэтому на ее территории они размещены быть не могут. Где же будут размещаться тогда американские войска? В Бельгии, Голландии, Люксембурге? И потом, какова будет их роль? Сдерживать Советский Союз или уже Германию? В общем, с появлением демилитаризованной Германии у нас появится больше шансов играть на противоречиях в американской и европейской политике.

Вся беда в том, что мы предлагали переговорный механизм, не имея четкой цели... Уход от решения германской проблемы или ее затягивание – это не политика, и на любом форуме мы окажемся в проигрыше. В этом случае 4+2 или 2+4 будет уже не шесть, а пять – ГДР просто вольется в ФРГ. Другое дело, если мы выступим за объединенную, нейтральную и демилитаризованную Германию. Тогда самым подходящим форумом могло бы быть СБСЕ или конференция государств, участвовавших во Второй мировой войне.

Тут Шеварднадзе прервал мой монолог и неожиданно сказал:

– Я сам это прекрасно понимаю. Но хорошо об этом говорить здесь, над Гренландией. А попробуйте сказать об этом на Политбюро или Пленуме ЦК и послушайте, какими эпитетами вас наградят. Нет, объединение мы предлагать не можем. Но что реально можно сделать в этих условиях?

– Тогда у нас нет иного выхода, как согласиться на 2+4 и пытаться выторговать максимум возможного для обеспечения наших интересов. Ситуация с объединением развивается настолько быстро, что мы вообще можем остаться в стороне.

Шеварднадзе ничего не ответил и отрешенно смотрел в иллюминатор на ледяной панцирь Гренландии, над которым мы пролетали. Я решил переменить тему и сказал, что помимо Германии нам надо ждать, что Бейкер снова поднимет вопрос о сокращении советских и американских войск в Европе. На днях президент Буш подтвердил прежнее американское предложение по 195 тысяч человек для СССР и США в Центральной Европе и 30 тысяч для США в остальной части Западной Европы.

Не отводя взгляда от ледников Гренландии, Шеварднадзе ответил:

– Вы же знаете, что несколько дней назад Политбюро уже рассматривало и отклонило это американское предложение. Другой позиции у меня нет.

Я понял, что разговор окончен, и вернулся к себе.

* * *

А в Оттаве в это время шло приватное совещание министров иностранных дел стран НАТО. На нем они старались выработать единую линию в отношении тех дипломатических каналов, по которым могли бы обсуждаться изменения в Европе, связанные с объединением Германии. Причем США и ФРГ настойчиво предлагали, чтобы уже здесь, в Оттаве, было принято решение о создании механизма 2+4. Это по замыслу Бейкера, который он тогда не озвучил, позволило бы «вернуть дебаты от того, будет ли объединение, к тому, – как быстро и на каких условиях оно произойдет». А любая задержка «позволит образоваться оппозиции в Москве, Лондоне и Париже»⁵.

Но вот что интересно. Большинство европейских стран, ссылаясь на заявления Горбачева, предпочитали заняться этим делом на саммите СБСЕ, который планировалось созвать в конце этого года в Париже. Однако Бейкеру удалось тогда убедить коллег, что саммит этот должен быть созван только после того, как будет готов к подписанию Договор по обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ). А это уже не просто до-

⁵ Baker J.A. *The Policy of Diplomacy. Revolution, War and Peace, 1989–1992*. G.P.Putnam's Sons, NY, 1995. P.211, 213.

говор по разоружению, он должен отражать новую расстановку сил в Европе. И тут госсекретарь рассказал о своих переговорах в Москве о сокращении советских и американских войск в Европе, подчеркнув, что у СССР и США не должно быть одинакового статуса – у американцев должен быть больший уровень войск в Европе.

Однако министр иностранных дел Франции Дюма стал спорить, что саммит в Париже должен состояться независимо от того, готов Договор по обычным вооружениям или нет, а для того, чтобы заняться также и германскими делами. Но Геншер поддержал Бейкера. Он отошел от своей прежней позиции и заявил, что саммит СБСЕ не должен заниматься германскими делами. В общем, Бейкеру удалось тогда склонить министров поддержать эту позицию США. Он твердо заявил, что президент не поедет в Париж на саммит СБСЕ, пока ДОВСЕ не будет готов в такой степени, чтобы он поставил под ним свою подпись⁶.

Но мы и в Оттаве тогда не знали, о чем у них шел разговор и о чем договорились натовские министры.

Забытая Оттава, 12 февраля

Рано утром 12 февраля канадский премьер-министр Малруни и его министр иностранных дел Кларк давали завтрак для двух главных актеров предстоящей драмы – Бейкера и Шеварднадзе. Разговор шел не о возможных результатах открываемой конференции министров, а об объединении Германии. Кроме того, канадцы спрашивали Шеварднадзе о состоявшемся накануне Пленуме ЦК.

Советский министр, пребывавший вначале в отрешенно мрачном расположении духа, заметно оживился и принялся горячо рассказывать, что на Пленуме произошло настоящее сражение. В руководстве страны единства больше нет, и многие ругают его и Горбачева за провал внешней политики. Лигачев предупреждал, например, об опасности «нового Мюнхена», а на него, Шеварднадзе, обрушилась лавина критики за развал социалистического лагеря. «Это было настоящее сражение, – заявил он. – Сражение внутри советского руководства».

⁶ Zelikow Ph., Rice C. *Germany Unified and Europe Transformed*. Harvard University Press, England, 1995. P.191–192; Beschloss M.R., Talbot S. *At the Highest Levels. The Inside Stories of the End of the Cold War*. Little Brown and Company, UK, 1993. P.189–190.

Но эти эскапады явно не разжалобили американского госсекретаря. Холодно и методично он говорил, что на Оттавской встрече надо окончательно определиться относительно механизма решения германской проблемы – иначе объединение пойдет само собой. Поэтому США настаивают на переговорном форуме 2 + 4.

Одновременно Бейкер сказал, что США подтверждают предложение президента Буша о сокращении советских и американских войск в Центральной Европе до уровней в 195 тысяч человек. В остальной части Европы США могут иметь еще 30 тысяч военнослужащих. Итого – 225 тысяч человек. По сути дела это был ответ на предложение Горбачева в Москве – американцы вернулись на свои первоначальные позиции.

А Шеварднадзе стал крутить вокруг да около. В этой обстановке контроль за процессом германского объединения становится «очень и очень важным». Мы стараемся обдумывать все это, искать варианты решения, но, как найти выход из создавшегося положения, сказал он, я не знаю. «Совершенно естественно для немцев хотеть объединения. Но, с другой стороны, никто не знает, каковы могут быть его последствия».

Из этого Бейкер, как пишет он в своих мемуарах, сделал вывод, что «события выходят из-под контроля Советов, хотя они еще имеют много возможностей обладать разрушительным влиянием». В этой ситуации «мы должны продолжать давить для установления устраивающей нас повестки дня и пристраивать к ней Советы»⁷.

А Шеварднадзе, вернувшись с этого завтрака, велел Тарасенко написать телеграмму в Москву о предложениях Бейкера по механизму 2+4, а мне – о сокращении советских и американских войск в Европе.

* * *

На таких больших форумах, как Оттавская встреча министров, ничто долго не держится в секрете. Очень скоро практически все ее участники знали, что Бейкер и Шеварднадзе встречались за завтраком у канадского премьер-министра и обсуждали не открытое небо, а такие земные дела, как германское объединение и сокращение своих войск в Европе. Об этом шептались на всех углах огромного здания конференций в Оттаве, бывшего когда-то железнодорожным вокзалом, перепроверя полученную информацию и сверяя позиции. Все сходилось на том, что это и есть главные темы в повестке дня министров.

⁷ Baker J.A. *Op. cit.* P.209.

Потом прошел слух, который подтверждал этот вывод: сразу после открытия конференции Бейкер встретился с Геншером, и они опять говорили об объединении. Германский министр занял жесткую позицию: ФРГ не будет участвовать в переговорах, где условия будут диктовать четыре державы. Бейкер его успокоил, сказав, что об этом речь не идет. Объединение – это дело 2-х германских государств, а 4-ка будет обсуждать лишь внешние аспекты будущего единства.

Впрочем, эта позиция США и ФРГ была хорошо известна Шеварднадзе. Но он еще возлагал надежды на французов, которые были отнюдь не в восторге от перспективы появления столь мощного соседа у своих границ. По имевшейся в советской делегации информации Франция хотела бы, чтобы в вопросах германского объединения лидировала 4-ка. Поэтому в делегации ждали встречи с министром иностранных дел Дюма, которая была назначена на конец дня.

А пока что Шеварднадзе встречался с коллегами, избегая обсуждать германскую проблему. Неожиданно появился посланец от американской делегации, который сообщил, что Бейкер хотел бы срочно переговорить накоротке с советским министром. Это вызвало небольшой переполох – что случилось?

Встреча с Бейкером состоялась в 4 часа 25 минут пополудни. Но ничего нового госсекретарь не сказал, а жестко напирал, что здесь, в Оттаве, надо договориться о переговорном механизме 2+4.

В советской делегации потом долго ломали голову, что заставило Бейкера просить встречи с Шеварднадзе и еще раз повторять американскую позицию, которую он уже излагал этим утром. Как потом выяснилось, американцы боялись, что Дюма и Шеварднадзе смогут найти общий язык по германскому объединению и сорвут игру, намеченную Бейкером и Геншером. И опасения эти были не напрасны. При встрече с Бейкером Дюма сказал, что Франция предпочитает механизм 4+2, где четверка играла бы ведущую роль над двойкой. Но госсекретарю, судя по всему, удалось тогда уломать французского министра. Поэтому в разговоре с советским министром Дюма вопроса о 4-ке или СБСЕ не поднимал. А Шеварднадзе был даже рад, так как позиции у него не было.

* * *

Другая тема, которая в тот день активно обсуждалась в кулуарах конференции, касалась сокращения советских и американских войск в Европе. И масло в огонь этих дискуссий подливало заявление Буша,

который в тот день утром заявил, что «отвергает» предложение Горбачева об установлении равных уровней для обеих стран, и повторил свои старые предложения.

Конечно, короткую «телегу» с изложением того, что сказал Бейкер, сочинить было не сложно. Но требовалось сообщить, как мы намерены действовать. А тут у министра внятной позиции не было. Однако нужно было действовать. Поэтому я поехал в посольство и подготовил небольшой проект телеграммы в Москву, предлагая согласиться с позицией США о сокращении советских и американских войск в Центральной Европе до уровня 195 тысяч человек. Честно говоря, я не верил, что такое предложение пройдет, но считал это крайне необходимым.

Начиналась эта депеша с описания утренней встречи Бейкера с Шеварднадзе, где он сообщил, что в Вашингтоне принято решение придерживаться заявленной позиции, т.е. установить уровни для советских и американских войск в 195 тысяч человек только для Центральной Европы, плюс 30 тысяч для США в других странах Западной Европы. А далее следовало предложение, как действовать:

«Считал бы, что нам и этот вариант вполне подходит, так как позволяет закрепить наше присутствие в Центральной Европе и тем самым оказывать влияние на решение германской проблемы. Если мы сейчас не зафиксируем договоренности об этом между НАТО и ОВД, мы можем упустить возможность повлиять на предстоящие 18 марта выборы в ГДР и на отношение населения к пребыванию там наших войск.

С учетом этого, считаю необходимым дать согласие на ограничение советских и американских войск в Центральной Европе до уровня 195 тысяч человек. Э.Шеварднадзе».

Мы сидели в резиденции посла на первом этаже в полукруглом эркере. Перед диваном стоял журнальный столик, на который Шеварднадзе положил ноги. Он смотрел на меня изучающе холодно.

– Ну, а что это даст?

– *Это единственная возможность для нас в этой обстановке зацепиться в Европе. Американцы по сути дела бросают нам спасательный круг. Не потому, что они такие добрые и хорошие, а потому, что думают: это позволит и им остаться в Европе. В общем, если мы за него не ухватимся, то вылетим из Германии, как пробка из бутылки шампанского.*

Я не верил, что из всего этого что-нибудь получится, и потому говорил спокойно, даже как бы нехотя. Но это, очевидно, придавало моим словам ту уверенность, которая нужна была для разговора. Вообще

Шеварднадзе при всей его внешней самоуверенности и твердости очень нерешителен.

– Как это будет выглядеть в Москве? Только три дня назад Политбюро рассматривало этот вопрос перед встречей Горбачева с Бейкером и решило не идти на американское предложение. А теперь мы ставим вопрос об изменении этого решения. Есть ли у нас основания?

– Есть. Ситуация в Германии развивается настолько быстро, что уже вышла из-под контроля. Нам нужны опоры, позволяющие влиять на обстановку. И главное – это присутствие наших войск. В нынешней обстановке – это фактор стабильности. Поэтому и американцы предлагают нам такую договоренность. Немцы – народ дисциплинированный. Если они увидят, что США, ФРГ и другие западноевропейские страны за наше присутствие в ГДР, то не будут требовать вывода наших войск. Потсдам рухнул. Нам нужны новые международные соглашения, которые закрепляли бы наше присутствие в Германии. История дает уникальный шанс, измеряемый часами. Если мы его упустим и не договоримся в Оттаве, то упустим все германское урегулирование.

– Но американцы получают военное преимущество в Европе.

– Нет, это преимущество бумажное. Те 30 тысяч, что расположены за пределами Центральной Европы, – это не боевые части, а разрозненные подразделения: летчики, персонал на базах по 2–6 тысяч человек в Великобритании, Италии, Турции и Греции. А для Советского Союза вопрос о пребывании наших войск в других странах Европы стоит весьма остро после объявленной нами на днях готовности вывести войска из Венгрии и Чехословакии и, если попросят, из Польши. Остается только вопрос о пребывании наших войск в ГДР. И такое соглашение позволило бы нам уходить из Европы под флагом сокращения наших и американских войск по договору, а не потому, что нас оттуда выгоняют.

Кроме того, США не смогут размещать свои войска, выводимые из Центральной Европы, на территории других европейских стран сверх уровня 30 тысяч человек. Так что уступки здесь взаимные.

– Хорошо, я подпишу телеграмму. Но ее надо подправить. Не надо писать «дам согласие». Напишите: «С учетом этого просил бы еще раз внимательно все взвесить, в том числе и тот факт, что затягивание споров вокруг этих цифр может вызвать негативную реакцию населения ГДР». Кроме того, надо отметить, что Горбачев в беседе с Бейкером не отклонял возможности такого решения вопроса. Так что

здесь каких-либо престижных соображений не возникает. И главное, подчеркните, – потом будет поздно.

Я не верил своим ушам. К началу разговора в комнату подошли Тарасенко и переводчик Павел Палашенко, они сидели в дальнем углу, но разговор слышали.

– Да, – сказал Шеварднадзе, – и напишите «тов. Ковалеву для Зайкова». В крайнем случае – «Для Горбачева».

Проходя мимо Тарасенко, я увидел, как он показывает мне пальцами кружок – выиграл. После меня он докладывал Шеварднадзе телеграмму на имя Горбачева по механизму 2+4 для германского урегулирования. Шеварднадзе колебался, но подписал: – «13-го февраля дадим согласие».

Забытая Оттава, 13 февраля

Холодное утро началось в советском посольстве в Оттаве с традиционного совещания. Но ничего нового за эту короткую ночь не произошло.

Ответы на наши запросы из Москвы ждать было рано. Кто-то сказал, что Бейкер пригласил на ранний завтрак Дюма, Геншера и Херда и теперь они, очевидно, вырабатывают общую позицию по переговорам 2+4.

Так оно и было. Четыре министра пришли к выводу, что события в Германии развиваются быстрее, чем предполагалось, и надо уже сегодня во что бы то ни стало договориться о механизме 2+4.

В общем, все крутилось вокруг объединения Германии, и на конференции мне делать было нечего. У меня даже мелькнула мысль не ходить на утреннее заседание, а отдохнуть. Но пошел-таки.

Огромный зал, где проходила конференция министров иностранных дел НАТО и ОВД по открытому небу, был битком набит дипломатами, военными и разведчиками. Все ждали удара гонга, возвещающего начало заседания, а пока толпились кучками и оживленно разговаривали. Неожиданно к министру иностранных дел СССР подошел госсекретарь Бейкер. Весь зал обернулся к ним, наблюдая, как Шеварднадзе с отрешенным видом слушает, а взгляд его прозрачных ледяных глаз блуждает по сторонам и, наконец, останавливается на мне. Он ткнул пальцем. Это был перст судьбы и означал одно: нужно подойти. Я подошел и услышал, что Бейкер говорит об объединении Германии. При чем тут я, – мелькнула мысль, – ведь никогда раньше германскими делами мне

заниматься не приходилось. Но тут же по многолетней привычке вытащил из кармана блокнот и стал записывать.

– Эдуард, – жестко говорил госсекретарь, – мы хотим предложить принять сегодня текст по механизму 2+4. Все шесть министров встретятся перед корреспондентами и сфотографируются, но не будут отвечать на вопросы. Текст может быть такой:

«Министры иностранных дел СССР, США, Англии, Франции, ГДР и ФРГ встретились в Оттаве. Они согласились, что вскоре после выборов в ГДР 18 марта министры иностранных дел ГДР и ФРГ встретятся с министрами иностранных дел СССР, США, Англии и Франции для обсуждения внешнего аспекта германского объединения. Вскоре начнутся предварительные обсуждения этого вопроса на официальном уровне».

Шеварднадзе: Мне надо посоветоваться с союзниками. И потом, ссылка на выборы в ГДР здесь неуместна.

Бейкер: Хорошо, вы подумайте, а потом встретимся. Решать надо сегодня. Иначе потеряем рули управления германскими делами – это не в ваших и не в наших интересах.

Шеварднадзе, очень осторожно выбирая слова: *Мы сейчас думаем – может быть, примем ваше предложение о 195-ти тысячах. Но это только размышления. Мы еще вернемся к этому вопросу, а пока не говорите ничего своим союзникам. Не надо лишних разговоров.*

Бейкер обещал. На этой беседе присутствовал только я и переводчик.

– *Что он предлагает?* – спросил Шеварднадзе, когда Бейкер отошел. Я взял скоропись и зачитал.

– *Ну и как нам быть?*

– Эдуард Амвросиевич, надо внести поправки. Убрать ссылку на выборы в ГДР, как Вы ему сказали. Может быть, поискать менее определенную формулу германского объединения. Например, постепенное объединение Германии. Или – сближение и объединение Германии. И принимать. Это нам крайне важно. По сути дела речь идет о втором стабилизаторе германского объединения.

– *А мы можем дать согласие? Как Москва?*

– *Вы вчера дали телеграмму о том, чтобы согласиться с формулой 2+4.*

– *Да, но здесь речь идет шире. Здесь говорится о внешних аспектах. Тут прозвучал гонг к началу заседания.*

– *Хорошо,* – сказал Шеварднадзе, – *сделайте мне быстро перевод.*

Я тут же сел и перевел. Подошел к его креслу. Весь зал с интересом смотрел, как мы разговаривали. Я прочитал текст с поправками, о которых говорил выше, и сказал:

– *Можно принимать.*

Он колебался:

– *А может быть, еще неопределенной и как бы растянуть по времени.*

– *Хорошо, – говорю я, – давайте скажем «сближение и, в конечном счете, объединение Германии».*

– *А если они не согласятся?*

– *Тогда нужно принимать их текст.*

– *Хорошо, напишите срочно телеграмму в Москву, что мы примем текст с поправками.*

* * *

Я поехал в посольство и написал: *Сегодня Бейкер предложил принять следующий текст по механизму урегулирования германского вопроса (далее следовал текст, переданный Бейкером). Имеем в виду дать сегодня согласие на этот текст. Попытаемся снять в нем упоминание о выборах в ГДР и, по возможности, подкорректировать формулировки.*

Показал Тарасенко и отправил за подписью Шеварднадзе в Москву.

Тут оказалось, что из Москвы уже пришел ответ на нашу ночную телеграмму об уровнях для советских и американских войск в Европе:

Эдуард Амвросиевич, признано возможным согласиться на то, чтобы оставить в Центральной Европе войска СССР и США по 195 тысяч человек. При этом американцы должны были бы взять обязательство ограничить свое военное присутствие в других странах в Европе определенным уровнем (например, 30 тысяч человек).

13 февраля, А.Ковалев

Тарасенко говорит:

– *Бери эту телеграмму да еще нашу вчерашнюю телеграмму Горбачеву по германскому механизму и отвези их Шеварднадзе. А то он все колебаться будет.*

Кладу шифровки в свою черную папку и несусь назад на конференцию. Но не успел. Шеварднадзе уже ушел беседовать с Геншером. Тогда я иду на четвертый этаж. Там небольшая комната для встреч представителей Варшавского договора. В комнату ведет стеклянная дверь. Я

стою в нерешительности: входить? Мое присутствие на беседе не предусмотрено. Но Шеварднадзе увидел и машет рукой – заходи.

Разговор, видимо, только-только начался, и Геншер изложил предложение о механизме 2+4, как оно было сформулировано Бейкером. Шеварднадзе сидел с недовольным лицом и спрашивал, зачем вообще нужно это соглашение. Я протянул ему текст телеграммы, которую он вчера ночью направил Горбачеву. Как бы позабыв о Геншере, министр стал читать ее с первой страницы. Уже на второй странице спросил:

– Ну а где тут?

Я стал показывать:

– Вот тут Бейкер говорил Вам «о внешних аспектах германского объединения». А вот тут Вы написали, что дадите согласие на создание такого механизма 13 февраля.

– Но они сейчас предлагают другое.

– Нет, Эдуард Амвросиевич, то же самое.

Геншер с интересом следил за нашим разговором и молчал. Все тем же недовольным тоном Шеварднадзе стал выговаривать Геншеру:

– Зачем нужен этот механизм? У нас же есть права четырех держав. Мы можем собираться и обсуждать эти вопросы без вас.

Геншер: Но ситуация выходит из-под контроля. Власти в ГДР не существует. Поток беженцев идет на Запад. Это угрожает не только экономике ГДР, но и ФРГ.

Шеварднадзе: Ну и что? Это нас не касается. Это вас касается. Вы и думайте, что делать.

Геншер: Но это касается и ГДР.

Шеварднадзе: Но нас это не касается. Дайте мне текст, – обратился он ко мне.

Я дал ему листок из блокнота, на котором моим куриным почерком был написан перевод предложения Бейкера. Шеварднадзе пробовал прочесть, но у него не получилось. Пришлось нам читать в два голоса.

Шеварднадзе: Почему Вы говорите здесь «германское объединение»? Это предрешает вопрос. Мы говорили в Москве о процессе, поэтапно ведущем к объединению через сближение двух германских государств. Вот это и надо отметить, если уж делать заявление: «внешние аспекты сближения и, в конечном счете, германского объединения».

В этот момент я показал Шеварднадзе то место на листочке, который он держал в руках, где было написано, что мы собираемся дать согласие на текст, предлагаемый Бейкером. А теперь его предлагает уже и Геншер.

Геншер: Нет, это невозможно. Сближение уже пройденный этап. Немецкий народ не поймет. Начнутся волнения. Ситуация выйдет из-под контроля. Вам же будет хуже. Кроме того, в Москве условились, что речь идет о германском единстве. Горбачев сказал «установление германского единства». Это не я сказал. Это ТАСС передал. Давайте запишем, как сказал Горбачев.

Шеварднадзе: Нет, Горбачев не так говорил. Он говорил о сближении.

Идет долгий спор, что сказал Горбачев.

Гриневский: «Установление» – слово не подходящее. По-русски оно означает завершенность действия, а мы только в начале пути. Давайте скажем «внешние аспекты процесса германского объединения».

Геншер: Нет, нет. Это не подойдет.

Шеварднадзе поддерживает это мое предложение и после долгого спора возвращается к своему изначальному тезису:

– Зачем вообще нужно это заявление? Мы не можем договориться по объединению. Кроме того, неуместна ссылка на выборы в ГДР. Давайте тогда говорить и о выборах в ФРГ.

Геншер: Если сделать это заявление сейчас, то процессы, происходящие в Германии, можно будет контролировать. Если позже – то поезд уйдет, их уже будет невозможно взять под контроль. Вы в Москве говорили о единстве. Если мы запишем «единство», то можно решить и вопрос об исключении упоминания о выборах в ГДР. Важно условиться, что мы сделаем это заявление именно сегодня. Можете ли Вы это сделать?

Шеварднадзе: Мы не знаем, как отнесется к этому ГДР. Фишер здесь, а ему нужно получить согласие Модрова. Как он его получит, когда тот в Бонне?

Геншер, прикладывая руку к уху: По телефону. Я сам только что говорил с Колем, и он сказал, что Модров согласен с механизмом 2+4. Я не понимаю, что вас здесь беспокоит.

Шеварднадзе ворчливо: Ничего нас не беспокоит. Пусть другие переживают – Англия, Франция, Бельгия. А нам все равно. Мы не препятствуем.

Геншер: Найн, найн... Мы знаем, что вы не препятствуете, но у вас есть опасения. Давайте используем формулировку Горбачева.

Шеварднадзе, обращаясь к Степанову: Покажите мне, что сказал Горбачев.

Находят газету. Там написано «строительство немецкого единства».

Шеварднадзе: *Вот видите, а вы говорите «установление».*

Геншер: *Это одно и то же.*

Гриневский: *Так давайте запишем «строительство немецкого единства».*

Геншер: *Я согласен.*

Идет спор о переводе этого слова.

Шеварднадзе: *Вы меня ставите в глупое положение. Я сижу на конференции по открытому небу, а ваши коллеги говорят о включении объединенной Германии в НАТО.*

Геншер: *Вот и надо решать внешние аспекты объединения.*

Шеварднадзе: *Почему я узнаю об этой затее в последний момент? У меня нет времени обдумать, посоветоваться. Надо создать рабочую группу экспертов – пусть они разобрались бы вначале.*

Геншер: *Очень быстро развивается ситуация, поэтому и действовать надо быстро. Мы заранее ничего не планировали.*

Шеварднадзе: *Дату выборов в ГДР надо убрать. Это при всех обстоятельствах. Но мне надо еще посоветоваться.*

Геншер: *Мне нелегко дается спор с вами.*

Беседа кончилась около часа дня.

Когда выходили, секретарь Геншера спросил у меня: *Нас уже как час ждет Фишер. Но, может быть, лучше, чтобы он поговорил сначала с вашим министром?*

Я сказал: *Нет, пусть с ним поговорит Геншер. Все идет нормально.*

Когда немцы ушли, Шеварднадзе спросил:

– *А как отнесутся к формуле 2+4 восточные немцы?*

– *Согласятся, – ответил я. – Геншер их уломает. Им деваться некуда.*

– *Надо бы нам сейчас же поговорить с Фишером. Где Фишер? Найдите его, – велел Шеварднадзе.*

– *Поздно. Он уже встречается с Геншером. Так даже лучше будет, что уламываете его не Вы, а Геншер.*

– *Тогда надо срочно поговорить со Скубишевским.*

* * *

Польского министра Скубишевского разыскали быстро. «Господи, какие же они теперь все разные», – записано у меня в дневнике. Раньше все министры стран Варшавского Договора были как бы на одно лицо – партийные работники. А теперь... Вот Кристоф Скубишевский – старо-

модный и элегантный по-чеховски, в пиджаке, но с бабочкой. Говорит на всех европейских языках, кроме русского. Изъясняется весьма изысканно.

И вот что интересно. Поляки тогда весьма сдержанно относились к объединению Германии и в отличие от Венгрии не поднимали вопрос о выводе советских войск из страны. Причина тому – отказ Коля четко заявить, что границы будущей Германии останутся теми же, что и сейчас у нынешних двух. Он лишь говорил, что вопрос этот будет «окончательно решен свободно избранным общегерманским правительством»⁸. Поэтому главный интерес Польши – это сохранить нынешние границы по Одере – Нейсе. И советские войска являлись их гарантом.

Это, хотя и не прямо, новый польский министр явно давал понять. А Шеварднадзе велел зачитать предложение Бейкера с нашими поправками и потом сказал, что у него есть сомнения, нужно ли все это? Скубишевский хитрит и отвечает на вопрос вопросом:

– Вам этот текст подходит?

Шеварднадзе снова говорит о своих сомнениях. Тогда Скубишевский начинает ходить вокруг да около:

– С одной стороны, – говорит он, – этот текст сформулирован довольно общо, и это хорошо. Но, с другой стороны, это и плохо. Вот если бы в него вставить слова, что будущее объединение произойдет в нынешних германских границах? Но нет, это не пройдет. В общем, я думаю, что этот текст вам выгоден. Он подтверждает ваш статус на этих переговорах. Подтверждает статус Советского Союза как великой державы, которая несет ответственность за решение германской проблемы. Но хорошо бы добавить: «включая обеспечение безопасности соседей Германии».

Шеварднадзе соглашается.

Не успел уйти Скубишевский – появился министр иностранных дел ГДР Фишер, маленький, юркий. Он еще больше усох, а глазки бегают еще хитрее. Но по-русски больше не говорит. Зато теперь нужно два

⁸ Коль не был сторонником их изменения, а просто боялся потерять голоса на предстоящих выборах, так как от 7 до 10 миллионов немцев были так или иначе связаны с землями, отошедшими к Советскому Союзу, Польше и Чехословакии после Второй мировой войны. Отношение Польши стало меняться, когда 6 марта Коль одобрил решение парламентов Восточной и Западной Германии отказаться от любых территориальных претензий к Польше и поручить будущей единой Германии раз и навсегда покончить с этой проблемой.

переводчика. Его переводчик переводит с немецкого на английский, а наш – с английского на русский. Шеварднадзе ставит перед ним все тот же вопрос: зачем нужна эта договоренность о механизме 2+4?

Фишер: *Западные немцы спешат потому, что идет поток беженцев из ГДР. А это подрывает не только нашу, но и западногерманскую экономику. Поэтому договоренность о механизме 2+4 могла бы успокоить людей. Мы знаем текст Геншера, но ваш текст лучше. Мы хотели бы, чтобы этот текст был принят, и просим вас содействовать достижению договоренности.*

Сразу после Фишера появился Бейкер. Шеварднадзе зачитывает ему наш текст.

Бейкер: *С точки зрения США тут нет проблем – он нам подходит. Но нам нужно посоветоваться с союзниками. Хочу призвать вас дать согласие сделать именно сейчас это заявление о форуме 2+4. Для этого у вас есть, по крайней мере, две причины:*

Первая. Вы не берете на себя никаких обязательств по объединению Германии, а только даете согласие на создание механизма 2+4 для обсуждения внешних аспектов объединения.

Вторая. Вы, как и мы, не можете не ощущать необходимости регулировать этот процесс. А заявление покажет, что СССР и США вовлечены в этот процесс и контролируют его. Если это заявление не будет сделано сейчас, то процесс объединения после выборов в ГДР 18 марта пойдет без нас. Мы этого допустить не можем.

Шеварднадзе: *Я убедился, что это заявление нужно делать сейчас.*

Есть еще один вопрос. Допустим, мы принимаем ваше предложение о сокращении войск СССР и США в Центральной Европе до 195-ти тысяч человек. Можем ли мы, хотя бы приблизительно, установить уровень для США в остальной части Европы?

Бейкер: *Сказать, что в остальной Европе у нас будет 30 тысяч человек, а всего 225 тысяч? По-моему, президент в своем заявлении 31 января что-то подобное говорил. Не так ли?*

Оба министра вопрошающе уставились на меня.

– Да, – сказал я. – Такое заявление было сделано в связи с предложением о 195-ти тысячах. – Хотя я знал, что Буш этого не говорил. Об этом говорилось в пояснении Госдепа. Но сказать здесь сейчас, что Буш этого не говорил, значило спугнуть намечающуюся договоренность.

Бейкер: *Понятно. Думаю, это нам подойдет. Но, поскольку это предложение делал президент, я должен с ним посоветоваться. Это не*

приведет к затяжке. Я сразу же сейчас позвоню ему и сообщу ваш ответ.

Есть еще один вопрос в связи с этим. Означает ли это, что Советский Союз не ставит вопрос о том, чтобы иметь право размещать на территории Болгарии и Румынии 30 тысяч человек?

Шеварднадзе смотрит на меня. Я говорю:

– Нет. Мы ставим вопрос о равных уровнях для СССР и США в Центральной Европе по 195 тысяч человек. Для США – это ФРГ, Дания, Бельгия, Голландия и Люксембург. Для Советского Союза – ГДР, Польша, Чехословакия и Венгрия. Одновременно США берут обязательство не увеличивать свои войска в других странах Европы свыше 30 тысяч человек. У нас же войск за пределами Центральной Европы нет.

Шеварднадзе: *Мы не ставим вопрос о размещении наших войск в Румынии и Болгарии.*

Бейкер ушел, а Шеварднадзе сказал, что сегодня великий день. Две договоренности – это две опоры, которые позволяют нам участвовать в европейских делах и германском урегулировании. По значению это новый Потсдам.

Спустились в зал заседаний. Там я отловил венгерского министра Хорна – угрюмого, с угловатым азиатским лицом, и вальяжного болгарина Димитрова, а затем по одному подвел их к Шеварднадзе. Тот рассказал им о намечавшихся договоренностях и получил согласие. Меня он попросил переговорить о том же с чешским и румынским министрами. Я переговорил с ними и вручил текст заявления по механизму германского объединения.

После краткого обеда в 15.30 мы уже были в зале, где должно было происходить обсуждение вопросов, касающихся обычных вооружений. Натовцев не было – они заседали. Потом Бейкер подошел к Шеварднадзе и сказал: *Давайте все-таки уточним, о чем мы договорились.*

Он взял лист бумаги и стал писать.

– 195 тысяч человек – для СССР и США в Центральном регионе.

– Так? – спросил он.

– Так, – ответил Шеварднадзе.

– 30 тысяч – для США в остальной Европе. Так?

– Так.

– У СССР такого права нет. Так?

– Так.

– 225 тысяч – для США всего, но действует два потолка 195 и 30 тысяч. Если, например, США сократят свои войска на 20 тысяч человек в Центральном регионе, они не могут перевести их в другие европейские страны и должны будут вывести их из Европы либо в США, либо на другие континенты. Так?

– Так.

* * *

В 16.30 министры шести стран вышли в отдельную комнату, где их сфотографировала (скорее набросилась на них) пресса. А министр иностранных дел Канады Кларк торжественным голосом зачитал согласованное ранее заявление, состоящее всего лишь из трех предложений:

«Министры иностранных дел Федеративной Республики Германии, Германской Демократической Республики, Франции, Соединенного Королевства, Советского Союза и Соединенных Штатов встретились в Оттаве. Они согласились, что министры иностранных дел ФРГ и ГДР встретятся с министрами иностранных дел Франции, Соединенного Королевства, Советского Союза и Соединенных Штатов для обсуждения внешних аспектов строительства немецкого единства, включая вопросы безопасности соседних государств. Вскоре начнутся предварительные обсуждения этого вопроса на официальном уровне».

На вопросы корреспондентов министры не отвечали и ушли. Но на этом дело не кончилось.

Оказалось, что американцы и западные немцы не согласовали этого текста с другими союзниками помимо Англии и Франции, и они, особенно министры Италии, Голландии и Бельгии, стали возмущаться, что с ними не консультировались, а просто поставили перед свершившимся фактом. Однако Бейкер сказал им, что проблемы объединения касаются только тех союзных стран, которые обладают юридическими правами в Германии. И обещал в дальнейшем консультироваться с ними относительно работы этого форума 2+4. Но итальянский министр продолжал сетовать. Тогда Геншер поставил его на место: «Вы в этой игре не участвуете», – заявил он.

Слух об этих разногласиях тут же разлетелся в кулуарах и широко обсуждался. Получалось, что многие страны НАТО были недовольны, что их отстранили от переговоров по объединению Германии. А у нас таких проблем с союзниками не возникало, и мы успели всех проин-

формировать. Только Польша выражала желание участвовать в таких переговорах. Но ей было обещано консультироваться.

* * *

Уладив дела с союзниками, Бейкер передал Шеварднадзе заявление по сокращению войск СССР и США в Европе, которое тоже сделает канадский министр иностранных дел. Мы с Карповым посмотрели его и ничего крамольного не нашли. После чего согласовали этот текст с бывшими друзьями.

Но заседания по обычным вооружениям не было. Его время съели консультации и согласования заявлений по германскому урегулированию и сокращению войск. А их было немало в этот день. Только Бейкер и Шеварднадзе встречались при разных обстоятельствах шесть раз. Поэтому министры собрались накоротке около 6 вечера, чтобы заслушать еще одно заявление канадца Кларка:

«Я рад сообщить сегодня, что министры иностранных дел, собравшиеся в Оттаве, достигли согласия в отношении потолка на численность вооруженных сил в Европе.

Соединенные Штаты и Советский Союз не будут размещать более чем по 195 тысяч человек личного состава сухопутных войск и ВВС на иностранной территории в Центральной зоне. Это также будет составлять общий потолок численности советских войск, размещенных в Европе на иностранной территории. Кроме того, Соединенные Штаты согласились, что они не будут размещать на иностранной территории в Европе за пределами Центральной зоны более 30 тысяч военнослужащих. Упомянутая выше Центральная зона является зоной, предложенной президентом США 31 января 1990 года в конкретном контексте его инициативы по численности личного состава.

Соглашение по численности личного состава устранил одно из самых серьезных препятствий на пути заключения договора по обычным вооруженным силам в Европе и дает дополнительный импульс к достижению соглашения в этом году».

* * *

После этого министры бросились поздравлять друг друга, а я сразу же поехал в посольство писать итоговую телеграмму в Москву. Ше-

варднадзе отправил ее тем же вечером, и содержала она два главных вывода:

Первый. Была достигнута договоренность с Бейкером о сокращении советских и американских войск в Центральной Европе до уровня 195 тысяч человек. При этом Бейкер, созвонившись предварительно с президентом Бушем, заявил, что США берут обязательство ограничить свое военное присутствие в других европейских странах уровнем в 30 тысяч человек. Бейкер пояснил, что если США сократят, к примеру, свои войска в Центральной Европе на 20 тысяч человек, то эти войска не могут быть переведены в другие европейские страны, а возвращены в США или размещены на других континентах.

Практически все министры как ОВД, так и НАТО оценивают эту договоренность как прорыв к скорейшему заключению договора в Вене.

Однако для нас эта договоренность выгодна и с другой стороны. Она позволяет нам в нынешней, быстро развивающейся обстановке закрепить свое присутствие в ГДР и Польше, сохранить реальную возможность воздействия на ход германского объединения. Причем наше, равно как и американское, присутствие в Центральной Европе, а фактически в Германии закрепляется теперь в международно-правовом порядке на основе достигнутой в Оттаве договоренности, а в перспективе – договором по обычным вооруженным силам в Европе. По сути дела это второе после Потсдама многостороннее соглашение, которое в новой политической обстановке определяет присутствие американских и советских войск в Центральной Европе.

Второе. 13 февраля между министрами иностранных дел СССР, США, Франции и Англии, а также ГДР и ФРГ была достигнута договоренность по механизму 2+4.

Друзья полностью одобрили этот текст. Министр иностранных дел ГДР Фишер сказал, что такая договоренность будет способствовать нормализации и стабильности обстановки в ГДР. Он просил нас содействовать скорейшему достижению этого соглашения в Оттаве.

Министр иностранных дел Польши Скубишевский подчеркнул, что договоренность отвечает интересам как Польши, так и Советского Союза в новой обстановке в Европе. Она подтверждает статус Советского Союза как великой державы, которая несет ответственность за решение германской проблемы.

Характерно и высказывание на этот счет Бейкера. Он особо отметил, что договоренность о механизме решения германской проблемы обеспечивает участие в нем как США, так и СССР. Если бы его не было, то

наши обоюдные возможности влиять на процессы, которые могут происходить в Германии после выборов в ГДР, оказались бы сильно ограничены.

Таковы были наши оценки импровизаций, достигнутых тогда в Оттаве. А во всем мире оттавские договоренности вызвали большой шум. Президент Буш назвал их «прорывом», правда, в неизвестно куда. А Коль объявил, что Германия «одним прыжком» приблизилась к объединению.

– Никогда мы еще не были так близки к нашей цели – единению всех немцев в условиях свободы, – как сегодня! – заявил он.

В общем, в обеих Германиях оттавские заявления восприняли однозначно: они переводят германское объединение в плоскость конкретных действий и политических решений. А стабильность этого процесса будут обеспечивать советские и американские войска. По улицам западно-германских городов прошли демонстрации с плакатами, на которых были улыбающиеся физиономии Буша и Горбачева с надписями: **«Путь ясен! Теперь приходит единство!»**

Но далеко не все так думали. Даже среди тех, кто непосредственно принимал тогда участие в этих делах по объединению Германии. В самолете по пути из Оттавы в Москву Шеварднадзе сказал: «Преувеличивают. Объединение потребует нескольких лет». Это же он повторил через несколько дней в интервью газете «Известия».

* * *

А как можно оценить оттавские договоренности четверть века спустя?

Сегодня можно однозначно ответить: Шеварднадзе ехал в Оттаву, не имея позиции и даже указаний, что делать. В Москве на самом верху мнения кардинально разошлись и Горбачев, как обычно, крутился – и вашим и нашим. Поэтому ни стратегической линии – куда вести дело, ни тактики – как его вести, выработано тогда не было. Было лишь одно, скорее эмоциональное, требование – затянуть весь этот процесс, а там видно будет. Но объединенная Германия не должна входить в НАТО. Однако как этого достичь и какие шаги, в том числе и уступки, сделать – ничего этого не прорабатывалось.

Конечно, возникает вопрос, а была реальная возможность не пустить Германию в НАТО или хотя бы получить за ее вхождение серьезные уступки? Не пустить – вряд ли. А вот ограничить ее присутствие там определенными рамками, выторговать уступки, причем серьезные,

за ее вхождение в НАТО могли. Рассекреченные на Западе документы показывают: такая возможность была.

В Вашингтоне тогда считали, что Москва сохраняет серьезные рычаги влияния на события в Германии и Восточной Европе. Кондолиза Райс и Филипп Зеликоу – знающие специалисты, участники тех событий – пишут, что «Москва могла поставить немецкий народ перед выбором между воссоединением и членством в НАТО»⁹. И выбор был бы не в пользу НАТО. Опросы общественного мнения в Западной Германии показывали, что 58% немцев выступали за объединенную Германию вне военных блоков. И социал-демократические партии ФРГ и ГДР высказывались против вхождения Германии в какой-либо из военных союзов.

В Госдепе, да и в СНБ, рассматривались тогда, например, такие компромиссы, как невхождение объединенной Германии в военную организацию НАТО по примеру Франции со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно размещения там иностранных войск. А также демилитаризация Восточной Германии, нераспространение на ее территорию военных структур НАТО и даже так называемый «пример Гуантанамо». То есть по примеру создания американской военной базы в Гуантанамо на территории социалистической Кубы разрешить Советскому Союзу иметь свои военные базы на территории Восточной Германии, входящей теперь в НАТО. И сам железный Бейкер готов был пойти на временное пребывание советских войск в Восточной Германии в качестве одной из уступок в обмен на согласие Москвы с вхождением объединенной Германии в НАТО¹⁰. А в качестве приманки для начала торга было заброшено обещание, что НАТО ни на дюйм не продвинется на Восток. (Имелась в виду только территория тогдашней ГДР.)

Еще большие колебания в отношении условий, путей и сроков объединения Германии были у Англии, Франции и других европейских стран: там этого просто боялись. Тэтчер в беседе с Бушем по телефону 24 февраля говорила: «Если все советские войска будут выведены из ГДР, для Горбачева это может стать тревожным признаком. Это будет означать, что границы альянса приблизились к Советскому Союзу». Она и Геншер считали, что если советским войскам будет разрешено на неопределенный переходный период оставаться в Германии, то это успокоит Горбачева. Но «если оставшаяся часть процесса воссоединения пойдет по западному сценарию, то Горбачев, говорила она, будет

⁹ *Zelikow Ph., Rice C. Op. cit. P.196.*

¹⁰ *George Bush and Brent Scowcroft. A World Transformed. Alfred A. Knopf NY., 1998. P.249.*

чувствовать себя изолированным. Он уже принес Варшавский договор в жертву демократическим правительствам...». И сказала, что Миттеран разделяет ее взгляды¹¹.

В общем, Тэтчер была за демилитаризацию Восточной Германии, но за сохранение там на определенный период времени советских войск. Больше того, за трансформацию СБСЕ в качестве альтернативы НАТО и ОВД. Это и беспокоило Буша больше всего. И не зря.

Уже много лет спустя в своей книге «Искусство управления государством» Тэтчер откровенно напишет: «Хорошее знание прошлого и неопределенность будущего заставили нас с президентом Миттераном при не слишком эффективной поддержке Горбачева предпринять попытку замедлить процесс объединения Германии. Увы, наша попытка провалилась...»¹²

Но не только англичане и французы, сами немцы – Коль и его команда – были готовы идти на большие уступки Советскому Союзу, чтобы получить его согласие на объединение. Один только пример.

После Оттавы, 24 февраля, канцлер Коль прилетел в США еще раз обговорить условия германского объединения. И в приватной беседе с Бушем в его загородной резиденции Кэмп Дэвид задал еретический с точки зрения американцев вопрос:

– Если Западная Германия является членом НАТО, не стоило ли это сделать так, как это обстоит с Францией? И добавил: Мы также должны думать об американских ядерных силах в Германии и как к этому оружию отнеслись бы в Восточной Европе.

И Буш был шокирован: значит, Коль и его команда готовы уступить даже в таком жизненно важном вопросе, как членство Германии в НАТО. Поэтому ответ его был предельно жестким: *Достаточно одной Франции с таким статусом. Объединенная Германия должна быть в НАТО*¹³. А Бейкер, ссылаясь на свои недавние беседы с Горбачевым и Шеварднадзе, стал заверять, что Советы в конце концов будут вынуждены согласиться с вхождением объединенной Германии в НАТО.

Только после таких жестких заявлений и убедившись в невнятной позиции Москвы, Коль взял твердый курс на вхождение объединенной Германии в НАТО. Об этом откровенно заявит уже потом Буш:

¹¹ *Ibid.* P.248.

¹² Тэтчер. М. *Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира.* Перевод с англ. М.: Альбина Паблшер, 2003. С.27.

¹³ *George Bush and Brent Scowcroft. Op. cit.* P.252.

– Пять месяцев назад, в феврале, канцлер Коль и я пришли к единому мнению относительно того, что объединенной Германии следует сохранить полное членство в Организации Североатлантического договора, включая ее военную структуру.

Естественно, возникает вопрос, почему Вашингтон так жестко настаивал на членстве Германии в НАТО? В условиях развала, который переживала тогда Восточная Европа, США взяли курс на то, чтобы играть ведущую роль в обеспечении европейской безопасности. А механизмом реализации этой роли должно было стать НАТО. И тут объединенная Германия в качестве полноправного члена НАТО была ключевым фактором обеспечения американского присутствия в Европе. «Если бы она вышла из альянса, – пишут Буш и Скоукрофт, – то нам было бы трудно, если вообще возможно, держать наши войска в Европе»¹⁴.

В общем, намерения выторговать уступки и обеспечить собственные интересы в процессе германского объединения у нас были, причем весьма серьезные. Но ничего для этого сделано не было. Просто проглотили сделанное в самом начале дипломатического торга заверение, что НАТО ни на дюйм не продвинется на Восток, и на этом успокоились¹⁵. Почему? Да потому, что не было у нас тогда в германских делах ни стратегии, ни тактики.

А вот у США в отличие от Советского Союза была разработана и стратегия, и тактика. Как пишут специалисты Райс и Зеликоу, они состояли в том, чтобы использовать переговоры в рамках 2+4 для «получения согласия ослабленного, но еще опасного Советского Союза на внезапное перестроение баланса сил». По их словам, США ставили тогда 3 задачи: «закрепить результаты демократической революции в Европе, сократить советскую военную мощь в Восточной Европе и ликвидировать советское военное присутствие в Германии». Но американские войска, хотя и меньшей численности, должны там оставаться.

Как этого достичь? «Суровая истина, – пишут они, – состояла в том, что эти американские цели могли быть достигнуты только если бы для Советского Союза это не выглядело бы как катастрофическое поражение в войне... Американские власти хотели, чтобы Советы согласились с такими результатами и поверили, что они сохранили соответствующую

¹⁴ *Ibid.* P.230–231.

¹⁵ Это было потом зафиксировано в «Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии». Приложение 1, статья 5, пункты 1, 2, 3.

шую, но ограниченную роль в европейских делах. Они не хотели, чтобы Москва испытывала постоянное разочарование, которое когда-нибудь привело бы к попыткам разрушить такой порядок вещей в Европе».

И тут шли ссылки на Венский конгресс 1814–1815 годов и конгресс в Берлине 1878 года, когда потерпевшим поражения странам компенсировали потерю весьма ценных и значимых земель незначительными и менее ценными территориальными приобретениями. Разумеется, в наше время такие компенсации были бы уже невозможны. Поэтому компенсация должна состоять «в менее осязаемых признаках власти и влияния». Короче говоря, позволить Москве «надувать щеки (напускать важный вид) в отношении своего присутствия и влияния в Европе»¹⁶.

Что ж, задумано было хитро. Обидно только, что советское руководство проглотило все это без особого сопротивления.

Нежеланный ребенок

После Оттавы пути-дорожки этих двух договоренностей резко разошлись. Прошли выборы в ГДР, и 2+4 превратились в активно действующий форум, работа которого уже

летом завершилась воссоединением Германии.

Иная судьба ожидала договоренность о сокращении советских и американских войск. В Москве она была встречена в штыки Моисеевым, Лигачевым и консервативной верхушкой в партии. Соглашение предусматривает неравные обязательства, – утверждали они, – нарушает сложившийся военный паритет, и США получают односторонние преимущества. В период грандиозных перемен, происходящих в Европе, такое значительное сокращение советских войск будет выглядеть как позорное бегство.

Все доводы, что для нас это последняя возможность легально зацепиться или хотя бы обозначить свое присутствие в Восточной Европе, объявлялись поражением или просто повисали в воздухе. Хотя в то же время все вокруг сетовали, что не сегодня-завтра нам все равно придется уйти.

Горбачев, как обычно, умыл руки, а Шеварднадзе молчал. Не потому, что они были против оттавских договоренностей – просто не хотели лишний раз ссориться с военными. В результате делегация в Вене не получила никаких указаний.

¹⁶ Zelikow Ph., Rice C. *Op. cit.* P.197.

Но это было еще полбеда. Глава американской делегации Джим Вулси тоже стал уходить от оформления оттавской договоренности о сокращении войск. Делал он это легко и с улыбкой – мол, нет у меня инструкций из Вашингтона. Жаловаться в Москву, чтобы она надавила на Вашингтон, было в тех условиях бессмысленно: похоже, обе столицы потеряли интерес к этому соглашению.

Что касается американцев, суть дела была более или менее ясна: нет-нет, да и обмолвится кто-нибудь из их делегации:

– А зачем нужно теперь это соглашение? Венгры, чехи, потом поляки, не говоря уже о немцах, в один голос настойчиво требуют вывода советских войск. Но никто не поднимает голос, чтобы убрать американские войска. Вот и получается, что уходить придется только Советскому Союзу.

В общем, выходило, что разработанное в Оттаве соглашение в новых условиях как бы консервировало советское военное присутствие в Европе. И изначальный замысел с инициативой Буша состоял в том, чтобы такой ценой гарантировать американское военное присутствие в Европе. Теперь эту цену можно было не платить. Никто не требовал вывода американских войск, и предложение Буша выглядело как приглашение Советскому Союзу оставить свои войска вопреки желанию Германии и других восточноевропейских стран.

Это быстро поняли в Вашингтоне. Там нажали на тормоза и дали задний ход. Но почему нажимали на тормоза Моисеев и другие советские военные? Загадка, которая до сих пор не имеет ответа.

В общем, на оттавской договоренности был поставлен крест, и американцы радовались этому. Разумеется, не следует преувеличивать ее значение. Даже если бы эту договоренность удалось реализовать, включив в Договор ОВСЕ, как это было задумано, советским войскам все равно пришлось бы уйти из Центральной и Восточной Европы. Может быть, только не столь поспешно и на других условиях.

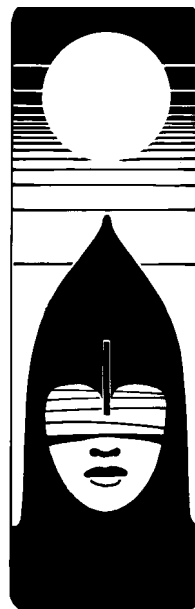
Но договоренность эта имела обратное действие: она ограничивала американское военное присутствие в Европе. Сегодня российские политики обоснованно выражают озабоченность по поводу расширения НАТО на Восток. Но будь оттавские договоренности воплощены в Договоре ОВСЕ, эта проблема выглядела бы совсем по-другому. Стержень сил НАТО – американские войска – не смогли бы переступить рубежи, на которых они стояли тогда.

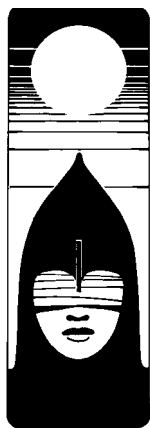
Тот, кто хочет верить, что православно-монархическая Россия простоит, не распадаясь, лет хоть 200 еще, – тот должен надеяться и на какое бы то ни было новое сословно-корпоративное расслоение и развитие общественных элементов наших. Иначе нарушенное социальное равновесие несколько раньше, несколько позднее, но даст себя знать самыми жестокими и плачевными результатами – «ягодами» нынешних «цветов»!

К.Н. Леонтьев

Истинное единство и желанный мир человечества должны основываться не на слабости и подавленности народов, а на высшем развитии их сил, на свободном взаимодействии восполняющих друг друга народностей.

В.С. Соловьев

Владимир Лапин

**АРМИЯ – В ИМПЕРИИ,
ИМПЕРИЯ – В АРМИИ**

**ОРГАНИЗАЦИЯ
И КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРМИИ РОССИИ
В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ.
XVIII – НАЧАЛО XX В.**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

The multinational and poly-confessional Russian empire experienced problems with use of human resources in military purposes. The government had to take into account martial customs of various regions' population as well as the danger connected with arming of nations political loyalty of which caused well-grounded doubts. Situation was aggravated by the estate differentiation of the society and negative attitude toward soldiery which was considered as a punishment. Different levels of Russia's Western and Eastern peripheries cultural and social development hindered the process of military service regulations standardization. The authorities tried to use the army as a school of state education and the state integration.

Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы различались бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в «...глубине – одинаковость на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...», – говорил Николай I в 1839 году французскому путешественнику маркизу Астольфу де Кюстину¹.

Грузинским гренадерским полком в 1900 году командовал Михаил-Сигизмунд Феликсович Суликовский, а его помощником (заместителем) был Иван Шавлиевич Териев. Во главе батальонов стояли подполковники Михаил Николаевич Юркевич, Фома Иванович Назарбегов, Эдуард-Куприян Иосифович Торбойский, князь А.И.Баратов 1-й и князь К.И.Баратов 2-й. В списке капитанов и штабс-капитанов мы видим Александра Ивановича Зайцева, Эмилия Егоровича Блюмберга, барона Эрнста-Михаила-Антоня Эрнстовича фон Нольде, князя Элизбара Ильича Мачабели 1-го, Владимира Яковлевича Исаева, Александра Владимировича Брохоцкого, Петра Константиновича Амбражевича, князя Мачабели 2-го, Константина Давидовича Гамкрелидзе, Сергея Викторовича Соломко. Таким же разноплеменным был состав поручиков, подпоручиков и прапорщиков. В нем Оскар Леонардович Лобановский соседствует с Эдуардом Эрнстовичем Фрейдлингом, Ираклием Ивановичем Месхиевым, Борисом Павловичем Боярогло, Иосифом Бастамовичем Чумаровым, Ираклием Зурабовичем Ломидзе, Алексеем Алексеевичем Львовым, Ашотом Захаровичем Тернересовым².

Штаб-офицер и адъютант Кавказской инспекции Кавказского Гренадерского полка. 1802–1804.

¹ Де Кюстин А. *Россия в 1839 году*. Т.1. М., 1996. С.199–200.

² Махлаюк Н.П. *Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревско-*

Конный башкир. Башкирский полк.
XIX в.

Вооруженные силы являлись одним из важнейших институтов, скреплявших многонациональную и поликонфессиональную Российскую империю. Военный мундир становился для туземной знати наиболее надежным пропуском в состав государственной элиты, проверенным инструментом для реализации честолюбивых замыслов и оправдания надежд на повышение благосостояния. Формирование национальных частей создавало благоприятные условия для включения местной элиты в состав привилегированных групп населения империи, для укрепления связующих нитей между государственным аппаратом и местной знатью. В положении 1803 года о Ставропольском калмыцком войске говорилось о необходимости создавать условия,

чтобы «...отверзнуть всякому из них (калмыков. – *В.Л.*) путь добрыми качествами и усердною службою достичь степеней отличия...»³.

При доминирующем значении всего государственного (интересов, символов, властных импульсов и т.д.) даже временное превращение человека в частичку государства автоматически поднимало его общественный статус. Блистательные военные и бюрократические карьеры иноземцев, инородцев и иноверцев в России XVIII – начала XX в. позволяют говорить об отсутствии видимой связи между этноконфессиональной принадлежностью человека и темпами его продвижения по служебной лестнице. Более того, есть все основания подозревать административную машину России в протекции «некоренным русским». По крайней мере, представительство народов в эшелонах власти было далеко не пропорциональным их численности. Генерал А.П.Ермолов, известный своим острым языком, на вопрос Александра I, какую награду он хотел бы получить, сказал: «Сделайте

го полка. Второе столетие. 1800–1900. Тифлис, 1900. Приложение XVII.

³ *Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е.] (далее – ПСЗ I). Т.27. №21025.*

меня немцем!» В этой реплике сконцентрировалась глубокая обида русских офицеров по поводу «немецкого засилья» в командном составе армии и флота.

В колониальных войсках Англии, Голландии, Франции и Испании ключевые командные посты доверялись исключительно офицерам-европейцам, причем нередко европейцы служили даже унтер-офицерами. Наблюдалась открытая или скрытая дискриминация местных жителей в плане их продвижения по служебной лестнице и в размере жалования. Бенгалец – сын раджи – не мог стать офицером британского полка, алжирский вождь никогда не становился «своим» в кругу французских офицеров. В Российской империи любой «нерусский», имевший право поступить в армию «на правах дворянства», имел те же шансы в продвижении по карьерной лестнице, что и представители «коренной» национальности. Немцы, шведы, поляки, грузины, армяне, осетины, кабардинцы, азербайджанцы, казахи выслуживали генеральские чины, командовали полками и кораблями.

Сын владетельного хана Букеевской орды (Казахстан) Султан-Хаджи-Губай-дулла-Джангер-хан-Оглы-Чингис-хан обучался в Пажеском корпусе, откуда был выпущен корнетом в лейб-гвардии Казачий полк. После непродолжительной службы в этой части его командировали в распоряжение начальника Оренбургского корпуса, поручения которого он успешно выполнял. В 1866 году этого представителя казахской знати произвели в ротмистры и назначили «быть при наказном атамане Донского войска». Год спустя хан был уже полковником, а в 1871 году оказался в свите Александра II. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ведал телеграфной службой русской армии на Балканах. За участие в боях получил золотое оружие и орден Св. Владимира 3-й степени. С 1881 года состоял при Министерстве внутренних дел, занимаясь разработкой нормативных документов, регулирующих жизнь населения азиатских окраин империи. В 1888 году получил чин генерал-лейтенанта, а в 1894, при отставке, – чин генерала от кавалерии⁴.

В 1890 году из 330 финляндцев, находившихся на службе в российских вооруженных силах, 28 были генералами и адмиралами, еще 23 были командирами отдельных частей и крупных кораблей. Таким образом, 14,5% служивших в российской армии и флоте уроженцев великого

⁴ Некролог генерала от кавалерии Султан-Хаджи-Губай-дулла-Джангер-хан-Оглы-Чингис-хана // Русский инвалид. 1909. №42. 4 марта.

княжества занимали видные посты, представляя неизмеримо меньшую долю дворянства империи⁵.

Законодательство и практика приема на военную службу свидетельствуют о том, что в XVIII–XIX вв. правительство различными способами облегчало представителям национальных элит получение первого обер-офицерского чина. В 1853 году грузинские дворяне, не получившие по каким-то причинам подтверждения своего достоинства, принимались тем не менее на службу на правах дворянства, предоставив соответствующему воинскому начальнику справку о подаче документов об утверждении в таковых. На правах вольноопределяющихся первого разряда (4 года службы в унтер-офицерах) принимались дети армянских священников и дьяконов. Это явно был шаг навстречу влиятельному армянскому духовенству и вообще армянам, не имевшим формально своего дворянства и тем самым поставленным в неравноправное положение по отношению к другим народам Закавказья. Такой же срок для выслуги первого офицерского чина назначался сыновьям «почетнейших старшин горских обществ Кавказской линии», князьям, бадилатам, алдарам и таубиям (в Осетии), меликам, султанам и бекам, имевшим соответствующие грамоты от иранского шаха, турецкого султана или владетельного хана. К ним приравнивались дети финляндских чиновников «не из дворян» и первый разряд бывшей шляхты. По второму разряду (6 лет выслуги) принимались мелики, султаны и беки, не имевшие вышеуказанных документов, а также агалары и их дети, духовные лица мусульманского вероисповедания. По третьему разряду (12 лет выслуги) принимались тавадские азнауры Имеретии и Гурии, а также все свободные обыватели края⁶. В военно-учебных заведениях существовали гласные и негласные привилегии для представителей национальной знати.

В то же время правительство питало недоверие к полякам, которое укреплялось после восстаний 1831 и 1863–1864 гг. В царствование Николая I был принят ряд дискриминационных мер по отношению к «католикам – уроженцам Привислянских губерний». В 1888 году уже существовавшая практика ограничений была оформлена указом Александра III, вводившим предельные нормы численности представителей «нерусских» народов, а также запрещавшим занятие некоторых долж-

⁵ *Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого Финляндского вопроса. Вып. I. М., 1891. С.173.*

⁶ *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1286. Оп.6. Д.420. Л.12–18; Оп.10. 1864 г. Д.41. Л.2–8.*

ностей. Полякам был фактически закрыт путь в военные академии, их отправляли служить подальше от родных мест. Этот документ требовал, чтобы «...уроженцев прибалтийских губерний: немцев, латышей, эстонцев, шведов и финнов, рассчитывая их вместе общим числом... во всех войсках, заведениях и учреждениях, в Прибалтийских губерниях расположенных», было не более 20%. Им запрещалось занимать должности уездных воинских начальников. Те же нормы распространялись на армян в Закавказье.

Одну из главных причин стойкой и далеко не всегда осознанной враждебности к полякам со стороны имперской власти назвал японский исследователь К.Мацузато. Он объяснял сложные и противоречивые отношения правительства к полякам на Правобережной Украине тем, что здесь происходило столкновение «...между двумя имперскими идеями и культурами, а не борьба правящей и управляемой нации». Поляки мечтали не о независимости как таковой, а о возрождении Речи Посполитой. По нашему мнению, это вполне применимо и к другим временам, и к другим регионам российско-польских контактов. Весьма плодотворным и многое объясняющим является и тезис К.Мацузато о том, что до начала XX века термин «поляки» не означал «этнические поляки», а распространялся на тех, кто «принял католицизм, польский язык и образ жизни, имперскую идею Речи Посполитой»⁷.

Усилиями советской историографии империя Романовых во многом уподоблялась таким «классическим» государственным образованиям, как Французская или Британская империя, где мононациональная метрополия нещадно эксплуатировала колонии, отличавшиеся от имперского ядра этническим составом населения, социально-экономическим укладом, нравами и бытом. Туземная знать при этом выглядела не более чем привилегированной прислугой правительства, которое относилось к ней с позиций культурного превосходства. В России роль метрополии играла имперская элита, космополитичная по своему составу и вектору культурного развития, а колониями была вся территория страны с одинаково бесправными жителями. Для курского или вологодского крестьянина расширение границ державы означало только то, что его односельчанин, забранный в рекруты, находил свою смерть в кавказских ущельях, туркестанских песках или финляндских болотах. Почти все народы вошли в состав Российской империи в результате войн разного

⁷ Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине // *Ab Imperio*. 2000. №1. С.96–97.

масштаба, все испытали культурную «унификацию», часто именуемую русификацией. Почти у всех народов национальная знать без особых проблем находила применение своим талантам и амбициям в офицерских чинах, тогда как на туземных простолюдинов по разным причинам оказалось не так-то просто надеть солдатскую шинель. Весьма характерно, что финляндцы, армяне, мусульмане в целом подозревались властью в недостатке лояльности, но при этом представители национальных элит не только не встречали препятствий при определении на службу, но зачастую получали преимущества перед «коренными русскими». До конца имперского периода правительство не решилось призывать на службу азербайджанцев и горцев Северного Кавказа «по политическим соображениям», что не помешало стать генералами А.М.Алиханову-Аварскому и хану Н.Нахичеванскому.

До 1850-х годов соревнование в военной области в Европе выражалось в наращивании численности войск. И позднее, при увеличении значимости военно-технического фактора, перевес в живой силе оставался важным компонентом удачного исхода сражений и войн. Но присоединение новых территорий и миллионов новых подданных в XVIII–XIX веках не сопровождалось соответствующим ростом военного потенциала.

На рубеже XIX–XX веков соотношение доли в численности населения и доли в численности вооруженных сил Российской империи по национальному составу выглядело следующим образом⁸:

Национальность	% от общей численности населения	% от численности армии
Русские	66,8	73,7
Поляки	6,3	7,8
Литовцы и латыши	2,5	1,8
Немцы	1,4	1,4
Евреи	4,0	3,8
Народы Поволжья и Урала	4,7	2,9

Мусульмане Кавказа и Средней Азии вместо отбывания воинской повинности платили особый налог. Грузины, армяне и осетины стали

⁸ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.288; Kappeler A. Russland erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga von 16. bis 19. Jahrhundert. Köln, 1982. S.323–325.

призываться в армию только в конце 1880-х годов «на облегченных условиях». Основным источником пополнения вооруженных сил оставалась русская деревня.

Судя по публицистике, мемуарам и военно-географическим сочинениям, в военной среде России в XIX столетии сложились некоторые устойчивые представления о «природных» свойствах различных народов. При этом свойства эти рассматривались через призму пригодности для воинской службы в рамках армейской субкультуры того времени. Во внимание принимались физические кондиции и «характер», воинские традиции, политическая благонадежность и «уровень культуры». При всей расплывчатости последней формулировки несомненным является то, что за точку отсчета этого самого уровня принимался некий «европейский» стандарт (тоже четко не обозначенный). Наиболее «культурными» назывались поляки, немцы-остзейцы и латыши, наименее – кочевые народы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Кроме того, военное руководство очень волновал вопрос о возможности комплектования частей по национальному признаку. Общее мнение их (в 1870-е годы и позднее) было таково: формировать национальные части можно только при условии прочного «обрусения» народов, населяющих империю. Под обрусением понималось не русификация в культурно-языковом плане, а совмещение векторов политических устремлений правительства и подданных вне зависимости от национальности и конфессии. «Вообще разрешение вопроса о войске инородцев потребует немалых опытов, из которых, по всей вероятности, многие окажутся неудачными, и потому во избежание лишних расходов, напрасной траты людей и предстоящих переформировок, казалось бы, удобнее составлять инородческое войско только из тех элементов, которые оседлы и уже вкусили некоторую часть русской цивилизации или, вернее, сроднились с русским духом, как, например, литовцы, эсты, мордва, греки, молдаване, армяне, грузины, чуваша и т.п.; кочевые же народы, дикие, горские, будут полезны нашему войску только при тесном слиянии их с русским солдатом, которые опыты уже разрешались вполне благополучно», – писал по этому поводу полковник Генерального штаба А.Ф.Риттих, один из главных военных «этнографов» своего времени⁹. «Хозяйственных» немцев и латышей он записывал в артиллерию, «легкомысленных» поляков – в легкую кавалерию, привычных к морю эс-

⁹ Риттих А.Ф. *Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России*. СПб., 1875. С.223.

тонцев, живших на побережье, и приволжских марийцев – во флот, евреев – в писари, ремесленники и музыканты, в стрелки – коми, удмуртов и манси, имевших хорошие охотничьи навыки.

Если пригодность народов к службе в различных родах войск основывалась в основном на умозрительных заключениях, то адаптация их к разнообразным климатическим условиям – бесспорный факт. В 1895–1899 гг. смертность в русской армии (0,55%) более чем в два раза превышала этот печальный германский показатель. 5 призывников из каждой тысячи умирали и во Франции, что объяснялось трудностями службы в заморских колониях. В России эта скорбная цифра означала стоимость контроля над Кавказом, Средней Азией и Дальним Востоком, где климатические условия были губительны для уроженцев европейских губерний¹⁰. Во время Кавказской войны санитарные потери примерно в десять раз превышали боевые. Тенгинский пехотный полк в 1820–1824 гг. потерял убитыми 10 человек, а умершими – 1 159 человек¹¹. Даже Украина и Молдавия были местом, вредным для здоровья людей, выросших в средней полосе России. О последствиях отправки жителей Кавказа на Вологодчину или за Урал военные знали на основе данных о судьбе лиц, высланных «во внутренние губернии» за участие в антиправительственных выступлениях. Из 199 горцев, оказавшихся в 1867 году не по своей воле в селе Шеляги Вятской губернии, спустя два года в живых осталось менее половины. В апреле 1878 г. министр внутренних дел сравнил ссылку дагестанцев в Сибирь с их поголовным истреблением¹². Таким образом, вопрос о привлечении нерусского населения к военной службе был теснейшим образом связан с проблемой понижения уровня смертности солдат. Специфические условия азиатских театров военных действий также стимулировали мобилизацию туземных контингентов. После введения всеобщей повинности внимание к расширению призывного контингента за счет туземного населения национальных окраин увеличилось, поскольку это был путь к сокращению сроков мобилизации. Резервистам из внутренних губерний требовалось

¹⁰ Benecke W. *Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914*. Paderborn, 2006. S.143

¹¹ Ракович Д.В. *Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846*. Тифлис, 1900. С.32, 71, 91.

¹² Письмо А.Е.Тимашева в Кавказский комитет от 23 апреля 1878 г. // *Переписка наместника Кавказского великого князя Михаила Николаевича по поводу выселения горцев*. СПб., 1878. С.112.

намного больше времени для прибытия в приграничные районы, чем жителям этих мест.

Использование людских ресурсов присоединенных территорий в имперских целях осложнялось тем, что элементы существовавшей там военной культуры не укладывались в рамки тех стандартов, которые были приняты в вооруженных силах России. Лицам, занимавшимся комплектованием и организацией частей на инородческих окраинах, приходилось учитывать местные традиции, поскольку военная организация была теснейшим образом связана с организацией социальной, с экономическим укладом и бытом. Новшества в схеме набора рядового и командного состава болезненно воспринимались именно потому, что являлись или, по меньшей мере, выглядели в глазах туземного населения покушением на основы их бытия. Кроме того, в военном деле заметную роль играет образ врага, так как ратная мифология – обязательная часть системы морального воспитания солдат и офицеров. Поскольку все национальные окраины были присоединены силой оружия или угрозой его применения, тамошнее население видело в русском войске вчерашних противников, и с этим обстоятельством Петербургу тоже приходилось считаться. Нерусские народы при поступлении на службу испытывали двойной или даже тройной по силе культурный шок. Латыши, эстонцы, литовцы, мордва, удмурты и т.д. подвергались еще и принудительной русификации. Для народов, имевших свои прочные воинские традиции, ситуация усугублялась ломкой стереотипов поведения в военной среде.

При включении Финляндии в состав Российской империи была унаследована «шведская» модель комплектования армии (т.н. индельта), существовавшая в Финляндии более столетия. Это был сложный порядок, по которому несколько крестьянских семей содержали солдата, в мирное время помогавшего им по хозяйству или кормившегося своим трудом. Индельта основывалась на договоре крестьянских обществ с короной, что было совершенно неприемлемо для правовой системы и правового сознания российского общества и государства. Поселенные войска сохранились, поскольку Петербург не имел возможности предложить новым подданным что-то другое. Введение рекрутчины было немислимо, а о всеобщей воинской повинности до середины XIX столетия в России даже не задумывались.

Население Кавказа так боялось введения рекрутской повинности, что даже слухи об ее введении порождали серьезные волнения¹³. Несмотря на то, что служба в армии после реформы 1874 г. радикально отличалась от прежней (человек уже не отрывался от семьи на четверть века и после трех–четырёх лет пребывания в строю возвращался домой), население этих различий не осознавало и по-прежнему всеми силами стремилось уклониться от призыва. На Кавказе военное дело составляло часть быта, приобретение воинских навыков являлось частью процесса социализации. Ополчения этого региона состояли из добровольцев, для которых победа являлась решением собственной жизненно важной проблемы (защита себя, семьи и имущества, месть за родственника, закрепление или повышение социального статуса, захват военной добычи, выполнение роли кунака или вассала, священная война с иноверцами), а не выполнением приказа. Воинская дисциплина – краеугольный камень регулярной армии XVII–XXI вв.¹⁴ – отсутствовала как таковая. Важную роль играла также память о подвигах предков, о прежних конфликтах и т.д. Военно-мемориальный комплекс народов Кавказа еще ждет своего исследователя, но ряд признаков позволяет судить о его общей «антиимперской» направленности. Историческая память народов Кавказа была отягощена информацией о давней межплеменной и межродовой вражде. Даже в конце XIX в. все писавшие о воинской повинности на Кавказе признавали, что его население не готово к тому, чтобы встать под ружье на общих основаниях¹⁵.

В XVIII – первой половине XIX века Россия использовала иррегулярные части, сформированные из народов Поволжья и Урала (татары, башкиры, марийцы, калмыки), из крымских татар и жителей Кавказа. В 1812–1814 гг. было собрано более 30 конных пятисотенных полков. Во время Крымской войны численность кавказских ополчений превысила 50 тыс. человек¹⁶. В боях против горцев широко применялись нацио-

¹³ *Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (далее – АКАК). Т.6. Ч.1. Тифлис, 1874. С.524–525; Санаков Ш.П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов. (XVIII – нач. XX вв.). Цхинвали, 1987. С.54; Дубровин Н. Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. 1882. №5. С.8.*

¹⁴ *Письмо А.Е.Тимашева в Кавказский комитет от 23 апреля 1878 г.*

¹⁵ *Государственный Архив Российской Федерации. Ф.730. Оп.1. Д.1655; РГИА. Ф.381. Оп.23. Д.15112. Л.2–5; Ф.573. Оп.6. Д.7277; Ф.866. Оп.1. Д.56; Ф.932. Оп.1. Д.456,411; Фадеев Р.А. Собр. соч. Т.1. СПб., 1889. Паг. 2-я. С.202–206.*

¹⁶ *Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Кн.1-я. СПб., 1854. С.19.*

нальные формирования, традиционно именовавшиеся милицией. Милиционная система впутывала коронную власть в сложный клубок отношений внутри горского общества. Анализ рапортов о действиях кавказских ополчений свидетельствует, что уровень их боеспособности полностью зависел от мотивации воинов. Если существовала надежда на добычу или целью похода являлись аулы традиционных противников, ополченцы воевали прекрасно. Если их интересы расходились с интересами российского командования, их поведение варьировалось от саботажа до открытой измены. Длительная война на Кавказе привела к формированию значительного контингента лиц, умевших только воевать. Составители проекта формирования Терского конно-иррегулярного полка и Лабинского конно-иррегулярного эскадрона (1860) в преамбуле прямо указали на то, что главной целью формирования этих частей является предоставление привычного занятия тем горцам, которые на данный момент не в состоянии «совершенно бросить оружие и обратиться к мирным занятиям». Это относилось в равной мере как к бывшим мюридам Шамиля, так и к милиционерам¹⁷. Такими же принципами руководствовались и британцы на северо-восточных границах своих индийских владений. Вербовка пуштунов производилась для «отвлечения» горцев от грабежей и позволяла держать под контролем «самый беспокойный элемент»¹⁸.

Рядовой состав регулярной армии до конца XVIII в. был этнически однородным (великорусским) в силу того, что комплектование осуществлялось на основе рекрутской повинности, которая распространялась на лиц, принадлежавших к податным сословиям. Практика набора рекрутов предполагала социальное принуждение со стороны общины или помещика. Такое было возможно только в русской деревне. Из-за массового дезертирства новобранцев приграничные районы, где проживала основная масса нерусского населения, от этой повинности были освобождены. В конце XVIII – начале XIX в. стали брать в армию украинцев и белорусов, которые по представлениям того времени являлись русскими. Ничтожный процент литовцев, татар, коми, мордвы, финнов-ингерманландцев не изменял общей картины. Регулярная армия, образованная на основе рекрутской повинности, была одновременно и продуктом, и инструментом вестернизации страны. У государства хватило сил европеизировать только сравнительно небольшую часть русского

¹⁷ РГИА. Ф.1268. Оп.10. 1860 г. Д.190. Л.1–4, 6–8.

¹⁸ Серебренников К. *Индо-британская армия. Ташкент, 1903. С.64.*

населения – дворянство. Рекрутчина, фактически пожизненная служба в нижних чинах, была нужна для образования особого европеизированного сословия. Не случайно следующим шагом правительства на этом пути стали военные поселения, представлявшие собой попытку создать более подготовленное в культурном отношении население.

Все вышесказанное позволяет предположить, что нерусское население было исключено из призывного контингента по двум причинам. 1) Для того, чтобы стать солдатом, русский крестьянин должен был пройти повторную социализацию по квазиевропейским стандартам, но на основе русского языка (командный язык, русские офицеры). В случае призыва инородца проблемы военных почти удваивались, так как сложную процедуру воспитания и обучения надо было проделать над человеком, не знающим основного языка общения. 2) Набор в армию требовал существования определенных механизмов, которые были в русской деревне, но не всегда присутствовали в инородческой среде (община или полновластный помещик для определения кандидата в рекруты, узаконенная единица налогообложения как эрзац призывного участка и т.д.).

В Европе служба в рядах вооруженных сил избавляла национальные и религиозные меньшинства от синдрома «чужеродного тела», «... воинская повинность оказалась важной составляющей эмансипации европейских евреев и ее незаменимым катализатором»¹⁹. Однако в России ситуация была совершенно иной: призыв в армию означал не распространение на них прав гражданства, а шаг в сторону уравнивания с низшими податными сословиями, включение в орбиту действия еще одной репрессивной модели (армия как часть пенитенциарной системы). В некоторых случаях именно рекрутчина являлась принципиальным отличием государственного крестьянина от инородца. Практически все национальности, проживавшие на территории Российской империи, имели до 1874 года разного рода «исключения» из общих положений о воинской повинности. При сильной социальной и психологической травматичности рекрутчины все они выглядели «послаблениями» нерусским подданным русского царя. Рекрутчина, по нашему мнению, была средством и формой модернизации России, для которой характерно административное насилие, изъятие новобранца из родной для него социокультурной среды, перемещение на новое место обитания.

После введения всеобщей воинской повинности национальный вопрос в вооруженных силах заметно обострился. По мнению военного

¹⁹ Петровский-Штерн Й. *Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003. С.10.*

министра (в 1898–1904 гг.) А.Н.Куропаткина, длительные сроки службы способствовали более успешному «перевариванию» инородных элементов в армии, особенно если до службы новобранец-инородец овладевал русским языком. Здесь ясно виден характер связки «школа – армия» в механизме русификации. Куропаткин писал: «...нельзя не признать, что более однородный в племенном отношении состав армии, подобно тому как то было в XVIII столетии, облегчил бы тяжелую задачу подготовки войск к военному времени. Мы ранее сильны были именно тем, что на врага посылалось "православное русское войско"... В настоящее время, с пробуждением национальных идеалов даже у небольших племен, нахождение в рядах русской армии инородцев, мечтающих не о величии и славе России, а о великой Польше, Армении, Финляндии или считающих своим отечеством Германию, очень ослабило нашу армию»²⁰. Куропаткин считал, что те народы, которые уклоняются от несения воинской повинности, следовало наказывать ущемлением гражданских прав: «...Не пожелав помочь армии рука об руку с русским племенем победить внешнего врага, эти племена, очевидно, не имеют права рассчитывать на службу государственную и службу выборную в высших правительственных учреждениях. Война была для этих племен экзаменом их политической и военной благонадежности, и евреи, литовцы, а за ними поляки этого экзамена не выдержали»²¹. В своих сетованиях на национальную неоднородность вооруженных сил А.Н.Куропаткин проявлял заметную непоследовательность. Прежде всего, он не привел конкретных примеров нарушения присяги инородцами, массовых измен и тому подобных проявлений слабости многонациональной армии. Более того, он неоднократно оговаривается, что представители различных наций беззаветно служили России, «...даже татары... настолько были тверды в присяге, что без колебаний шли против единоверных турок»²².

Создание особых национальных армий, «конгруэнтных» государственной организации, принесло печальные плоды с точки зрения общеимперских интересов. Армия Царства Польского, сформированная в 1816 г., представляла в 1830 г. настолько мощную силу (35 тыс. штыков и такое же число обученных резервистов), что для подавления ее антиправительственного выступления российским войскам пришлось вести полномасштабную кампанию. Созданные в 1881 году на основании

²⁰ Куропаткин А.Н. *Задачи русской армии*. Т.3. СПб., 1910. С.80.

²¹ Там же. С.391.

²² Там же. С.79–80, 387.

всеобщей воинской повинности в автономном Великом княжестве Финляндском т.н. «финские войска» (9 стрелковых батальонов и кавалерийский полк) стали одним из символов сепаратизма и были упразднены (кроме лейб-гвардии Финского стрелкового батальона) в 1901 году. В Петербурге не стали дожидаться того, что эти силы из символа превратятся в действенный инструмент. Несмотря на высокие качества финского солдата, его ценность с имперской точки зрения оказывалась ничтожной. Посылать финнов куда-либо за пределы автономии запрещалось, а военно-стратегическое положение Финляндии превращало ее в театр военных действий только в одном случае – при вступлении Швеции в войну на стороне Германии или Англии. Это обстоятельство заостряло вопрос о надежности частей, укомплектованных местными уроженцами: их командный состав был почти сплошь шведским, а в некоторых частях по-шведски говорила и почти половина солдат. Еще в начале XIX века комиссия сейма в Борго писала, что при войне со Швецией нельзя было бы выставить финское войско, поскольку «...едва ли он (финский народ. – *В.Л.*) пойдет с оружием в руках на своих собратьев»²³.

Очень важной была ритуальная функция национальных формирований. Не было никакой военной необходимости вести калмыцкие и башкирские полки в Европу в 1813–1814 годах. Сложные придворные церемонии не утратили бы своей помпезности при замене горского конвоя уланами или кирасирами. Петербург не остался без защиты после упразднения финских войск, уменьшение охраны царской резиденции в Ливадии на 15 человек (численность пикета крымских татар) не создало угрозы для августейших отдыхающих. Национальные формирования были зримыми символами империи, они возникали и упразднялись тогда, когда вспыхивала или, наоборот, угасала значимость этих символов в глазах правительства.

В решении «военно-имперской» проблемы Россия действительно оказалась заложницей культурного раскола, оформившегося в эпоху Петра I. Воспитание и обучение солдата в соответствии с требованиями европейского военного дела во многом зависели от культурного багажа новобранца. Армия испытывала немалые проблемы при «перековке» даже русских простолюдинов. Подобная же процедура с «инородцами» требовала дополнительных усилий со стороны командного состава, выглядевших в его глазах чрезмерными. К тому же во многих случаях

²³ *Бородкин М. История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. С.425.*

ситуацию усугубляли национальные воинские традиции, мало совместимые с правительственным взглядом на правила службы. Здесь мы напоминаем о таком масштабном социальном эксперименте, как аракчеевские военные поселения, которые должны были давать пополнение, изначально более подготовленное к службе. Расширение границ империи в западном направлении также не дало заметного усиления военной мощи империи. У руководства военного и морского ведомства не было претензий к культурному уровню жителей Западных окраин державы. Здесь были проблемы другого рода. Поляки и евреи – основное население края – считались настолько ненадежным элементом, что в полках их «разбавляли» русскими до безопасной пропорции.

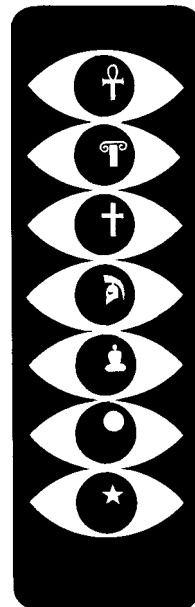
Правительство Российской империи проявляло заметную гибкость в подходе к определению формы воинской повинности, которую должны были отбывать представители национальных меньшинств. Но гибкость эта была вынужденной: как только ситуация изменялась, правительство стремилось к унификации. В целом административных ресурсов у правительства не хватало для использования в полной мере военного потенциала национальных окраин. Немалую роль здесь играло то обстоятельство, что жители России были не гражданами, а подданными, социальная энергия которых в принципе не может быть направлена на решение государственных вопросов. Все организующие импульсы исходили исключительно «сверху», и их явно не хватало для мобилизации людских масс в целях повышения военного потенциала страны.

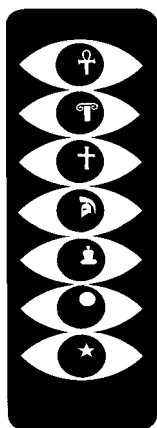
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Каждая история, как матрешка или английская живая изгородь, заключает в себе несколько себе подобных. Погрузившись в одну историю, человек одновременно погружается в другую, встречая за каждым поворотом новый сюжет, пока не достигнет сердцевины...

**Историк вполне может
обнаруживать внутреннее
содержание и социально значимые
аспекты мысли в самых разных
документах эпохи, связывая их с
важными сторонами окружающей
действительности, переходя от
текста к контексту и обратно...**

Роберт Дарнтон

Исаак Розенталь

**ВАЛЕНТИНОВ
И ЕГО ВРЕМЯ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The author tracks down the evolution of known publicist and historian N.Valentinov (N.V.Volsky) opinions in the course of his long life. Valentinov, a non-party democrat and Socialist, since 1930 a forced emigrant demonstrated a rare independence of judgments as well as ability to critical self-judgment. He was interested in difficult problems of the Russian history that were banned in the USSR as subjects of scientific investigation. In particular, Valentinov was interested in such subjects as transformation of Russia before the WWI, potential of the New Economic Policy, role of intelligentsia in the country modernization, Marxism on the Russian soil, personality of Lenin and ideological roots of Bolshevism, Russia and Europe, causes of the Stalinist regime validation, causation of this regime by short-term circumstances and traditions of the national conscience, world-views and public positions of Gorky, Block, Andrei Belyi et al. Valentinov was an objective scholar and many his observations and conclusions preserve their importance to this day.

ЛИЧНОСТЬ И ПОЧЕРК

Н.Валентинов – псевдоним Николая Владиславовича Вольского (1879–1964), публициста, историка, экономиста. В современной России он получил известность главным обра-

зом благодаря книгам и статьям, написанным в эмиграции, но начиналась литературная деятельность Валентинова еще в начале 1900-х годов и продолжалась – с некоторым перерывом – при советской власти. Это в общей сложности более полувека, насыщенные большими событиями в истории России и мира, так что тема, обозначенная в названии, заслуживает развернутого исследования.

Данный очерк можно рассматривать как подступ к такому исследованию, с ограниченной на этот раз целью – проследить, в каком направлении и в связи с чем развивались взгляды Валентинова на протяжении его долгой жизни. Имея при этом в виду, во-первых, характерное для общественно-политической мысли XX столетия взаимодействие идеологии и научного знания, взаимодействие сложное и часто неравноправное, и, во-вторых, учитывая, что еще более осложнил ситуацию разрыв пространства русской культуры после 1917 года. И, в-третьих, не упуская из виду особенности биографии героя очерка, его неординарность.

Н.Валентинов (Н.В.Вольский)

Валентинов принадлежал к числу сравнительно поздних эмигрантов. СССР он покинул уже немолодым человеком, с жизненным опытом, какого не было у тех, кто эмигрировал после революции и гражданской войны. Этот опыт, наряду с дореволюционным, явился для него в эмигрантский период источником первостепенной важности. Достаточно сказать, что ему приходилось в 20-е годы общаться с видными коммунистическими деятелями – Ф.Э.Дзержинским, М.К.Владимировым, Ю.Л.Пятаковым и другими; полученная от них информация была под-

час, говоря языком современным, «эксклюзивной» (сам он говорил об «интимных беседах» с этими деятелями).

Между тем эмигрировать вовсе не входило в его планы. До начала 1928 г. он более пяти лет работал в «Торгово-промышленной газете», органе ВСНХ, где фактически выполнял обязанности главного редактора и, несмотря на беспартийность, пользовался доверием руководства ВСНХ. В конце 1928 г. его командировали в Париж редактировать газету *La vie économique des Soviets* («Экономическая жизнь Советов»), издававшуюся торговым представительством СССР во Франции. Но еще в Советском Союзе он почувствовал по менявшемуся отношению властей к интеллигенции и по другим признакам («Шахтинское дело» и т.п.) приближение «великого перелома». В конце 1930 г., зная уже о судьбе оставшихся на родине друзей, в частности, об аресте в июле В.Г.Громана, он предпочел стать «невозвращенцем». В дальнейшем он систематически печатался в газетах и журналах русского зарубежья, а также во французских изданиях; несколько его книг было издано по-смертно¹.

Повышенный интерес к работам Валентинова наблюдался в постсоветской России в 90-е годы, но довольно скоро угас несмотря на то, что, кроме перепечаток его работ, изданных впервые за рубежом, были обнародованы некоторые материалы, в том числе ранее неизвестные, из его архива, хранящегося в Колумбийском университете в Нью-Йорке². Интерес был в известной мере конъюнктурным, связанным с увлечением публицистов несостоявшейся в 20-е годы «бухаринской альтернативой» сталинизму. После того, как были открыты ранее недоступные

¹ Биографию Н.Валентинова см.: [Канищева Н.И., Лежнева О.Н.] Предисловие // Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С.3–11. – Полной библиографии работ Валентинова нет. В известный указатель, составленный А.Бургиной (Социал-демократическая меньшевистская литература. Stanford, 1968), не включены статьи Валентинова, как и других меньшевиков, публиковавшиеся в дореволюционных беспартийных изданиях. Не учтены публикации в аналогичных эмигрантских журналах и газетах, кроме «Нового журнала», и посмертно изданные произведения, так как последняя дата выхода в свет произведений, включенных в указатель, – 1965 год.

² См.: Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С.5. – Эти материалы были опубликованы также в журнале «Слово» 1991. №8; 1992. №7. Первый архив Валентинова был украден у него осенью 1919 года в Тамбове (см.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... С.220).

российские архивы и началась публикация документов, труды эмигрантов утратили в глазах отечественных историков прежние преимущества.

Круг вопросов, рассматривавшихся Валентиновым, достаточно широк, в очерке будут затронуты лишь некоторые из них. Дело, однако, не в тематике. Не он один писал о НЭПе или о Ленине, но статьи Валентинова выделяли, и не без основания. В конце 30-х годов, когда еще не истекло первое десятилетие пребывания Валентинова в Париже, его называли «самым блестящим человеком в эмиграции». И современники, считавшие такие оценки преувеличенными, тем не менее не отрицали, что он был человеком «действительно выдающимся». Отмечали, что этот «беспартийный демократ и умеренный (эволюционный) социалист» был человеком «широкого диапазона умственных интересов». Писали, когда он скончался, что «замены такому эмигранту не нашлось»³.

Своеобразие творческого почерка Валентинова вытекало из своеобразия его личности. Отметим, во-первых, что свидетельства его о людях и событиях уникальны и, как правило, безошибочны, но он не был только свидетелем-фактографом, для очень многих его статей и очерков, написанных в эмиграции, характерно сочетание мемуарного и аналитического компонентов. Чтобы такое сочетание было органичным, необходимы эрудиция и память, Валентинов ими обладал, причем, как сообщают многие современники, память его была феноменальной. Во-вторых, он стремился быть объективным исследователем, хотя и обходился без атрибутов академической «солидности» (крупным по широте темы и объему научным трудом могла явиться книга «Россия и русская культура». Валентинов писал ее в 1912–1916 годы, но законченная рукопись – 650 страниц – погибла в годы гражданской войны, после чего он дал себе зарок впредь не делать таких масштабных попыток⁴). И, в-третьих, следует согласиться с мнением Глеба Струве, который, оценивая литературное наследие, оставленное Валентиновым, отмечал, что этот «умный и тонкий наблюдатель», «исключительно талантливый публицист», «оставаясь социалистом ... был свободен от всяких партийных шор и проявлял редкую независимость»⁵. Вот эта черта, пожалуй, самая важная.

³ Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.3. М., 2001. С.154; Карпович М. Предисловие // Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С.6.

⁴ Валентинов Н. Два года с символистами. М., 2000. С.24.

⁵ Струве Г. Предисловие // Валентинов Н. Два года с символистами. С.10–11.

Вероятно, Струве имел в виду период эмиграции, сам же Валентинов свое окончательное освобождение от «партийных шор» относил еще к дореволюционному времени. Можно говорить о его самостоятельности даже в 1903–1904 гг., когда он оказался после раскола РСДРП в Женеве – центре русской политической эмиграции – и ненадолго примкнул к большевикам. Тогда он испытывал, по собственному признанию, «большое политическое влияние Ленина» и меньшевикам не симпатизировал. Впоследствии он не оспаривал точность своего портрета, нарисованного в воспоминаниях одного из товарищей по революционной работе в Киеве в начале 900-х годов: «Это был тогда здоровый, цветущий, жизнерадостный юноша атлетического сложения. Его энергичный и экспансивный характер толкал его всегда на самые опасные и трудноисполнимые предприятия, требовавшие смелости, решительности, а иногда ловкости и физической силы. Борьба, риск и опасность увлекали т. Вольского». Характеристика далеко не полная, но объясняющая сделанный им выбор. Ему и другим социал-демократам, ставшим большевиками, не могла не импонировать книга Ленина «Что делать?», которая, по словам зрелого Валентинова, «полюхала буйным волонтаризмом»⁶. Возлагал на Валентинова определенные надежды и Ленин.

Кстати, страстный темперамент Валентинова, склонность к риску, отмеченные в процитированном выше тексте, позже, когда он порвал с революционным подпольем, нашли нетипичное для этой среды выражение в игре на бегах. В разговоре с писателем Р.Б.Гулем уже в эмиграции он признался, – как пишет Гуль, со стыдом, – что одно время в Москве тотализатор «съедал» все его высокие журналистские гонорары...⁷

ОТ БОЛЬШЕВИЗМА К БЕСПАРТИЙНОСТИ

Надежды Ленина он не оправдал, так как «стопроцентным ленинцем» все же не был (хотя и считал себя таковым) – прежде всего ввиду широты уже тогда своих интересов, в частности, интереса к философии Э.Маха и Р.Авенариуса, а этот интерес был несовместим, как утверждал Ленин, с марксизмом. Не вдаваясь в существо этого философского расхождения, в начале 1900-х годов еще не оформленного литературно, существовавшего пока что на уровне

⁶ Валентинов Н. *Недорисованный портрет...* С.43, 162.

⁷ Гуль Р. *Указ. соч.* С.156.

только устных бесед (Валентинов изложил их содержание в книге «Встречи с Лениным»), отметим другую грань его меньшевизма, что также выявилось в этих ярко описанных им далеко не мирных женевских беседах. Он не захотел принять пресловутый принцип «партийности», провозглашенный Лениным еще в 90-е годы, ленинскую предвзятость и манеру «лепить» любому своему оппоненту «бубновый туз», то есть идеологическое клеймо, ярлык. С точки зрения Ленина, ленинцем считать себя Валентинов не имел права. Выдвинутые Лениным несправедливые подозрения ускорили разрыв.

Но и участвуя по возвращении в Россию в деятельности меньшевистской фракции, где наблюдалась относительно большая, чем у большевиков, свобода мнений и терпимость к оттенкам взглядов, Валентинов «своим» для фракции не стал. «Когда меня именуют меньшевиком, – писал он впоследствии, – или мне самому – ради упрощения – приходится называть себя меньшевиком, я всегда испытываю неловкость, точно чужой титул краду», ибо «никогда в партии никакого высокого положения не занимал, и если был меньшевиком, то, по моему собственному суждению и по суждению настоящих меньшевиков, был всегда очень плохим меньшевиком и самым крайним "ликвидатором"». Это выразилось, в частности, в том, что он сотрудничал с конца 1907 г. исключительно в легальной прессе⁸. Согласно большевистскому пониманию, это и означало быть самым крайним ликвидатором, то есть уже не социал-демократом, так как партии он тем самым изменил и с самодержавием якобы примирился. Он не отрицал своего ревизионизма и ничего зазорного в этом не видел, а Г.Струве впоследствии отметил, что ревизионизм Валентинова «с каждым годом углублялся»⁹.

Если иметь в виду перспективу – будущий внутрипартийный раскол в меньшевизме, ставший реальностью в 1917 году, – то «бунт» Валентинова можно считать одним из первых предзнаменований раскола в ряду других.

О сложившейся уже тогда в глазах меньшевиков-ортодоксов репутации Валентинова свидетельствует малоизвестный факт: его исключили

⁸ Валентинов Н. О русском мессианизме. Заметки // Новый журнал. 1968. Кн.90. С.262 (статья была написана не позднее 1960 г., это следует из указания Валентинова: опубликованную в 1912 г. статью Е.Н.Трубецкого, о которой идет речь, он снова прочитал спустя 48 лет); Он же. Недорисованный портрет... С.223.

⁹ Струве Г. Указ. соч. С.11.

из числа авторов «Общественного движения в России в начале XX века» – меньшевистского пятитомника по истории первой революции, для которого он должен был написать статью об аграрном движении 1905–1906 гг. Исключили под давлением Г.В.Плеханова, писавшего 26 ноября 1908 г. Ф.И.Дану, что недопустимо в легальных социал-демократических изданиях «идти под руку с Валентиновыми, Юшкевичами и прочей полумарксистской сволочью». К «полумарксистам» он причислял в этом и в других письмах также А.Н.Потресова, которого, однако, Мартов и Дан отстояли – ценой разрыва с Плехановым¹⁰. Случилось так, что впоследствии судьба снова свела Валентинова с отцом российской социал-демократии – не заочно, а непосредственно. Но об этом – в другом месте очерка.

Формально Валентинов числился в рядах меньшевиков до лета 1917 г., когда он вышел из меньшевистской РСДРП. Но еще раньше, в 1908 году, публикация философских работ знаменовала для него окончательное освобождение от партийного диктата. Тем самым он «вынул занозу из мозга», «перестал носить... маску ортодокса» – и не только в области философии, к занятиям которой он больше не возвращался. С тех пор, писал он, «...для меня "генеральной линией" была та, которую я сам свободно выбирал, а не та, что мне навязывалась и под которую я должен был подползать»¹¹. Независимость, разумеется, не гарантировала от ошибок и промахов при рассмотрении более или менее частных сюжетов. Но Валентинов сознавал, что унификация взглядов, навязываемая извне, тем более не является гарантией нахождения истины. Он предпочел искать ее самостоятельно. При этом он способен был к критической переоценке своих взглядов, в российской журналистике это было достаточно редким явлением.

Был ли отказ Валентинова от «партийности» в любом смысле просто формой перехода на новое профессиональное поприще? Отчасти это так, но следует все же вспомнить, на каком историческом фоне этот переход происходил. Возникновение в России политических партий запоздало. Тем не менее и после того, как в 1905–1906 гг. образовалось

¹⁰ Валентинов Н. *Quid est // Социалистический вестник. 1959. № 6. С.115; Он же. Недорисованный портрет... С.174; Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т.1. М., 1973. С.232–233; Ю.О.Мартов и А.Н.Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. См. также: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С.262–267.*

¹¹ Валентинов Н. *Недорисованный портрет... С.173–174.*

множество партий, целесообразность их существования и применимость в условиях России западного опыта оставались предметом дискуссий. Продолжали отрицать необходимость партий консерваторы, в партиях они видели чуждый России, ее традициям фактор разъединения преданного царю народа (этим было обусловлено само наименование «Союз русского народа», который партией якобы не был).

Однако характерно, что и В.О.Ключевский, не принадлежавший по своему мировоззрению и симпатиям к консервативной общественности, рассуждал в своих дневниковых записях 1905 г. сходным образом, исходя из наблюдений за русской интеллигенцией: «Я не сочувствую партиям... Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению... Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки... Общественные интересы не так разнообразны и недружелюбны между собою, как личные мнения, и первые легче согласить, чем вторые»¹². (Слово «репетиция» здесь понимается в смысле некритического повторения, заимствования.) В том же 1905 г. известный либерал К.К.Арсеньев дал согласие быть членом ЦК кадетской партии, но сразу отказался, узнав, что устав партии требует подчинения партийной дисциплине. Против партий вообще он, однако, не выступал.

Часть партий, возникнув, быстро исчезла. С другой стороны, из кадетских рядов раздавались голоса протеста против мнения, «будто мы слишком рано разгородились по партиям» – «без партий ответственная политическая деятельность невозможна»¹³. Имели место и попытки блокирования и слияния партий, как правило, неудачные, доминировала дифференциация вплоть до поляризации. Тем более не помышляли вернуться к допартийному или протопартийному существованию революционные партии, более жестко, чем либеральные, контролировавшие верность членов этих партий своим догматам в духе традиционной в России конфронтационной политической культуры. Это, вероятно, и имел в виду Ключевский, говоря о «недружелюбии» «личных мнений». Но в уверенности, что «общественные интересы» сравнительно легче примирить, он просчитался.

Между тем после 1907 г. произошла определенная деполитизация общественных настроений. Численность всех уцелевших партий сокра-

¹² Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.IX. М., 1990. С.355.

¹³ Шаховской Д.И. Автобиография // Русские ведомости. 1863–1913. Сборник статей. М., 1913. С.200.

тилась в несколько раз, так что Валентинов был далеко не единственным «ренегатом», ибо из нелегальной РСДРП ушло большинство ее членов: одни покинули РСДРП вообще, другие – «ликвидаторы»-практики, работавшие в легальных рабочих организациях, – пытались приблизиться к новой для России модели рабочей партии, по типу западно-европейской социал-демократии. Положение дел в целом точно изобразил современный исследователь: «...массы отходили от партий, а партии, как отпущенные воздушные шарик, взмывали в пустоту, уменьшаясь в размерах, но оставаясь в пределах видимости»¹⁴. В пределах видимости, естественно, не для всех. Уже в эмиграции в 1957 году беспартийная социалистка Е.Д.Кускова вспоминала в письме Л.О.Дан, что «9/10 русских людей были не только беспартийны, но они ненавидели партии и партийность». Вернее было бы сказать, что большинство населения России в то время (до 1917 г.) вообще не подозревало о существовании партий. Кускова имела в виду те слои населения, которые были питательной почвой черносотенства, то есть слои, по-своему о партиях осведомленные. Об этих слоях она писала, что их нужно было «вычистить» – очевидно, с помощью печатного слова, – и эта работа «была очень трудна»¹⁵.

У каждого, разумеется, были свои мотивы отхода от партий. Далек не у всех на первом плане было, как у Валентинова, стремление к свободе творческой мысли. К этому нетипичному социалисту неприменима высказанная ретроспективно бывшим меньшевиком В.К.Иковым полупрезрительная характеристика среднего революционера-интеллигента: такой революционер «на 95% верующий и только на 5% знающий», ему «чужда и страшна смелость и самостоятельность мысли, он связан догмой и шаблоном»¹⁶. По существу же Валентинов уже до революции предвосхитил то представление о партии, к которому много позже, в 1952 году, пришли последние меньшевики-эмигранты в числе 14 социалистов разных направлений. А именно: не следует догматически требовать от каждого члена партии обязательного признания одной философско-исторической концепции, единая социалистическая партия, если она

¹⁴ Волобуев О.В. *Меньшевики в поисках новой партийной модели. Июнь 1907 – июль 1914 г.* // *Меньшевики и меньшевизм. Сборник статей.* М., 1998. С.25. О «ликвидаторстве» см. также: Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории.* М., 2002. С.239–257.

¹⁵ Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С.183.

¹⁶ Иков В.К. *Листопад* // *Вопросы истории.* 1995. №10. С.131, 134.

когда-нибудь будет создана, должна быть не «мировоззренческой», а «широкой, терпимой, гуманитарной и свободолюбивой»¹⁷. И вполне естественным было для Валентинова-журналиста просветительское предпочтение не просто легальных изданий нелегальным, но изданий, имевших возможно более широкую читательскую аудиторию.

В «РУССКОМ СЛОВЕ»

Впоследствии, как историка и мемуариста, его привлекали в новейшей российской истории более всего два периода, современником которых он был: годы, предшествовавшие

Первой мировой войне, и период НЭПа. К этим двум периодам Валентинов возвращался неоднократно, отмечая или подразумевая сходные черты того и другого, несмотря на совершенно различные политические условия до и после 1917 г.: прогрессивное социально-экономическое содержание, объективную преемственность решаемых задач модернизации общества, значительную роль научно-технической интеллигенции, незавершенность каждого периода, хотя и в силу разных причин, и, наконец, связанные с ними несбывшиеся надежды.

В первый из названных периодов важным моментом журналистской и идейной биографии Валентинова явилось участие с конца 1911 года, а с середины 1912-го руководящее участие в московской газете «Русское слово», самой распространенной в то время газете в России. До этого, в 1909–1911 годы, Валентинов сотрудничал в другой беспартийной, но «прогрессивной», то есть леволиберальной, газете «Киевская мысль»; в ней печатались в разное время «для заработка» и другие социал-демократы, среди них В.Д.Бонч-Бруевич, А.И.Свидерский и Л.Д.Троцкий¹⁸. В 1911 году издатель «Русского слова» И.Д.Сытин предложил Валентинову вернуться в Москву, чтобы взять на себя выполнение обязанностей главного редактора газеты (формально – помощника номинального редактора Ф.И.Благова, зятя и «приказчика» Сытина). Возможно, рекомендовал Валентинова бывший основатель и редактор «Киевской мысли» И.Р.Кугель, сам с Сытиным не сговорившийся. Валентинов же счел

¹⁷ На пути к единой социалистической партии // Социалистический вестник. 1952. №3. С.31–32. См. также: Ненароков А.П. Наследие российской социал-демократии // Россия XXI. 2007. №5.

¹⁸ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С.225–226.

предложение заманчивым и принял его, намереваясь превратить «Русское слово» в демократическое издание. Пользуясь своим положением, он, между прочим, оберегал газету «от нежелательных лиц»; трех видных сотрудников он уволил, считая, что их «дурно пахнувшие» статьи компрометируют газету. Привлек и новых сотрудников, среди них М.В.Бернацкого и Б.Б.Веселовского. По собственному ощущению, как редактор он «многого достиг»¹⁹.

Участие Валентинова в работе «Русского слова» оказалось более коротким, чем он предполагал, в конце 1913 года он ушел из газеты. Непосредственным поводом, побудившим Валентинова отказаться от работы в «Русском слове», явилась публикация «холопской», по его выражению, статьи ведущего автора газеты Власа Дорошевича в номере, выпущенном к 300-летию Дома Романовых. Между тем Дорошевич в глазах читателей был лицом газеты; статьи его не подлежали редактированию. Автор новейшей книги о «Русском слове» пишет о «сговоре» Дорошевича с Сытиным; получается, что Сытин чуть ли не сознательно провоцировал Валентинова, чтобы тот ушел из газеты. Такому предположению противоречит утверждение о тождестве их позиций²⁰. Это, разумеется, не так, тождества быть не могло и не было, но Сытин вовсе не стремился избавиться от Валентинова, который обеспечил значительный рост тиража газеты. Об этом говорит и тот факт, что Сытин платил ему 2 тыс. руб. в месяц, то есть 24 тыс. в год (для сравнения: губернаторы получали 6 тыс. руб. в год, о чем Валентинов, разумеется, знал); Дорошевич, правда, имел в год 40 тысяч.

Взгляды Валентинова в этот момент его идейной эволюции заслуживают более обстоятельного рассмотрения. Авторы книг о «Русском слове», уделяющие преимущественное внимание фигуре Сытина, не используют в полной мере то, что довольно подробно рассказал о газете, о своем приходе и уходе сам Валентинов. Он сообщал, в частности, о том, что намерение его преобразовать «Русское слово» поддержала Е.Д.Кускова и что, напротив, скептически отнесся к этому идеолог со-

¹⁹ Валентинов Н. *О русском мессианизме...* С. 258–262.

²⁰ Менделеев А.Г. *Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. М., 2001. С.23–25.* – Фактический материал и выводы этой книги в основном заимствованы в интересующей нас части (причем не без ошибок) из наиболее полного исследования деятельности Сытина: Рууд Ч. *Русский предприниматель и московский издатель Иван Сытин. М., 1993; 2-е изд. М., 1996.*

циал-демократического «ликвидаторства» А.Н.Потресов. Сытин, говорил он, «дальше половинчатого демократизма рисковать не захочет», «трансформация не получится», большего удалось бы добиться в «Киевской мысли»²¹.

Из воспоминаний Валентинова видно также, что вернуть его в «Русское слово» хотел М.Горький. Известно, что Горький предпринимал и до этого сходные по своей направленности начинания, например, в 1912 году, будучи еще за границей, он пытался превратить петербургский журнал «Современник» (в котором сотрудничала Кускова) во внепартийный социалистический орган на основе соглашения между старой редакцией и рекомендованными Горьким социал-демократами, в том числе Потресовым. Предполагалось и сотрудничество Валентинова. Деньги должен был дать тот же Сытин²². Все это свидетельствует о том, что Валентинов в своих отношениях с «Русским словом» не был одиночкой, его взгляды и намерения разделял в той или иной мере определенный круг социалистической интеллигенции в Петербурге и Москве.

Но, когда началась война, переговоры о возвращении Валентинова были прерваны: «Ненавидя войну, не веря, что Россия в ней может победить, убежденный, что нужно скорее *заклучить мир*, я абсолютно не был способен вести газету с теми шовинистическими и зоологическими ухватками, которых требует газетное обслуживание войны. Сытин, настойчиво звавший меня возвратиться в редакцию, этого понять не мог; Горький, разумеется, меня понял...»²³. Валентинов в числе немногих легальных литераторов не поддавался псевдопатриотической риторике. Естественно, с большевиками-пораженцами (к тому же в то время почти незаметными) ему тоже было не по пути. Такую же позицию неприятия захлестнувшего печать шовинизма занял тогда С.П.Мельгунов, в том числе в связи с публикациями, появившимися на страницах «Русского слова» – уже без Валентинова²⁴.

Антивоенная позиция Валентинова была тесно связана с другими сторонами его мировоззрения, проявившимися в период работы в «Русском слове». У Валентинова не находили сочувствия идеи, получившие

²¹ Валентинов Н. О русском мессианизме... С.261–262.

²² См.: Ю.О.Мартов и А.Н.Потресов. Письма... С.421–423, 436–437; Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С.170–171.

²³ Валентинов Н. Наследники Ленина. С.161–163.

²⁴ Емельянов Ю.Н. С.П.Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С.37–40.

распространение после революции 1905–1907 гг., в частности, дискредитация интеллигенции авторами сборника «Вехи», которые тем самым, как полагал Валентинов, смыкались с черносотенством. Отрицательно относился он также к агрессивнo-националистическим и мессианским веяниям в литературе и прессе. Эти тенденции Валентинов стремился из газеты устранить, исходя из убеждения, что «вегетарианского мессианизма, особенно у больших наций, нет в природе; он всегда с ножом».

Поэтому Валентинов «с удовольствием прочитал» и даже «подсунул» Благову опубликованную статью известного религиозного философа и либерала-центриста Е.Н.Трубецкого²⁵, несмотря на скептическое отношение к уверенности автора в том, что идея национальной исключительности – это уже «увядшие мотивы», «окончательно неприемлемые для современного уха», это противоречащая христианству «иллюзия, которая умерла и не воскреснет». Попытки Булгакова и Бердяева изобрести «ограниченный мессианизм» вызывали у Трубецкого «чувство неловкости, фальшивой ноты». В «Русском слове» проводниками «русской идеи» были В.Г.Михайловский (из внешнеполитических статей которого Валентинов «выколачивал ярый национализм»), редактор иллюстрированного приложения к газете журнала «Искры» М.М.Бойович, сторонник идеи «великой Сербии», предполагавшей вовлечение России в большую войну, и сам Благов²⁶.

Если этот компонент взглядов Валентинова был Сытину непонятен, то, несомненно, издатель ценил Валентинова как журналиста, пишущего на экономические темы. Привлекая его в «Русское слово», Сытин был, вероятно, осведомлен о нем как авторе работ по аграрному вопросу. Представляет в связи с этим интерес событие, о котором Валентинов, возможно, и не знал. Как вспоминал уже в советское время И.Р.Кугель (естественно, с осуждением), Сытин считал полезным для своего издательского дела наносить визиты синодальным и другим вельможам, он никогда не прекращал «обивать их пороги», чтобы расположить к себе²⁷. В том же 1911 году Сытин получил аудиенцию у председателя Совета министров П.А.Столыпина. В своих воспоминаниях Сытин описал состоявшуюся беседу (при публикации воспоминаний

²⁵ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская мысль. 1912. №3.

²⁶ Валентинов Н. О русском мессианизме... С.257–258, 263–264.

²⁷ Кугель И.Р. Сытин (воспоминания о прошлом русской печати) // Ленинград. 1940. №23–24. С.16.

в 1960 и в 1984 годах этот фрагмент был опущен; впервые опубликован в 1990 г.). Нет ли связи между двумя близкими по времени событиями – между встречей Сытина с премьером и приходом в газету Валентинова, которому уже в 1906 году, когда он еще «подползал» под партийную линию, пропагандируя аграрную программу РСДРП, столыпинский указ об аграрной реформе 9 ноября 1906 г. представлялся «вещью серьезной»?²⁸ Заметим кстати, что Ленин пришел к аналогичному выводу о возможности успеха новой аграрной политики позже, в марте 1908 г.²⁹

Инициатором встречи был Сытин, но в итоге доволен остался каждый из ее участников. Как вспоминал Сытин, Столыпин одобрил его план распространения в народе дешевых книг на сельскохозяйственные темы, но при этом заметил: «Кстати, в вашей газете нашу программу раскритиковали и довольно жестоко». Видимо, ответ Сытина удивил и обрадовал Столыпина: «Я, Ваше Превосходительство, в этом пункте не разделяю взглядов моей газеты. Я смотрю на отрубное хозяйство с величайшим удовлетворением. Я сам крестьянин и знаю, что нужно крестьянину». В ходе беседы Сытин еще раз подтвердил, что положительно относится к аграрной реформе, уничтожающей зависимость крестьянина от общины, что «если мужику, наконец, развяжут руки и [он] будет сам себе господин, то и обработка земли и все хозяйство пойдет по-другому». Он, Сытин, «был бы счастлив», если бы мог оказать Столыпину «посильное содействие»³⁰.

По мнению Ч.Рууда, который еще до опубликования фрагмента сытинских мемуаров о его встрече со Столыпиным познакомился с фрагментом в рукописи, встреча состоялась в середине 1911 г.³¹

Можно ли уточнить дату? Сытин пишет, что Столыпин «скоро» предпринял оказавшуюся роковой для него поездку в Киев. Кроме того, приехавший через неделю после встречи к Сытину в Москву помощник Столыпина П.П.Зубовский обратил внимание Сытина на приближающиеся юбилеи крестьянской реформы и войны 1812 года, а тот в ответ сообщил, что издательство разработало программу юбилейных изданий «в самом широком и даже грандиозном масштабе» с привлечением

²⁸ Валентинов Н. Два года с символистами. С.41–42.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17. С.29–32.

³⁰ Сытин И.Д. Встреча со Столыпиным // П.А.Столыпин глазами современников. М., 2008. С.161–163.

³¹ Рууд Ч. Указ. соч. С.148.

«пятидесяти профессоров»³² (имелись в виду многотомные издания «Великая реформа» и «Отечественная война и русское общество»). Официальные торжества по случаю первого юбилея были приурочены не к дате манифеста об освобождении крестьян – 19 февраля, но к открытию в августе в Киеве памятника Александру II в присутствии царской семьи и свиты. Из этих косвенных данных следует, что Столыпин беседовал с Сытиным, скорее всего, в июле или августе, то есть до появления в редакции газеты Валентинова. Сытин, конечно, не мог знать, что дни Столыпина-премьера в любом случае сочтены, но, вероятно, не сомневался в том, что аграрная политика правительства и все с ней связанное не претерпит изменений.

В конце 1911 – начале 1912 года, одновременно с приглашением Валентинова, Сытин вел переговоры о сотрудничестве с другими относительно левыми писателями и журналистами – с А.В.Амфитеатовым, П.Б.Струве, Л.Н.Андреевым, но до реального их сотрудничества дело не дошло. Причины этого, детально выясненные исследователями истории «Русского слова», для нас несущественны; существенно, что лишь в одном случае – с Валентиновым – просматриваются последствия беседы со Столыпиным, крайне важной для Сытина, озабоченного благополучием издательства и газеты. Сытину нужен был не просто опытный журналист, не просто «левый», близкий оппозиционному читателю, но журналист, способный уловить ритм происходившего в российской экономике.

ДОСТИЖЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Валентинов отвечал этому запросу, так как чрезвычайно высоко – и тогда и позже – оценивал результаты предвоенного хозяйственного и культурного развития страны. Основывался он при этом прежде всего на личных впечатлениях 1908–1914 гг., когда в качестве корреспондента «Киевской мысли» и «Русского слова» «изъездил добрую половину России». Благодаря этому, вспоминал Валентинов впоследствии, он узнал о переменах в стране не столько из книг и прессы, «сколько из того, что видел мой глаз и слышало мое ухо». Прежнее непосредственное знание России Валентиновым ограничивалось, кроме двух столиц, Киевом и Харьковом, теперь

³² Сытин И.Д. Указ. соч. С.164.

же он побывал во множестве провинциальных городов, посетил выставки, демонстрировавшие экономические достижения, в Одессе (1910) и в Екатеринославе (1911). Он видел, как ускоренно шла индустриализация, как в деревне «целыми пластами уходила земля из дворянских рук»³³ и внедрялась кооперация всех видов, как улучшалось городское и земское хозяйство и росла в народных массах жажда образования. Увиденное убеждало Валентинова в том, что «не на поверхности, не в сознании только передовых людей, а в самых глубоких, доселе плохо или совсем не затронутых недрах появлялись и укреплялись элементы европеизма», «вырастал новый быт, новый тип рабочего, новый тип крестьянина, новый тип интеллигенции. Сыграли свою роль и столыпинские законы, на которые «нельзя смотреть только как на сплошь реакционную политику»³⁴.

Легко понять, почему Валентинов с одобрением воспринял напечатанное в «Русском слове» уже после его ухода из газеты стихотворение А.Блока «Новая Америка» – поэтический отклик на индустриальное развитие Юга России. И это несмотря на отрицательное отношение к Блоку, сотрудничеству которого в газете в качестве автора заметок на социальные темы Валентинов, будучи редактором, воспротивился, отказываясь печатать даже присылаемые Блоком стихи. Впоследствии многие в эмиграции не могли простить Валентинову антипатию к Блоку, особенно определенно выраженную в книге «Два года с символистами»; объясняли эту антипатию тем, что политический публицист «взялся не за свое дело». Но Валентинов не скрывал, что предмет его внимания – только общественная позиция тех писателей, о которых он вспоминал в книге. Были и те, кто признал правомерность такого подхода, – И.А.Бунин, М.А.Алданов, Г.П.Струве.

Перемены в политической жизни страны Валентинов оценивал в те годы более скромно, чем перемены в экономической жизни: существует с 1906 года «пусть плохой, слабенький, но все-таки парламент», имеются, «хоть и поднадзорные», свободы³⁵. По-видимому, этой стороне дей-

³³ Это подтвердили историки: с января 1905 г. по январь 1915 г. площадь дворянских владений уменьшилась на 20% (Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. №1. С.85).

³⁴ См.: Валентинов Н. Два года с символистами. С.368–369; Он же. Наследники Ленина. С.188.

³⁵ Юрьевский Е. Мысли о Г.В.Плеханове // Социалистический вестник. 1957. №4. С.66.

ствительности он не придавал первостепенного значения и надеялся, что в процессе происходившей эволюционно «ускоренной европеизации» России дойдет дело и до трансформации самодержавия, также эволюционным путем. То обстоятельство, что этот процесс, не подкрепленный реформами политической и правовой системы, неизбежно порождает социальное напряжение, не казался ему угрожающим стабильности в обществе. Видимо, подобным образом рассуждали и другие легалисты («ликвидаторы»). Отчего они, однако, не становились сторонниками существующего режима, стремившимися будто бы создать «стольпинскую рабочую партию», какими изображал их Ленин.

Поэтому и публикации, отражавшие позитивные изменения в жизни страны, не могли сделать «Русское слово» в период редактирования газеты Валентиновым проправительственной газетой. Не ставил такой задачи и Сытин. Как выяснилось теперь, желание такое, правда, нереализованное, было в охранке, где, наблюдая за ростом популярности газеты, рассчитывали даже подкупить – прямо или косвенно – ее ведущих сотрудников и самого Сытина³⁶. Валентинов раньше многих, в том числе раньше своих товарищей-меньшевиков, пришел к выводу, что первая революция подошла к концу, но ему было ясно, что перечисленные достижения модернизации России явились «благоприятными последствиями» этой революции³⁷ (сегодня эта очевидная для него и действительно несомненная связь нередко замалчивается). К Валентинову можно отнести сказанное М.М.Карповичем, также сначала революционером (эсером), а впоследствии эмигрантом: «...Если от революции мы отошли, то без всякого "ренегатства", без проклятий по ее адресу, без переходов в стан врагов, без утраты нашего свободолюбия»³⁸. При Валентинове «Русское слово» использовало для критики правительства вмешательство церкви («черной рати Саблера» – обер-прокурора Синода) в избирательную кампанию по выборам в

³⁶ См.: Розенталь И. О царской охранке и «ведомственной» истории // *Россия XXI*. 2006. №6. С.168–169.

³⁷ Валентинов Н. Два года с символистами. С.328. См. об этом: Тютюкин С.В. Первая российская революция и ее роль в процессе модернизации страны // *Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н.Зырянова*. М., 2008. С.134–150.

³⁸ Цит. по: Гавлин М.Л. Карпович М.М. // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*. М., 1997. С.281.

IV Государственную думу и особенно процесс Бейлиса. То и другое широко освещалось в газете.

Но новую революцию Валентинов не считал неизбежной. Процесс борьбы двух начал, двух экономических и культурных формаций, двух «душ» в общественном сознании, который он наблюдал в поездках по России, означал, по его убеждению, что старое активно вытесняется, происходит «преображение страны новым духом».

Этот взгляд на предвоенный период и его достижения Валентинов продолжал отстаивать после падения монархии, в августе 1917 г., беседуя с приехавшим в Москву на Государственное совещание по приглашению А.Ф.Керенского Г.В.Плехановым. Валентинов и его жена приютили Плеханова на две недели у себя. Философские споры между ними были забыты, но по вопросу о достижениях предвоенных лет позиция Плеханова оказалась противоположной взгляду Валентинова. На родине Плеханов отсутствовал 37 лет, но ему оказалось достаточно увиденного в Москве и общих наблюдений за жизнью в стране в течение нескольких месяцев, прошедших после Февральской революции, чтобы констатировать, что «европеизма, увы, в России мало», что Валентинов преувеличивает степень изменений в экономике и культуре и «Россия еще Полуазия, а не Европа». Эта оценка соответствовала пониманию Плехановым своеобразия исторического развития России, выраженному в 1-м томе его «Истории русской общественной мысли» (на прощанье он подарил Валентинову все три тома этого своего труда)³⁹.

Валентинова Плеханов не переубедил. Можно, правда, предположить, что, будучи в 1917 году сторонником немедленного выхода России из войны, Валентинов сознавал, что и накануне войны не было оснований для самоуспокоенности. Тем не менее, вернувшись к той же теме почти столетия спустя, в 1960–1961 годы, в связи с опросом последних меньшевиков организатором американского межуниверситетского научного проекта по истории меньшевизма Л.Хеймсоном, Валентинов подтвердил свои выводы начала века относительно того, возможна ли была в предвоенные годы новая революция. Он снова напомнил, что тогда он «исколесил громадную часть России, видел огромное экономическое оживление, знакомился с аграрной столыпин-

³⁹ См.: Юрьевский Е. Мысли о Г.В.Плеханове. С.66; Валентинов Н. Трагедия Плеханова // Новый журнал. 1948. Кн.20. С.288–289; Он же. Наследники Ленина. С.188–190, 194; Он же. *Quid est*. С.115. См. также: Розенталь И.С. Москва на перепутье... С.24–28.

ской программой (вероятно, с ее осуществлением. – *И.Р.*), говорил с крестьянами, встречался со множеством людей Питера и Москвы». Но «никакой революцией тогда не пахло», «нигде, буквально нигде, этой "новой" революции [он] не видел и не чувствовал»; «было политическое оживление, но это не означало "кануна"».

Кроме того, в связи с вопросами Хеймсона он просмотрел массу старых меньшевистских изданий и снова убедился в том, что и лидеры меньшевизма не считали тогда – в отличие от Ленина и части его сторонников, – что «Россия идет, так сказать, к новому 1905 году». Он вспомнил также, что не думали так А.Н.Потресов и Ф.А.Череванин, с которыми ему пришлось беседовать и на эту тему (по-видимому, летом 1912 г.). Л.О.Дан, корреспондент Валентинова, с ним согласилась: «Думается мне, что Ваши тогдашние впечатления правильно передают российскую картину... Если бы не война – революции [бы] избежали...»⁴⁰.

Валентинов, однако, ошибался, утверждая, что среди лидеров меньшевизма царило по этому поводу абсолютное единодушие. Ю.О.Мартов, например, писал тогда, что, по крайней мере, в ближайший период политический деятель в России, прежде всего социал-демократ, должен исходить как из возможности новой революции, так и из наличия сильной тенденции к взаимопроникновению между старым и новым (что Валентинову – но не Мартову! – казалось самым главным); при этом он признавал, что происходит ускоренным темпом разложение старых социально-экономических отношений, «воздействуя на физиономию социальных классов и их взаимоотношения». Что касается природы власти, то Мартов прямо соглашался в ее оценке с Лениным, эта власть, писал он, полемизируя с Н.А.Рожковым, в основе своей осталась той же, что была, то есть дворянской⁴¹.

Все увиденное в «это интересное время» Валентинов много раз хотел описать «в живых мемуарных очерках», «в самой свободной мемуарной трактовке и обработке», наподобие вышедших в 1953 году

⁴⁰ Из архива Л.О.Дан. С.162–163, 168–169. См. также: [Амиантов Ю.Н., Розенталь И.С.] Две конференции: причины, решения, результаты // Конференции РСДРП 1912 г. Документы и материалы. М., 2008. С.24–27. – Череванин, которого Валентинов встретил у Потресова, отбывал административную ссылку в Пскове вместе с другими меньшевиками и нелегально «скакнул», как пишет Валентинов, в Петербург «дня на 2».

⁴¹ Мартов Л. О том, как можно быть неправым на оба фронта // Наша заря. 1912. №5. С.36.

«Встреч с Лениным». Сделать это предлагал ему неоднократно историк, редактор нью-йоркского «Нового журнала» М.М.Карпович, сам интересовавшийся предвоенным периодом истории России и полагавший, что в исторической памяти и в литературе его заслонили события 1917 г. Осуществить этот замысел в полной мере не позволяла Валентинову постоянная нужда в заработке, а позже старость и болезни⁴²; сохранились лишь отдельные наброски этой большой работы.

КОРРЕКТИРОВКА КОНЦЕПЦИИ Было бы ошибкой усматривать в приверженности Валентинова первоначальной своей оценке предвоенного периода доказательство неспособности к более глубокому постижению прошлого России. Что это не так, говорят, между прочим, взаимоотношения Валентинова с эмигрантами-меньшевиками, их схождение и расхождение. С ними он снова сблизился после Второй мировой войны.

Раньше, чем предметно эти взаимоотношения рассмотреть, имеет смысл задержаться на содержании одного мемуарного свидетельства, относящегося как раз к послевоенному времени. Оно принадлежит писательнице и тоже эмигрантке Нине Берберовой, автору книги «Курсив мой». В данном случае не ставятся под сомнение высокие достоинства книги в целом, но о Валентинове Берберова отзывается небеспристрастно. Она пишет, что этот «автор интересных и ценных статей и знаток советской политики» – «в старости одинокий, озлобленный и мрачный человек ...ни с кем из прежних товарищей... в контакте не был и последние 15 лет прожил в полном одиночестве»⁴³. Что после смерти жены Валентинов был одинок, это верно. В остальном же нарисованный Бер-

⁴² Из архива Л.О.Дан. С.162–163; Валентинов Н. Два года с символистами. С.374. – В свете всего сказанного выше становится еще более очевидной нелепость домысла, согласно которому Валентинов был «наводчиком» в убийстве Столыпина, а «заказчиком» – Ленин. Дело даже не в том, что Валентинов давно не поддерживал никаких связей с Лениным и, вероятно, не знал, где Ленин находится, а во взглядах Валентинова, как, впрочем, и Ленина, который не придавал личности Столыпина особого значения (См.: Сидорович Г.П. П.А.Столыпин. Жизнь за отечество. М., 2002. С.488. Ср.: [Перегудова З.И., Ляшенко К.Г.]. Предисловие // Тайна убийства Столыпина. М., 2003. С.30–31).

⁴³ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.648.

беровой портрет, как и некоторые другие портреты ее современников, субъективен сверх приемлемой меры; на это уже обращали внимание комментаторы мемуаров. Больше всего, по-видимому, повлияла на «качество» портрета Валентинова его книга «Два года с символистами», Берберова оценила ее не только отрицательно (и не она одна в эмиграции), но и неточно.

Вчитываясь в текст «Курсива», следует сказать о теме, которой Валентинов печатно не касался. Берберова рассказывает, что одно время между ними были очень дружеские отношения, в конце 40-х годов они откровенно разговаривали «о настоящем и прошлом», и у нее осталось около 80 его писем из Парижа в США, куда она уехала в 1950 году. В качестве примера откровенности Валентинова она ссылается на его слова о русских масонах начала XX века, о том, что «в параличе» держала в 1917 году правительство Керенского, не желавшего, чтобы Россия вышла из войны, «масонская связь» и т.д. Причем сам Валентинов источником этих сведений называл бумаги Кусковой, оставившей «неопровержимые доказательства»⁴⁴. Но Валентинов с бумагами Кусковой не был знаком, она категорически отказывалась сообщать что-либо конкретное о русском предреволюционном масонстве, в том числе историкам С.П.Мельгунову и Б.И.Николаевскому (который все же сумел некоторых из масонов «разговорить» на определенных условиях)⁴⁵.

Приведенное свидетельство оказывается, вопреки намерениям Берберовой, не в ее пользу. Несмотря на то, что Валентинов не был масоном и не был связан клятвой молчания, он не считал возможным публиковать неподтвержденную информацию, уместную лишь в частной беседе, в то время как, увлеченная масонской темой, мемуаристка была в пользовании источниками неразборчива. Сенсационные ее заявления об особой роли масонских связей в событиях 1917 г. недостоверны, они противоречат другим источникам – таково мнение специалистов. Сам текст о Валентинове всецело подчинен в мемуарах масонской теме, и это делает его характеристику у Берберовой по меньшей мере неполной.

⁴⁴ Там же. С.363.

⁴⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. См. также: Розенталь И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX века // Вопросы истории. 2000. №2.

Срок 15 лет – это как раз после отъезда Берберовой в США, судила она, таким образом, о Валентинове в последние годы его жизни на расстоянии. Противоречит ее утверждениям и большой объем переписки Валентинова и с другими лицами за указанный период. Среди его корреспондентов этого времени меньшевики, но не только: С.Н.Прокопович (крайние даты переписки – 1939–1946 гг.), Д.Н.Шуб (1944–1957), Е.Д.Кускова (1944–1958), Г.Я.Аронсон (1945–1963), Р.Б.Гуль (1945–1963), Б.И.Николаевский (1946–1962), С.П.Мельгунов (1946–1955), Г.А.Алексинский (1947–1958), В.А.Маклаков (1948–1954), Д.Ю.Далин (1948–1962), М.М.Карпович (1948–1959), П.А.Берлин (1949–1955), М.В.Вишняк (1949–1964), Р.А.Абрамович (1950–1963), Л.О.Дан (1953–1963), М.А.Алданов (1954–1957) и др. Это также историки Р.Пайпс, Л.Шапиро, Л.Хеймсон, М.Раев, Б.Вольф, литературоведы Г.Струве и Ж.Нива.

Следует обратить внимание на немаловажный факт биографии Валентинова: переписываясь с меньшевиками и сотрудничая в «Социалистическом вестнике», он не вошел в «Заграничную делегацию РСДРП»⁴⁶. Впрочем, в 1951 году произошел самороспуск Заграничной делегации. Не являясь членом партии, Валентинов не подчинялся ни в 30-е годы, ни после войны запрету сотрудничать в непартийной печати, обрекавшему социал-демократов на самоизоляцию в эмигрантской среде⁴⁷. Его статьи печатались в таких изданиях, как «Русские записки», «На рубеже», «Русская мысль», «Последние новости», «Записки социал-демократа» (Потресова), «Современные записки», «Новая Россия» (Керенского), «Мосты», «Возрождение», «Новый журнал», «Новое русское слово» и др. Его мысль при всей злободневности тематики была обращена к будущему России.

Трагизм положения русской политической эмиграции состоял в том, что у нее не было молодой смены. Как верно на этот раз замечала Берберова, второго поколения не могло быть ни у одной партии, включая кадетов и эсеров⁴⁸. Вдобавок известно, что чем уже становился круг меньшевиков-эмигрантов, в том числе давно друг друга знавших и живших бок о бок, тем труднее складывались их отношения; теперь не

⁴⁶ В 20-е годы подобным же образом поступил А.Н.Потресов, когда приехал за границу, отпущенный из СССР по болезни; из меньшевистской партии (РСДРП) он вышел еще в Советской России, в 1918 году.

⁴⁷ Ненароков А. *Наследие российской социал-демократии*. С.126.

⁴⁸ Берберова Н. *Указ. соч.* С.673.

всегда просто разбираться в причинах случившихся между ними раз-молвок. Но здесь о них речи нет, тем более, что после войны Валентинов, всегда державшийся особняком, остался в Париже в числе немногих старых эмигрантов, другие перебрались в США. Заметим лишь, что, когда он умер, некролог в «Социалистическом вестнике» не появился, так как журнал в это как раз время прекратил существование, его неко-му было издавать, да и читать.

Об эпизоде, выразительно иллюстрирующем суть пусть не конкрет-ных разногласий, но различий между Валентиновым и меньшевиками, рассказал сам Валентинов в одном из писем к Лидии Дан (1960). Он вспомнил, как спросил однажды правого меньшевика, когда-то петер-бургского «ликвидатора» П.А.Гарви и его жену: «Если бы вам при-шлось жить еще раз, повторили бы вы вашу прежнюю жизнь?» На этот вопрос они твердо ответили: «Всю повторили бы!» Свою «неподвиж-ность» они, по словам Валентинова, выразили с силой, бросившей его в ужас. «Нужно ли мне говорить, как бесконечно далек я от этого взгля-да!» – восклицал он, комментируя их ответ. Гарви умер в 1944 году, следовательно, разговор этот имел место, скорее всего, перед войной, когда почти все видные меньшевики еще жили во Франции. Но много такой же «неподвижности» Валентинов находил у других старых мень-шевиков – у Шварца, Денике, Николаевского, «даже у такой умницы, как Абрамович»⁴⁹.

В отношении названных меньшевиков Валентинов был не вполне справедлив, взгляды этих социал-демократических деятелей эволюцио-нировали в направлении к демократическому социализму, и эта эволю-ция началась задолго до разговора Валентинова с Гарви. Оценки, какие они давали тенденциям мирового развития и существующему в СССР строю как строю тоталитарному совпадали с оценками Валентинова. Это и определило послевоенное сближение Валентинова с последними меньшевиками⁵⁰. К тому же вместе с ними он подписал в марте 1952 г.,

⁴⁹ Из архива Л.О.Дан. С.162. – Видимо, Л.О.Дан он считал в этом смысле исключением (См. о ней: Сапир Б. Л.О.Дан (биографический очерк) // Из архива Л.О.Дан. С.ХІХ–ХХVІІ; Казарова Н.А. Лидия Дан // Вопросы истории. 1998. №7; Жебрак С. Представительница российской социал-демократии Лидия Цедербаум (1878–1963) // Мировая социал-демо-кратия: теория, история и современность. М., 2006. С.364–371).

⁵⁰ См. подробнее: Ненароков А.П. Послеоктябрьский меньшевизм // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С.518–530.

за год до смерти Сталина, упомянутое уже выше обращение 14 меньшевиков и эсеров о путях создания в будущем единой социалистической партии, о том, что социализм – «это система взглядов, пропитанных моральным пафосом, пафосом свободы, человечности, гуманизма, братства...»; главным автором обращения был Р.А.Абрамович. Однако оппозиция тех, кого Валентинов критиковал за «неподвижность», в том числе покойного П.А.Гарви, к взглядам руководства (до 1940 г.) Заграничной делегации во главе с Ф.И.Даном, была все же *внутрипартийной*, тогда как Валентинов в Заграничную делегацию, то есть в партию, не входил.

Требовательность Валентинова можно понять; собственные его высказывания по историческим и злободневным вопросам были до конца жизни подвижны. Они не только отражали гибкость и постоянную работу мысли далеко уже не молодого Валентинова, но носили отпечаток определенных изменений в концептуальных подходах, особенно после Второй мировой войны.

Об этом Валентинов писал в 1954 году в авторском предисловии к книге «Два года с символистами». Он констатировал, что некоторые существенные его представления о России и мире трагически опровергла история. Тем самым он косвенно соглашался с Плехановым (впрочем, и с Лениным, прямо указывавшим на отсталость России как на причину победы большевиков). Картина, сотканная из живых впечатлений и запечатлевшаяся в памяти Валентинова, была адекватна реальности тех лет, когда он сотрудничал в «Киевской мысли» и «Русском слове», верность этой картины подтверждают статистические данные (правда, характеризующие главным образом предвоенный подъем в экономике⁵¹). Но и Плеханов не ошибся, усомнившись в 1917 году в масштабах и прочности достигнутого по части европеизации России за время его отсутствия. В начале века Валентинову, как и некоторым его современникам, казалось, что Россия вступила на путь эволюционного и «бесповоротного европеизма». Небольшевистский, то есть обновляемый, без элементов догматизма, марксизм представлялся ему тогда вариантом особенно нужной России европейской идеологии.

О том, что в России, так же как в некоторых странах Азии, интеллигенция восприняла вначале марксизм как идеологию прежде всего мо-

⁵¹ См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

дернизации, «европеизации», преодоления отсталости, писали и другие русские эмигранты, пишут и некоторые современные английские и американские историки⁵². Это верно, но лишь отчасти, Валентинов не прошел через «легальный марксизм», отношение его к революции, как мы видели, сложнее. Но оригинальна его идея «двух марксизмов». Наряду с ортодоксальным, социал-демократическим марксизмом, продолжал Валентинов, сложился и взял верх другой «марксизм», потенциал которого он и его современники до 1917 года не сознавали. Этот, по обозначению Валентинова, «марксизм №2», то есть большевизм, надолго превратившийся в государственную религию советского тоталитарного режима, «нес ненависть к Европе и убивал ее дух». По этой и по другим причинам бесспорные, но неравномерные достижения далеко еще не завершенной из-за войны и революции модернизации в России не стали необратимыми.

Вместе с тем Валентинов отмечал, что прежнее понимание европеизма как мировой культуры устарело, поскольку ни европейский Запад, ни США не могут больше претендовать на руководство всем миром и Востоком; вообще, писал Валентинов, нужно внести ясность в противоречиво употребляемые понятия цивилизации и культуры. Очевидно, в этом пункте корректировки Валентиновым прежних своих воззрений сказалось влияние процесса распада колониальных империй, начавшегося после Второй мировой войны; он вспоминал в связи с этим «предошущение» Лениным в конце жизни националистического движения народов Востока, которое интеллигенты, такие как он сам, тогда, в 20-е годы, «прозевали»; в Европе они видели «пуп земли»⁵³. Предугадать разнообразное будущее бывших колоний и их роль в мире он, однако, не мог, впрочем, так же, как и его современники, как и Ленин с его упованиями на тот или иной вариант мировой революции.

Рассуждения Валентинова могут показаться устаревшими. В наше время предлагают отказаться не только от европоцентризма, но вообще от применения в исторических исследованиях антиномии «Россия –

⁵² См., например: Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С.107–108. См. также: Макаров Н.В. Генезис российской социал-демократии в работах англо-американских историков // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. С.35–37.

⁵³ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С.85–86.

Запад», от сравнительного дискурса, поскольку уже имеется печальный опыт перевода российской действительности на язык Карла Маркса⁵⁴. Так далеко Валентинов не заходил – уже потому, что не считал (хотя «ревизионизм» его продолжал углубляться), что большевики следовали в 1917 году Марксу. Но и с учетом всего того, что произошло в мире во второй половине XX в., после Валентинова, предлагаемое взамен историко-антропологическое осмысление истории России, особенно кризисных ее этапов, или переход к иной стратегии ее познания не исключают, как нам представляется, возможность применения сравнительного дискурса, коль скоро признается объективно «догоняющий» характер российской модернизации.

Скорректировать, считал Валентинов, нужно и прежнее противопоставление коллективизма индивидуализму; естественная после революции 1905–1907 гг. критика индивидуализма с тогдашними «безобразными наслоениями» неуместна, когда в СССР десятилетиями уничтожаются «все проблески личности» (вероятно, имелись в виду и культура «соцреализма», и коллективизация, и многое другое). Освободился Валентинов и от былой упрощенной веры в магическую роль социализации хозяйства, способной будто бы уничтожить социальное неравенство (хотя и раньше он был сторонником плюрализма форм собственности и противником сплошного огосударствления)⁵⁵.

Захват власти большевиками в 1917 году явился, по убеждению Валентинова, преступным актом; в этом он не был оригинален, такова была общая позиция эмиграции, независимо от оттенков. Отрицательно относился он и к политике, проводимой большевиками до 1921 года, в частности, потому, что в такой, «военно-коммунистической», России он не видел места интеллигенции и использованию ее потенциала. Но поворот РКП (б) от военного коммунизма к реалистической политике – НЭПу – знаменовал, по мнению его и его друзей того времени, «огромное» изменение взглядов Ленина. И некоторое время после смерти Ленина то, что впоследствии Сталин квалифицировал как «правый уклон», было «знаменем партии», о чем Валентинов подробно писал в книге «Доктрина правого коммунизма».

⁵⁴ Булдаков В.П. *Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*. М., 2007. С.15, 17, 23, 26.

⁵⁵ Валентинов Н. *Два года с символистами*. С.22–26.

НЭП И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В своих воспоминаниях о периоде НЭПа Валентинов свидетельствует, что он и близкие ему интеллигенты работали в советских учреждениях «добровольно, не из-под палки, с большим подъемом». Эти в основном экономисты, почти все бывшие меньшевики (В.Г.Громан, Л.Б.Кафенгауз, П.Н. и В.Н.Малянтовичи, Я.М.Букшпан, Э.Л.Смирнов (Гуревич) и др.) образовали неформальную «Лигу наблюдателей» (1923–1927). Демократическая интеллигенция, писал Валентинов, мечтала, конечно, не о такой власти, «но другой не было и не предвиделось». В отличие от эмиграции они не делали ставку на падение советской власти и кризисы в СССР. В то же время почти все они, не исключая Валентинова, были тогда неоправданно, «до слепоты», оптимистами. Они возлагали надежды на большевистских лидеров, объявленных в дальнейшем выразителями «правого уклона», надеялись даже на то, что контакты с интеллигенцией благотворно повлияют на психику коммунистов. Они полагали, что страна будет и дальше развиваться «в русле разумной эволюции», и это приведет к демократизации нового строя, к подъему благосостояния народа и построению «"дома", удобного для всех классов общества»⁵⁶.

Этот оптимизм, в чем-то сходный с предвоенными надеждами, был следствием недооценки силы сопротивления НЭПу в правящей партии, хотя факты такого сопротивления Валентинов и его друзья фиксировали и знали, что только «под хлыстом Ленина партия пошла на НЭП». В научной литературе нашего времени этот вывод стал общепризнанным: Ленин создал партию, предназначенную для захвата власти, такая партия психологически была не способна понять и принять НЭП. В сознании партийцев это было равнозначно отказу от коммунистической идеи⁵⁷.

В частности, члены «Лиги» недооценили реакцию в партии на последние появившиеся в печати работы Ленина. Пятаков сообщил Ва-

⁵⁶ Валентинов Н. *Новая экономическая политика и кризис партии...* С.55–56. См. анализ взглядов членов «Лиги» (на основе главным образом книги Валентинова): Телицын В.Л. *Судьбы русской революции в оценках «Лиги наблюдателей» // Меньшевики и меньшевизм.* С.109–126.

⁵⁷ См., например: [Вилкова В.П.]. *От составителя // РКП (б): Внутрпартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. М., 2004.* С.8.

лентинову, что многие большевики, в том числе члены Политбюро, сочли их «очень неудачными», вследствие болезни Ленина, за исключением лишь статьи «О нашей революции». По мнению Пятакова, «весь Ленин» был в «этом растаптывании так называемых "объективных предпосылок", в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле, решающему и всеопределяющему фактору». Никакого другого Ленина, считал Пятаков, нет⁵⁸.

Валентинов думал несколько иначе и тогда, в 20-е годы, и позже, когда он стал скрупулезным исследователем биографии Ленина. Оставаясь идейным противником Ленина, он признавал, что это «гигантская историческая фигура». Его не удовлетворяли сочинения как апологетов Ленина в СССР, так и антиленинцев в эмиграции. Помимо совокупности установленных Валентиновым фактов и личных воспоминаний, его статьи и книги о Ленине содержат развернутую психологическую характеристику Ленина-политика. Он был, по Валентинову, гораздо сложнее, противоречивее, чем пишут его хулители и казенные хвалители. Он «не монолитен», у него «две души», одна из которых в тот или иной момент брала верх. Один Ленин – неистовый, не знающий «ни удержу, ни меры», впадающий «в раж», «страстный и пристрастный», отрицающий допустимость каких-либо компромиссов, идущий, ни с чем не считаясь, к поставленной цели; другой – «осторожный, практичный, взвешивающий», освободившийся к концу жизни от множества иллюзий, но по-прежнему верящий в свое предназначение «быть орудием свершения великих исторических целей».

Речь шла в первую очередь о НЭПе, который Валентинов считал «экспериментом огромного социального значения и исторической поучительности», не давшим, однако, «всего, что мог и должен был дать»⁵⁹. Вряд ли в 20-е годы Валентинов был знаком со сравнительными оценками патриархом меньшевизма П.Б.Аксельродом политических режимов в России и фашистских в Италии и Венгрии; между ними Аксельрод ставил знак равенства⁶⁰. Неизвестно, знал ли Валентинов о дискуссиях среди эмигрантов-экономистов, склонявшихся к выводу о бесперспективности НЭПа при сохраняющейся в идеологии правящей пар-

⁵⁸ Валентинов Н. Суть большевизма в изображении Ю.Пятакова // *Новый журнал*. 1958. Кн.52. С.148–149.

⁵⁹ Валентинов Н. *Недорисованный портрет...* С.140–143, 359–360.

⁶⁰ См.: *Ненароков А.П. Последняя эмиграция Павла Аксельрода*. М., 2001. С.112–115.

тии фетишизации государственной собственности⁶¹. Возможно, к экономическим работам эмигрантов у него и был доступ, но он все еще недооценивал роль государства как системообразующего фактора. Отсюда его и его друзей тогдашний «оптимизм».

ГЕНЕЗИС СТАЛИНИЗМА

Позже, наблюдая уже «издалека» за тем, что происходило в СССР, он изменил свои взгляды на соотношение экономики и политики. Поскольку с НЭПом было к тому вре-

мени покончено, это изменение видно в оценках постнэповского СССР. По сравнению с НЭПом сталинизм – это, по определению Валентинова, «тамерлановский социализм», безусловный регресс общества. В другом месте он подчеркивал, что «сталинизм враждебен гуманизму». Сталин, отмечал он, «подмял западнический марксизм» и воскресил «Московскую Русь 16 и 17 вв. с ее тягловым укладом»⁶².

Очевидно, что, прибегая к этим образам-сравнениям, Валентинов не отождествлял исторически различные феномены. Он стремился возможно более рельефно, иногда через привычную призму европейско-азиатского противопоставления, подчеркнуть, что неотъемлемым атрибутом созданной Сталиным системы явился возврат к средневековью. Террор, принудительный труд, примитивизация общественной и культурной жизни по всем направлениям – все это не позволяло, по убеждению Валентинова, говорить всерьез о социализме в СССР, этот строй, полагал он, не стал «домом, удобным для всех»⁶³.

К анализу причин крушения НЭПа и утверждения сталинского режима Валентинов подходил с разных сторон, «многофакторно», отказавшись от материалистического монизма. Так, он считал, что сталинизм вырос, помимо прочего, на базе воззрений Троцкого, Преображен-

⁶¹ См.: Телицын В.Л. Новая экономическая политика: сквозь призму российской эмиграции // Армагеддон. 2000. Кн.7. С.114–138.

⁶² Юрьевский Е. От Филофея в наши дни // Социалистический вестник. 1956. №1. С.23.

⁶³ Ср. с этой констатацией Валентинова высказывание правого кадета В.А.Маклакова. Последний еще в 20-х годах предугадал и такой вариант эволюции большевизма и советского строя: большевизм «изменит цели и задачи, из красного станет белым, будет насаждать не коммуны, а крепостничество, но останется большевизмом, т.е. откровенным якобинством» (Источник. 1996. №2. С.11–13).

ского, Пятакова. «Крайнюю вредность этого течения» отмечали уже члены «Лиги наблюдателей». Особенно это касалось теории «первоначального социалистического накопления» за счет эксплуатируемого государством крестьянства, причем в большей мере, чем при капитализме⁶⁴. О таком влиянии, по свидетельству Валентинова, В.Г.Громан говорил ему еще накануне XV съезда партии (1927): оппозиция во главе с Троцким «подзуживает» Сталина; несмотря на то, что Сталин «бьет Троцкого», одновременно он «троцкизм усваивает», «это гашиш для него», и, когда он «наглотается вдоволь» этой «гадости», «НЭП полетит к черту»⁶⁵ (именно такой словесный оборот позже употребил сам Сталин). Как писал впоследствии Валентинов, в отличие от него Громан «ясно видел, что власть идет к концу НЭПа, к какой-то форме военного коммунизма» и что в партийном руководстве реальную силу представляет Сталин.

В своем анализе происхождения сталинизма Валентинов счел необходимым обратиться к истории общественной мысли в России. Как раз в связи с выяснением причин утверждения советской тоталитарной модели он вспомнил свое сотрудничество в «Русском слове» и давнюю статью Евг. Трубецкого. Некоторые соображения Валентинова вызвали полемику в идейно близком ему окружении и в других эмигрантских группах. Возможно, Валентинов рассчитывал на дискуссию, публицистически заостряя свои формулировки. Как и другим эмигрантам, в том числе оппонентам Валентинова, ему приходилось прибегать к предположениям и догадкам, пользоваться иногда ненадежной информацией, особенно когда речь шла о наиболее закрытых 30-х годах. С другой стороны, версии, выдвинутые впервые Валентиновым, как и доводы тех, кто оспаривал эти версии, получили в дальнейшем развитие в исторической литературе.

Борьба в коммунистическом руководстве, итогом которой явился отказ от НЭПа, – это, доказывал Валентинов, не что иное, как продолжение многовековой борьбы двух течений в русском национальном сознании: европеизма и «византийского комплекса» идей и сопровождавших их чувств («филофейства», «русифицированного византизма»). Исход-

⁶⁴ Речь шла о взглядах Преображенского, о необходимой для индустриализации «дани» с крестьянства, это Валентинов и называл сталинскими «приемами Тамерлана», но в действительности Преображенский имел в виду экономические методы.

⁶⁵ Валентинов Н. Из прошлого // Социалистический вестник. 1961. №4. С.70.

ный момент в его анализе – идея «Москвы – третьего Рима», которой, по мнению некоторых современников, он придавал преувеличенное значение. В статье «От Филофея в наши дни»⁶⁶ он попытался проследить многовековую антиевропейскую и мессианскую националистическую традицию, без учета влияния которой нельзя, по его мнению, понять судьбу России в XX веке. «Отношение к Европе было и остается острым, болезненным, таинственным и противоречивым вопросом», констатировал он, иллюстрируя этот тезис высказываниями Гоголя, К.Аксакова, Хомякова, В.Одоевского, Тютчева, Достоевского, К.Леонтьева, Данилевского, Л.Толстого, обнаруживая в них «музыку Филофея».

Эта традиция, настаивал Валентинов, включала в себя проявления не только консервативной, но и революционной мысли. Они были и у Бакунина, и в народничестве, и во взглядах его основоположника Герцена, который стал после 1848 г. антизападником. Народничество с идеей скачка от феодализма к социализму, чтобы «избежать жалкой участи Европы», – это вариация все того же «наклона русской мысли», унаследованного большевиками, превратившими «Страшный суд в мировую революцию».

Валентинову возражали специалисты-историки Н.И.Ульянов и М.М.Карпович⁶⁷, первый – довольно резко, второй – в мягкой форме. Ульянов уличал Валентинова в незнании первоисточников. Он был прав, подчеркивая чисто церковную суть идеи третьего Рима, раскрывая ее южнославянское происхождение и напоминая, что она была практически неизвестна в России до середины XIX века, в том числе богословам, так что Филофей не мог повлиять своей идеологией ни на Герцена, ни на славянофилов. Однако Валентинов подчеркивал в ответ, что наличие или отсутствие у проповедников подобных взглядов ссылок на

⁶⁶ Юрьевский Е. *От Филофея в наши дни* // *Социалистический вестник*. 1956. №1. С.21–24; №4. С.72–75. См. также: Он же. *Два марксизма* // *Социалистический вестник*. 1955. №7–8. С.138–140.

Филофей – псковский монах, живший в конце XV – 1-й половине XVI в. и первый употребивший формулу «Москва – третий Рим» в послании Василию III.

⁶⁷ Ульянов Н. *Комплекс Филофея* // *Новый журнал*. 1956. Кн.45 (перепечатано: *Вопросы истории*. 1994. №4. С.150–162); Карпович М. *Русский империализм или коммунистическая агрессия?* // *Новый журнал*. 1957. Кн.51; Он же. *Комментарии. Еще о русском мессианизме* // *Новый журнал*. 1958. Кн.54; и др.

Филофея не имеет значения⁶⁸, ибо речь шла о традиции, а не о буквальном воспроизведении и передаче «комплекса» новым поколениям.

В свою очередь Карпович доказывал – также со знанием дела, – что внешняя политика России всегда была прагматичной, философские идеи, включая мессианские течения, никогда не были в дипломатической истории значительным фактором. Так, не воскрешала идеи третьего Рима, а руководствовалась исключительно соображениями реальной политики Екатерина II, когда предпочла «сражаться с революцией на берегах Вислы и Черного моря» (на самом деле не только там); союз Александра II с панславизмом – во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – «не отличался сердечностью и оказался кратковременным», а Николаю I панславизм вообще был чужд. Не случайно Тютчев и И.Аксаков находились «в перманентной оппозиции» (очевидно, лишь внешнеполитической), у них были связи, но не влияние. И применительно к советской внешней политике, к «революционному империализму», полагал Карпович, нельзя говорить о мессианских нотах, для этого нет данных, как и нет документальных данных о ее мотивах⁶⁹. Впоследствии, однако, эти данные появились, например, документ Ленина, в котором излагалась установка, сформулированная в связи с советско-польской войной 1920 г., на «прощупывание штыком» готовности той или иной страны к социалистической революции⁷⁰.

На первый взгляд, критики, при рассмотрении исторических сюжетов фактологически лучше оснащенные, имели бесспорное преимущество перед публицистом Валентиновым. Но, заключая свою статью, Ульянов совершенно безосновательно приписал Валентинову и заодно другим авторам «Социалистического вестника» русофобство, расизм (!) и «очернение» всей русской истории, вся она для них якобы «сплошной тоталитаризм». Самостоятельностью позиции Валентинова критик не интересовался, рассматривая весь круг «Социалистического вестника» как идеологически враждебную среду. По-видимому, он считал всех входивших в этот круг недалеко ушедшими от большевиков.

Что же было при этом противопоставлено концепции Валентинова? Выяснить генезис советского тоталитаризма критики предлагали лишь в пределах истории революционного движения. Они отказывались видеть

⁶⁸ Валентинов Н. *О русском мессианизме...* С.258.

⁶⁹ Карпович М. *Комментарии...* С.272, 274–275, 285.

⁷⁰ Ленин В.И. *Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С.370–395.*

какую-либо преемственную связь между политикой советских властителей и царей. Советский режим, так же, как его идеологию, они считали привнесенными в историю России извне. Карпович писал, что патристическая пропаганда в Советском Союзе начиная с предвоенных лет имела лишь инструментальный характер. В итоге отдать должное широте подхода Валентинова к проблеме происхождения сталинизма ни тот, ни другой из его оппонентов не сумели (или не захотели), понятие «большой истории», к которому приближался Валентинов, было – во всяком случае, Ульянову – чуждо.

ЛЕНИН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Дискуссию – на этот раз среди эмигрантов-социалистов – вызвали и работы Валентинова о соотношении идей Чернышевского, Ленина и Маркса, то есть в русле изучения

истории революционных идей, приемлемом для критиков справа. Российские истоки ленинизма Валентинов стал изучать в эмиграции одним из первых. Помимо анализа произведений Ленина и Чернышевского, он опирался на личные воспоминания и запись высказываний Ленина о Чернышевском в 1904 году, сделанную В.В.Воровским и сокращенно пересказанную Валентиновым.

По сравнению с прочими эмигрантами ему «повезло»: этот отрывок из «Встреч с Лениным» нашли возможным дважды опубликовать в СССР, фактически признав, таким образом, изложение Валентинова аутентичным⁷¹. Интерес к материалу, несмотря на его «белоэмигрантское» происхождение, определялся инерцией в советском обществоведении идеологических «проработок» конца сталинского правления, когда партийные идеологи ставили в пример представителям творческой интеллигенции Чернышевского и других «революционных демократов». В советской исторической науке тенденцию их превознесения и противопоставления народникам продолжала и позже, в 1960-х годах, группа ученых, объединившихся вокруг академика М.В.Нечкиной для изучения «первой революционной ситуации» (ленинская квалификация периода реформ Александра II).

⁷¹ *Обзор откликов в советских изданиях на текст о Чернышевском, опубликованный Валентиновым, см.: Валентинов Н. Quid est. С.114–116.*

Тот факт, что с произведениями Чернышевского Ленин познакомился раньше, чем с трудами Маркса, дополненный теперь свидетельствами самого Ленина, который отзывался о Чернышевском в самой превосходной степени, Валентинов интерпретировал, конечно, не так, как в СССР. Он пришел к выводу, что книга Ленина «Что делать?» – прямое продолжение одноименного романа по сути пропагандируемых идей и прежде всего по трактовке роли активного меньшинства в историческом процессе. По мнению Валентинова, идеи Чернышевского глубоко пропитали душевную ткань Ленина, от Чернышевского он унаследовал очень многое, прежде всего главную идею – идею «скачка» в социалистический строй, а также ряд других мировоззренческих черт. В их числе антиисторизм, упрощенчество, завышенная оценка уровня развития российского общества, ненависть к либерализму и, следовательно, отрицание значения эволюции и плодотворности реформ. У Чернышевского Ленин воспринял общее представление о революции и особенно о том, как должен действовать революционер, следуя принципу «цель оправдывает средства». И еще одну общую «отвратительную черту», как писал Валентинов, он у них находил: Чернышевский еще студентом решил – так же, как впоследствии Ленин, – что ему суждено быть «орудием Бога для сотворения блага человечеству» (словарь Ленина был, конечно, иной).

Из всего этого Валентинов заключал: Ленин, как и Чернышевский, – «растение национальной почвы», и, чтобы понять такую историческую фигуру, как Ленин, «нужно менее всего думать о Марксе»⁷². Позже, с учетом последующей полемики, Валентинов назвал эту фразу «нарочито задирающей»⁷³, однако от своего вывода не отказался. В марксизм, писал он, Ленин внес столь «густые добавления», что марксизм-ленинизм – «это ведро, полное ленинизмом, на поверхности которого плавает лишь тонкая пленка марксизма»⁷⁴.

У социал-демократов, группировавшихся вокруг «Социалистического вестника», несмотря на то что участием Валентинова – «нашего постоянного сотрудника и друга» – они дорожили, столь категорично

⁷² Валентинов Н. Недорисованный портрет... С.535 (впервые напечатано: *Новый журнал*. 1951. №27).

⁷³ Валентинов Н. Еще раз о Ленине и его предках // *Социалистический вестник*. 1961. №4. С.95.

⁷⁴ Валентинов Н. О чем нужно напомнить // *Социалистический вестник*. 1959. №7. С.148.

выраженная мысль о немарксизме Ленина не нашла сочувствия. Ответил прежде всего Б.И. Николаевский, который не отверг выводы Валентинова целиком. Работы Валентинова Николаевский признавал «значительным вкладом в изучение идеологических корней большевизма», соглашался он и с тем, что Чернышевский первым «перепахал» Ленина (по ленинскому же выражению). Верно, писал Николаевский, что ленинизм – это своеобразный сплав марксизма с весьма существенными элементами концепций Чернышевского. В этот сплав, добавлял Николаевский, Ленин привнес «немало своего, личного, самобытного», это видно уже в ранней его книге «Что такое "друзья народа"...».

В то же время Николаевский выдвинул ряд возражений. Влияние, и даже огромное влияние, Чернышевского, писал он, все же не означает, что Ленин был его простым учеником или прямым продолжателем. Необоснованными назвал он и утверждения о влиянии Чернышевского на Маркса, ставшего якобы на народническую точку зрения. Заостренно-критический, отрицательный взгляд Валентинова на то, что проповедовал Чернышевский, представлялся Николаевскому неисторичным и потому несправедливым; он отмечал, что и в личном общении Чернышевский был терпимым в отличие от Ленина⁷⁵. Возражал и другой автор «Социалистического вестника» П.А. Берлин: горячая любовь Чернышевского к крестьянству не свойственна ни Ленину, ни Сталину.

Вообще не принял анализ Валентинова эсер М.В. Вишняк. Неонародники, сблизившись в эмиграции с социал-демократами, продолжали чтить Чернышевского как своего прародителя. «Ленинизм родился с войной и под влиянием войны, а не Чернышевского», – писал Вишняк, – Валентинов «унижает Чернышевского сближением его с Лениным», «он ставит Ленина даже выше Чернышевского...». Между тем никто не сомневался в том, что Первая мировая война явилась рубежом в развитии ленинизма. Но и Валентинов, и Николаевский понимали, что ленинизм (большевизм) стал складываться до этого. Главное же – возражения Вишняка, как всякая специальная «защита» исторического деятеля, были более эмоциональными, чем доказательными⁷⁶.

⁷⁵ Николаевский Б. *Маркс и Чернышевский* // *Социалистический вестник*. 1955. №10. С.196–198; №11. С.226; *Он же. Ленин между Марксом и Чернышевским* // *Социалистический вестник*. 1956. №12. С.244–245.

⁷⁶ Вишняк М. *Ленин и Чернышевский, ленинизм и народничество* // *Социалистический вестник*. 1959. №8–9. С. 66, 167.

СЛУЧАЙНОСТИ В ИСТОРИИ

Валентинов соглашался с М.А.Алдановым в том, что в истории велика роль случайностей⁷⁷. Вероятно, близка была ему и мысль Алданова, высказанная еще по поводу возникнове-

ния Первой мировой войны: «события 1914 года показали историческую роль личности, – в особенности личности скверной»⁷⁸. Сам Валентинов о «миллионах» случайностей не писал и выбирал для анализа в качестве таких «случайностей» достаточно крупные послеоктябрьские события: болезнь и смерть Ленина, действия Сталина в борьбе за власть.

«Ленин взлетел в Кремль на гребне массовой революционной волны», тогда как Сталин возвысился на путях мелкой придворной интриги⁷⁹, – заметил как-то Валентинов. Это, конечно, снова выразительный образ, но Валентинов им не ограничился. Он обратил внимание на один из существенных факторов, обеспечивших успех «интриги», таким фактором он считал психологическую природу большевизма, специфическое отношение большевиков к партии «нового типа», как назвал ее впервые Ленин в 1917 году, в момент окончательного разрыва с меньшевиками. Оно проявилось, между прочим, в капитуляции оппозиционеров перед Сталиным, в их готовности, подобно иезуитам, признать белое черным (о чем в 1928 году говорил Валентинову Пятаков) и в их чудовищных признаниях на инсценированных судебных процессах 1936–1938 годов⁸⁰.

Наконец, справедливо полагал Валентинов, не последними по значению, по своим последствиям были особенности облика самого Сталина. Об этом Валентинов не считал возможным детально высказываться в печати, чтобы не назвать своих информаторов. Тема эта затрагивалась им после смерти Сталина (но до XX съезда КПСС) в переписке с Николаевским. Размышления его в чем-то перекликаются с более ранними

⁷⁷ «Миллион случайностей» образует независимые друг от друга «цепи причинности» – так формулировал Алданов главное положение своей «философии случая», лежавшей в основе его исторических романов и публицистики.

⁷⁸ См.: Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953; Он же. Самоубийство. Армагеддон. Исторические портреты и очерки. М., 1995. С.484.

⁷⁹ Валентинов Н. Наследники Ленина. С.204.

⁸⁰ См.: Валентинов Н. Суть большевизма в изображении Ю.Пятакова. С.148, 153, 158–159.

размышлениями И.Г.Церетели – тоже в переписке и тоже с Николаевским. В письмах, написанных в начале 30-х годов, Церетели, естественно, сравнительно больше уделил внимания Ленину, но высказался и о Сталине. Он подчеркивал, что большевизм как особую политическую культуру (по его словам, «душу большевистских воззрений») отличает апелляция к «дурным чувствам», к зависти, к ненависти. Еще до «большого террора», по свежим следам победы Сталина над «правым уклоном», Церетели отметил, что «обращение ко всяким обходным путям в борьбе с противником, стремление уязвить его в лице его родных – это обычное проявление азиатской, варварской психологии», что «Сталин – это азиат еще в гораздо большей степени, чем был азиатом Ленин»⁸¹.

Видимо, Валентинов после «большого террора» считал такое объяснение недостаточным и слишком мягким. Он отстаивал версию об определяющей роли в действиях Сталина начиная с 1930-х годов психопатологии – паранойи, мании преследования и мании величия. Он предлагал «не вкладывать особый смысл туда, где было только безумие». Несогласие с этим Николаевского он приписывал тому, что его «марксизм... заедает»: «политика, экономика, а живого человека выбрасывают», «сумасшедший убивает тех, о которых подозревает, что они знают, что он сумасшедший». Проявлением безумия считал он и последнее экономическое сочинение Сталина, от идей которого («прямой продуктообмен» и т.п.) его наследники отмежевались в первую очередь, как только Сталин умер.

Николаевский признавал потерю Сталиным чувства реальности и допускал возможность его ненормальности лишь к концу жизни, в 1952–1953 годах. «Ежовщину» же 30-х годов он считал точно рассчитанным актом уничтожения Сталиным своих противников по заранее обдуманному плану, сознательной преступной политикой, злодейством, а не сумасшествием. Это была, полагал Николаевский, единственно возможная политика, чтобы диктатура могла удержаться. То, что эту политику не понимали, свидетельствовало о ее подготовленности. И истреблен был не только слой старых большевиков, но, отмечал он, миллионы людей⁸² (понятно, что статистикой сталинских репрессий

⁸¹ Ненароков А. Апелляция к разуму. Из заметок об И.Г.Церетели // *Россия XXI*. 2001. №2. С.186–188.

⁸² Валентинов Н. Наследники Ленина. С.215–216, 218–219, 223. См. также: Письма Б.И.Николаевского Б.К.Суварину // *Вопросы истории*. 1998. №7. С.114.

никто тогда не располагал, но сама мысль – террор несовместим с установлением индивидуальной виновности или невиновности, и жертвами его были в основном обычные граждане, беспартийные – была верной, и ее подтвердили в дальнейшем специальные исследования).

После XX съезда Николаевский писал Валентинову, что объявить Сталина ненормальным хочет Хрущев, ему «выгоднее все свалить на сумасшествие одного человека, чем признать свое соучастие в преступных деяниях банды». Прогноз оказался неверным, Хрущев нашел другие средства обелить себя, избавившись от соперников, но основные выводы Николаевского подтвердили последующие исследования историков. Некоторое сочувствие Валентинов нашел у Лидии Дан, которой пожаловался в июле 1956 г.: «Никто не понимает, что Сталин – сумасшедший»; она ответила: верит, что Сталин был параноиком, но важна связь этого явления с системой⁸³. За Валентиновым остался приоритет постановки самого вопроса о влиянии психического состояния диктатора на его политику. Научное рассмотрение вопроса (сопоставление медицинских диагнозов и данных вскрытия с анализом «параноидной логики» вождя) стало возможно десятилетия спустя⁸⁴.

Ошибку Валентинова в ситуации политической неопределенности в СССР сразу после смерти Сталина можно понять, и, разумеется, дело не в разном отношении споривших к Сталину и его режиму – оно было у них одинаково отрицательным. О добросовестности того и другого говорит еще один факт, ныне достаточно известный, также из их переписки. Оба корреспондента сошлись в признании фальшивкой опубликованного в американской печати в 1956 году сенсационного «докумен-

⁸³ Из архива Л.О.Дан. С.150. – В начале 1913 года Л.Дан помогала социал-демократической фракции IV Государственной думы, и тогда, по ее словам, она часто видела во фракционной квартире «товарища Василия» – Сталина (он был в то время представителем большевистского ЦК при фракции и в редакции «Правды»); меньшевики его называли «Иоська Корявый». В связи с появившимися тогда подозрениями в отношении депутата-большевика Р.В.Малиновского, проникшими в меньшевистскую печать, Сталин требовал от нее «прекратить травлю». Вспомнила и о том, как в 1915 году получила от Б.И.Николаевского письмо: ссыльный Джугашвили нуждается, хорошо бы послать ему посылку. Но, вспоминая об этом давнем времени, она, конечно, ни о каких психических отклонениях Сталина не упоминала (Там же. С.101–102).

⁸⁴ См.: Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г. СПб., 2003. С.218–220; Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб., 2006. С.29–31.

та», из которого якобы следовало, что Сталин был агентом охраны. Источниковедческий анализ «документа» в США и в России полностью подтвердил заключение Николаевского и Валентинова. Оба отнесли к этому неумело изготовленному еще до войны изделию так, как положено историкам, – в отличие от историков мнимых или профессионально беспомощных, снова и снова пытавшихся и после этого, не считаясь с тем, что фальшивка уже разоблачена, всучить читателям мифологическую версию, исходя из априорной схемы: служба в охране будто бы предопределила всю последующую сталинскую биографию⁸⁵.

Среди свидетельств, широко используемых отечественными и зарубежными «горьковедками», одно из самых ценных – очерк Валентинова «Встречи с Горьким» (1947). Это, как всегда у Валентинова, не просто мемуарный рассказ о встречах со знаковой фигурой эпохи, но и оригинальный анализ взглядов Горького и их эволюции, в которой до сих пор усматривают немало загадочного или же используют ее для ставшего модным после крушения коммунистической системы обличения «пролетарского» писателя.

Характеризуя Горького, Валентинов особо выделил такие присущие ему черты, как просветительство, европеизм, поэтизация труда, о которых написал подробно и ярко; всем этим Горький был Валентинову, несомненно, близок. Но Валентинов отметил также свойственную взглядам Горького устойчивую крестьянофобию, которой объяснялась, по его мнению, фактическая поддержка Горьким проведенной Сталиным насильственной коллективизации. Опровергая «утрированно марксистские аргументы» Горького (правда, не избежав противоположной крайности), Валентинов утверждал, что во время революции зверскую жестокость обнаружил «совсем не мужик, а именно революционный город»; это и нашло свое продолжение в том, как проводилась коллективизация. Вместе с тем Валентинов был прав, когда утверждал, что, приспособившись по возвращении в СССР к обстановке, созданной Сталиным, Горький «принуждался ампутировать, скрывать, извращать целые части своего мировоззрения»⁸⁶.

⁸⁵ Валентинов Н. *Наследники Ленина*. С.221. См. также: Розенталь И. *Исторический источник и «виртуальная реальность»* // *Россия XXI*. 1998. №9–10. С.82–111; *Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917)*. М., 2000. С.242–274.

⁸⁶ Валентинов Н. *Наследники Ленина*. С.169, 172–173.

Не ограничиваясь общими проблемами «горьковедения», Валентинов сумел взглянуть источниковедчески на мемуары Горького о Ленине – источник, который в Советском Союзе на протяжении десятков лет прославляли, «проходили» в школах и вузах, а содержащиеся там ленинские высказывания приравнивали к текстам, написанным Лениным собственноручно. Валентинов сравнил варианты мемуаров; этим, впрочем, занимались и советские литературоведы, чтобы отдать предпочтение последнему варианту 1930 г. как самому якобы достоверному и совершенному художественно и идейно⁸⁷. Но Валентинов пришел к выводу, важному для оценки всех вариантов. Это наблюдение-вывод на основе личного знакомства как с Лениным, так и с Горьким, принимающий во внимание природу Горького-художника: «Горький был не способен точно передавать чужие слова. Он так по-своему их стилизовал, что они приобретали или другой смысл, или чуждый им оттенок. В передаче Горького иные фразы Ленина столь искусственны, вычурны, неправдоподобны, что всем, знавшим Ленина, ясно, что это не Ленин; так он никогда не говорил, это не было его манерой говорить, и в его лексиконе никогда не было таких слов и особенно пышных слов»⁸⁸.

...Что могла и что не могла русская эмиграция? Как теперь хорошо известно, она была многоцветной, причем не только политически, и заключала в себе широкий спектр оттенков позиций и моделей поведения по отношению к СССР. Далеко не полный обзор написанного Валентиновым в последние десятилетия его жизни позволяет говорить о нем как о внимательном и равнодушном наблюдателе, объективном историке, оригинальном мыслителе. Он выбирал для анализа трудные вопросы, поднимать которые в Советском Союзе было тогда невозможно, и его выводы – выводы первопроходца – не утратили не только историографического значения, но остаются в определенной части актуальными спустя полвека.

⁸⁷ См., например: Бялик Б. *Властители дум и чувств. В.И. Ленин и М.Горький*. М., 1970.

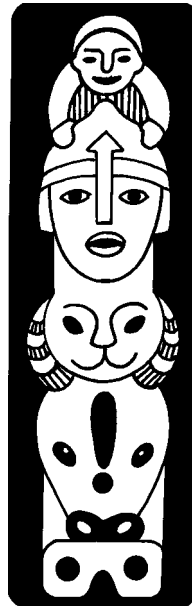
⁸⁸ Валентинов Н. *Еще раз о Ленине и его предках*. С.93.

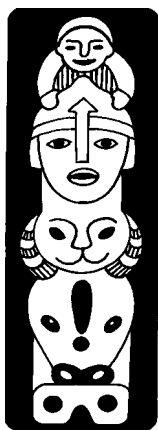
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

О, будьте снисходительны в суждении об исполнителях подобных предприятий и оценивайте их достоинство не тем мерилom, с каким вы подходите к другу, опекуну или компаньону. Для разыгрывания великой национальной драмы требуется нередко исполнение таких ролей, которые, правда, честный человек поостерегся бы играть, и если не для утверждения закона, то для его подготовки часто требуются

люди, которых спустя пятьдесят лет
повесили бы в силу этого же
закона. Ведь так всегда и было:
история изображает нам лишь
здания, а грязные строительные
леса она убирает.

Георг Кристоф Лихтенберг

Дмитрий Бондаренко

**УКРАИНСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА
КАК ОБЪЕКТ МИФОВ
В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

Attempts undertaken by researchers of Ukraine and Russia to eliminate the gap that emerged between historiography schools of Russia and Ukraine after disintegration of the Soviet statehood not just failed. On the contrary, the gap is getting to increase. The principal reason for that is hidden in the Ukrainian historiography basic 'paradigm' aimed at ever increasing ideological and mythological components of the Ukrainian history as well as at forgery of the most contradictory facts. Emergence, political nature, and activities of the Central Rada as a political institution from the contemporary Ukrainian statehood takes its ideal origin is one of the most mythologized moments of the 20th century Ukraine history moments. Myths about the Central Rada invented by Ukrainian historians have not a historical but obviously political character and are targeted to forgery of the common historical past, unsubstantiated accusations of the Russian government, and victimization of the Ukrainian party. Such myth invention is easily disclosed by virtue of genuine scientific and objective approach to study of history. Unfortunately, however, until creation of myths, not scientific examination of historical facts will dominate in the Ukrainian historiography the dialogue between historians of Russia and Ukraine will be exceptionally hampered.

Национальная история – вещь особенная и хрупкая, и задача историков «отделить зерна от плевел», то есть стараться максимально объективно изложить прошлое своей страны, каким бы оно ни было, сказать правду, какой бы горькой она ни была.

В последние годы много говорится о необходимости восстановить связи между учеными России и Украины, утраченные в результате распада СССР, и о важности диалога национальных научных школ. К сожалению, диалог затруднен позицией украинской исторической школы, не принимающей чужую точку зрения и вместо объективного изложения фактов творящей мифы в рамках «национальной» парадигмы.

По нашему мнению, препятствие для диалога кроется в методологической основе украинских исследований.

Во-первых, это *презентизм*, основанный на искажении одних фактов и замалчивании других, с целью очернить сторону оппонента и, соответственно, представить свою сторону в более выгодном свете. Имеет место *виктимизация* своей стороны: представление ее как жертвы внешних сил, в том числе сил оппонента (в данном случае России). Особенно ярко это проявляется в недавних коллективных трудах Института истории Украины НАН Украины¹.

Так, в «Истории Украины»² замалчиваются факты, неприглядные для Центральной Рады. В том числе: Декларация Генерального Секретариата (29 сентября 1917 г.), содержащая призыв к демобилизации армии, курс на созыв самостоятельного Украинского Учредительного Собрания, расширение полномочий Генерального Секретариата и т.д., а также проведение в Киеве Съезда народов России, целью которого было объединение сепаратистских сил для расчленения России до созыва Всероссийского Учредительного Собрания. Умалчивание авторами этих фак-

¹ *История Украины: научно-популярные очерки / Под ред. В.А.Смолия. Рук. автор. кол. С.В.Кульчицкий. Авторы: В.Ф.Верстюк, А.И.Галенко, В.Н.Горобец, В.М.Даниленко, Я.Д.Исаевич, Г.В.Касьянов, А.Е.Лысенко, А.П.Моця, А.П.Реент, В.С.Степанов, А.А.Удод, Ю.И.Шаповал. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008; Політична історія України. XX століття. У 6 т. / Гол. ред. І.Ф.Курас. Ред. кол. Ю.І.Шаповал, Ю.А.Левенець, В.О.Котигоренко, С.В.Кульчицький, В.І.Кучер, О.М.Майборода, Л.П.Нагорна, В.Ф.Солдатенко, В.П.Троциньський. Т.2: Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) / Керівник тому В.Ф.Солдатенко. К.: Генеза, 2003.*

² *Издана украинским коллективом авторов в Москве на русском языке, специально для русского читателя.*

тов вызывает, по нашему мнению, некоторое непонимание у читателя: почему министр юстиции России поручил прокурору Киевской судебной палаты возбудить дело против Центральной Рады и в Киев по приказу Временного правительства были введены полки донских казаков?³ Другой пример. Авторы «забыли» об июльских событиях в Киеве: путче украинизированного полка им. Полуботка и участия в нем полка им. Богдана Хмельницкого. При этом расстрел полка им. Богдана Хмельницкого донскими казаками и кирасирами представлен как провокация русских консервативных сил⁴.

В указанном труде искажен ход переговоров между делегацией Центральной Рады и Временным правительством в мае 1917 года. Без ссылки на источники утверждается, что делегация Центральной Рады была настроена на конструктивный диалог и имела в своем портфеле проект Декларации Временного правительства об автономии Украины⁵. Правда, судя по воспоминаниям В. Винниченко, такого документа у делегации не было⁶. Никакого «проекта Декларации об автономии Украины» до сих пор не обнаружено ни в российских, ни в украинских архивах; нет упоминания о нем и в воспоминаниях лидеров украинского движения. Как следствие – отсутствие «проекта» в опубликованных сборниках документов⁷.

³ *История Украины, 2008. С.462–466.*

⁴ *Там же. С.457–461.* – При этом потери явно преувеличены; например, говорится о более чем 20 убитых украинских солдат (Там же. С.460–461). В действительности, по нашим данным, было убито не более 16 человек. Потери со стороны кирасир таковы: 1 унтер-офицер и трое рядовых убито, 10–15 ранено. Всего же потери обеих сторон, по первоначальным оценкам, составили 12 убитых и 29 раненых. Затем данные изменились: со стороны украинцев – 16 убито и 30 ранено. По заявлению подполковника Ю.Е.Капкана (командира полка им. Б.Хмельницкого), кирасиры потеряли двух–трех человек, а «богдановцы» – 30 убитыми. Это было явной ложью, поскольку в Киеве на похоронах жертв инцидента несли 16 гробов (См.: *Киевская мысль. 1917. 27 июля, 28 июля, 29 июля*).

⁵ *История Украины, 2008. С.450; Верстюк В.Ф. Українська революція: Доба Центральної Ради // Український історичний журнал. 1995. №2. С.70.*

⁶ *Винниченко В. Відродження нації. В 3-х ч. Ч.1. Київ; Відень, 1920. С.159–167.*

⁷ *См., например: Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. В 2-х т. Т.1. К.: Наукова думка, 1996; Український національно-визвольний рух, березень – листопад 1917. К., 2003.*

Единственным документом, привезенным украинской делегацией в Петроград, была «Докладная записка», детальным образом рассмотренная экспертами и министрами Временного правительства⁸. Кроме того, в делегации Рады не было юристов, специалистов по государственному праву. Поэтому делегация не могла ответить на вопросы экспертов Юридического Совещания Временного правительства относительно географических границ автономии и раздела полномочий между автономией и центром⁹. Не дожидаясь ответа Временного правительства, украинцы вернулись в Киев, поскольку готовили провокацию против правительства в виде самочинного провозглашения автономии (I универсал Центральной Рады) на так называемом селянском съезде¹⁰.

Такая точка зрения оппонентам известна, но не принимается во внимание, т.к. не вписывается в парадигму, направленную на виктимизацию Центральной Рады и создание образа врага в лице правительства России. В данном случае неважно, какого правительства: царского, Временного или большевистского Совета народных комиссаров¹¹.

Более того, «мэтры» современной украинской историографии В.Ф.Верстюк и В.Ф.Солдатенко рассматривают работы своих российских коллег априорно как «великодержавные и шовинистические»¹².

Во-вторых, в украинской исторической науке господствует *примордиализм* и феномен, который Л.Альтюссер назвал *ретроспективной*

⁸ См. данный документ с пометами министров Временного правительства: Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф.1792. Оп.1. Д.37. Л.1.

⁹ См.: Винниченко В. Указ. соч. Ч.1. С.167. – Более детально см.: Бондаренко Д.Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной Рады. Одесса, 2004. С.68–74.

¹⁰ Подробнее см.: Бондаренко Д.Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной Рады... С.75–78, 80; Он же. Временное Правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия XXI. 1999. №5. С.140–171; Бондаренко Д.Я., Крестовская Н.Н. Переговоры Временного правительства и Украинской Центральной Рады // Отечественная история. 2002. №2. С.85–96.

¹¹ Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.39–40, 58, 65, 390–391, 394; История Украины, 2008. С.460–465, 475–479, 508, 519–520; Уряди України в ХХ ст. Науково-документальне видання / Гол. ред. кол. А.К.Кінах. Відп. ред. В.М.Литвин. Кер. авт. кол. С.В.Кульчицький. К.: Наукова думка, 2001. С.18, 20, 22, 57, 62, 71;

¹² Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.11

*телеологией*¹³. В частности, нынешние представления об «Украине» и «украинской нации» имплицитно переносятся на ее историческое прошлое. Например, современные украинские историки рассматривают Украину 1917 года не как подвижный, не до конца оформленный политико-географический конструкт, а как нечто неизменное, причем в сегодняшних границах. Более того, В.Ф.Солдатенко считает, что следует отказаться от сравнительно-исторического анализа революционных процессов в Украинской народной республике и Западно-Украинской народной республике, поскольку это противоречит единству украинской государственности¹⁴.

Концепция истории Украины как «борьбы украинского народа за независимость» оказывается сомнительной, если признать украинскую нацию конструктом, проектом группы интеллектуалов, реализованным при удачном стечении обстоятельств (победа большевиков, а не белых, сторонников «единой и неделимой»). Поэтому современные украинские историки вводят в научный оборот термин «Украинская национально-демократическая революция»¹⁵. Так делается попытка отделить революционный процесс на Украине от общероссийского, с гипертрофией «национальной составляющей» революции, подчеркивается односторонность и безальтернативность исторического процесса. То есть там, где имело место множество событий и альтернатив развития исторического процесса, видится лишь одно событие.

Исследователи-примордиалисты, сознательно или нет, адаптируют идеологию национализма и распространяют ее¹⁶, продуцируя определенные мифы «истории нации».

По существу, современная украинская историография не создала никакой новой парадигмы, а всего лишь продолжает отстаивать концепцию М.Грушевского¹⁷, повторяя мифы его и близких к нему по взглядам

¹³ См.: Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология*. М.: КДУ, 2005. С.54.

¹⁴ Там же. С.11–13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С.54.

¹⁷ Грушевский М.С. *Освобождение России и украинский вопрос*. СПб., 1907; Грушевський М.С. *Звичайна схема «руської історії» і справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства // Статті по славянознавству / Под. ред. В.И.Ламанского. Вып.1. СПб., 1904; Он же. *Хто такі українці і чого вони хочуть?* К., 1992.*

историков-эмигрантов. Вот уж поистине все новое – хорошо забытое старое.

Но вот что примечательно. Украинские историки советской поры, которые в свое время вели непримиримую борьбу с «украинским буржуазным национализмом», сейчас с тем же успехом отыскивают нового врага государства в лице «российского великодержавного шовинизма», с которым пытаются расправиться аналогичными методами.

Рассмотрим же более подробно некоторые мифы о Центральной Раде, созданные современной украинской исторической наукой, и попытаемся их опровергнуть.

Миф первый.

Центральная Рада – легитимный орган «украинской демократии» и своего рода «украинский парламент»

Как правило, парламентом считается законодательный орган власти, избранный на основе определенного закона. Появляются вопросы: была ли Центральная Рада избрана и если да, то на основе какого закона? Естественно, в период революции сложно говорить о законности в стране, и в связи с этим возникали различные квазипредставительские структуры: Исполнительные комитеты, Советы рабочих депутатов, сама Центральная Рада. Полномочия и принципы представительства в этих органах были весьма размыты, но именно эти органы претендовали на власть. Законными же органами в регионах были Городские и Губернские Думы, избранные на основе всеобщего избирательного права после Февральской революции.

Подчеркнем следующее. Временное правительство первого состава четко определило: любые квазипредставительские структуры, даже активно поддерживающие правительство, не могут получить правовой статус. Ведь существование их «законом не предусмотрено, компетенция их ничем не ограничена и сила постановлений основана не на законе, а на авторитете самих комитетов в глазах населения», возникли они «случайно и со случайным представительством от населения»¹⁸.

¹⁸ *Цит. по: Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С.44. См. также: Он же. Трансформация власти в России в 1917 г. // Отечественная история. 1997. №1. С.63–64.*

Что же касается Советов и Рады, то эти политические институты не только не имели законной основы для своей деятельности, но и состояли из политических аутсайдеров, проигравших выборы в местные органы власти и делавших ставку на внепарламентские методы борьбы, на взятие власти силой, подменяя принцип законности принципом «революционного правотворчества масс». О какой легитимности данных институтов может идти речь?

И.В.Михутина впервые в отечественной историографии поставила под сомнение легитимность Центральной Рады. 4 марта 1917 года в Киеве был создан Совет рабочих депутатов, куда наряду с эсерами, меньшевиками и Бундом вошла и Украинская социал-демократическая рабочая партия. Оказавшись в меньшинстве в Совете, активисты украинских социал-демократов выдвигают идею создания сугубо украинского органа – Центральной Рады¹⁹.

Официальными учредителями Рады были: Украинское научное общество; Украинское технико-экономическое общество; Украинское педагогическое общество; Национальный украинский союз; Украинские кооперативные и студенческие организации²⁰. М.С.Грушевский в мемуарах признавал, что указанные организации существовали лишь на бумаге и не имели реального общественного веса. Фактически это была подделка Д.В.Антоновича, для придания видимой значимости и представительности Раде и, в том числе, для заочного избрания М.С.Грушевского ее председателем. Д.В.Антонович «выискал аж 13 профессиональных и всяких других организаций Киева СД-ковской закваски до церковных хоров включительно... само существование их было более чем проблематично, а общественный характер – никакой»²¹.

В украинской исторической науке на данный счет доминирует мнение, что якобы легитимность Центральной Раде придал так называемый Украинский Национальный Конгресс (Киев, 6–8 апреля 1917 г.). Но представительство на этом съезде было случайным, полномочия делега-

¹⁹ Михутина И.В. *Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003 / Гл. ред. Б.Н.Флоря. М.: Наука, 2003. С.298.*

²⁰ Там же. С.299

²¹ Грушевський М. *Спомини // Киев. 1989. № 8. С.129.*

УКРАИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА КАК ОБЪЕКТ МИФОВ

тов даже не проверялись²². Кроме того, съезд носил моноэтнический характер. Фактически это была неудачная попытка ввести автономию Украины явочным порядком, что вызвало протест со стороны общественности Киева и военных. Согласно воспоминаниям общественных и политических деятелей Киева, среди делегатов съезда было немало откровенно уголовных элементов²³. Это дает нам возможность распространить тезис Р.Пайпса²⁴ о криминальном характере большевистской революции и на так называемую «украинскую революцию».

Сама же Центральная Рада не была легитимным органом по ряду причин:

– партийно-корпоративный принцип представительства (аналогия с Советами);

– этно-социальный характер (представлены социалистические партии и сторонники украинского национального возрождения). Представители класса крупных собственников и противники идеи автономии и украинизации были лишены возможности участия в Украинской Центральной Раде. Современник обратил внимание на то, что значительная часть крестьянства (главным образом Левобережья) и Хлеборобская партия не принимали участия в Раде²⁵;

– Рада сформирована как альтернатива Исполнительному комитету объединенных общественных организаций Киева (преобладание в комитете либеральных настроений не позволяло М.С.Грушевскому реализовать свои амбиции). Ю.Павленко и Ю.Храмов видят причину образования Центральной Рады в «обострении взаимоотношений между либерально-демократическими русскоязычными кругами и силами украинского национально-демократического лагеря», а также «доминированием представителей общероссийских центристских сил в ИК (Исполнительный комитет. – Д.Б.) Киева»²⁶.

²² Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С.189–190.

²³ Там же. С.190.

²⁴ Пайпс Р. Русская революция. В 2-х т. М., 1994.

²⁵ Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле 1914–1918 рр. // Український історичний журнал. 1992. №7–8. С.141.

²⁶ Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. К., 1995. С.46–47.

В Исполнительный комитет Киева вошли видные представители украинского движения: С.А.Ефремов, барон Ф.Р.Штейнгель, Н.В.Порш, секретарем назначен А.В.Никовский, впоследствии – главный редактор органа Центральной Рады газеты «Нова Рада». 9 марта съезд земств Киевской губернии избрал губернским комиссаром М.А.Суковкина, его помощником – Д.И.Дорошенко. Был учрежден новый печатный орган «Известия Киевского Исполнительного Комитета при Губернском Комиссаре Временного правительства» (на русском и украинском языках), и «Земская газета» (на украинском языке)²⁷.

Полагаем, что одним из факторов существования отдельного этнического органа, Центральной Рады, было уязвленное самолюбие М.С.Грушевского, не вошедшего в руководство Исполнительных комитетов, но бессменно председательствовавшего на всех съездах, инициируемых Радой, как «батька нации». Ревнивое отношение М.Грушевского к потенциальным соперникам даже внутри «украинства» стало причиной свертывания инициатив и всякой деятельности Украинской Национальной Рады в Петрограде, которая к маю 1917 г. фактически перестала существовать²⁸.

Миф второй.

Деятельность Центральной Рады не была направлена на распад России, поскольку Рада отстаивала «федералистские принципы»

Данное утверждение базируется на работах М.С.Грушевского, употреблявшего термин «широкая национально-территориальная автономия», законы которой имеют, однако, приоритет перед федеральными²⁹. Более того, в компетенцию автономии должны входить внешняя политика, армия, денежная система. Грушевский подчеркивал, что самостоятельность Украины должна быть такой же, как в английских доминионах³⁰. К этому можно было прийти, используя лозунг автоно-

²⁷ Михутина И.В. *Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады*. С.300.

²⁸ Там же. С.301.

²⁹ Термин М.С.Грушевского (См.: Грушевский М.С. *Освобождение России...* С.91; Грушевський М.С. *Хто такі українці...* С.123–124).

³⁰ Фактически Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз

мии, как «дымовую завесу» для «обрусевшей украинской интеллигенции»³¹. Независимое государство под видом автономии, – так расценил П.Н.Милюков стремления Рады и М.С.Грушевского³².

Именно по этой причине возникали сложности на переговорах между Временным правительством и Центральной Радой. По замечанию С.Брейяр, правительство четко отделяло сепаратизм от автономизма³³. В «Основах временного управления на Украине»³⁴ речь шла о независимом государстве под видом автономии и о Центральной Раде как украинском парламенте.

Документ состоял из 21 параграфа. §1 гласил: «Генеральный Секретариат – высший орган управления Украины, формируется Центральной Радой ...».

§4 определял компетенцию и состав Секретариата, в который входили 14 секретарей: внутренних дел, финансов, *военных дел, продовольствия*, земли, *юстиции*, образования, национальностей, торговли и промышленности, *почт и телеграфов*, труда, *дорог*, генерального контролера и генерального писаря. В списке курсивом выделены те секретариаты, компетенция которых явно выходила за пределы автономии, что доказывало стремление Рады к полному суверенитету.

§5 предусматривал реализацию власти Генерального Секретариата через государственные органы, находящиеся на Украине, §6 – строгое подчинение всех государственных органов на Украине Генеральному Секретариату, §7 – замену всех должностных лиц по распоряжению Секретариата (то есть строгую вертикаль власти вместо выборности народом), а §21 – самостоятельную выработку Генеральным Секретариатом внутренних инструкций. Здесь очевиден полный суверенитет Секретариата, никак не сочетающийся с понятием органа автономии.

Согласно §§2 и 3, 12, 14–16, 17³⁵ Центральная Рада явно присваивала себе полномочия парламента, хотя не была избрана народом, что лиш-

являлись независимыми государствами.

³¹ Грушевський М. Спомини // Киев. 1989. №8. С.141; №9. С.115.

³² Милюков П.Н. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С.336.

³³ Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып.1. М., 1995. С.109.

³⁴ Нова Рада. 1917. 18 липня. С.2–3. – Документ прийнят Малою Радою 16 июля 1917 года.

³⁵ О формировании и соответственно утверждении Секретариата Радой; об утверждении бюджета автономии; об ответственности Секретариата перед Центральной Радой; о

ний раз свидетельствует о боязни выборов и о желании утвердить свою власть правительственным актом.

Одним из наиболее радикальных параграфов «Основ» был 19-й: «все законы Временного правительства вступают в силу на Украине со дня публикации их в краевом правительственном вестнике на украинском языке». Именно этот пункт предполагает приоритет законов «автономии» перед «федеральными», что юридически несостоятельно в условиях федерации.

Приведем некоторые замечания членов правительства:

– И.Г.Церетели по вопросу о «Статуте»: «Товарищ Винниченко, что же это такое? – Ведь это статут союзного государства»³⁶;

– член Юридического Совещания барон Б.Э.Нольде: «Это не автономия, не федерация, а союз государств»³⁷.

В современной украинской историографии доминирует точка зрения о «федералистском курсе Рады», даже в период ее конфликта с большевиками. В.Ф.Солдатенко, например, в III Универсале усматривает как раз реализацию «федералистского курса» Рады³⁸.

Формально III Универсал не разрывал «федеративных связей» с Россией, но реально именно его следует считать актом провозглашения независимости Украины. Во-первых, делегация Украинской Народной Республики (УНР) самостоятельно вышла на переговоры со странами Германской коалиции в Брест-Литовске, что говорит о независимом внешнеполитическом курсе. Во-вторых, был начат выпуск собственных денежных знаков (карбованцев). В-третьих, были сформированы Совет Министров Украины и Генеральный Штаб Украины, а также назначены выборы в Украинское Учредительное Собрание на 17 декабря 1917 года.

Центральная Рада не могла опереться на свой народ в решении проблем независимости, именно поэтому она обратилась за помощью к странам Германской коалиции, с которыми Россия вела тяжелую и кровопролитную войну. Подобная политика получила название «мазепин-

выражении недоверия Генеральному Секретариату Радой и его отставке.

³⁶ Цит. по: Киевлянин. 1917. 8 августа. С.1.

³⁷ Цит. по: Винниченко В. Указ. соч. Ч.1. С.312.

³⁸ Солдатенко В.Ф. Третій Універсал Центральної Ради і плани федеративного переустрою Росії // Український історичний журнал. 2003. №4. С.6–7.

ство», то есть ставка не на собственные силы, а на поиск поддержки (в том числе военной) из-за рубежа; измена национальным интересам; авантюризм, направленный на сохранение своей власти в ущерб интересам народа. Именно коллаборационизм с германскими оккупантами окончательно лишил Раду поддержки даже малой части населения Украины.

Таким образом, мы подходим к следующему мифу.

Миф третий.

Центральная Рада на Брестских мирных переговорах заключила с Германией и Австро-Венгрией равноправный союз, гарантировавший независимость и территориальную целостность Украины

Российская историография убедительно показала, что Германия и Австро-Венгрия использовали «национальную карту» для давления на большевистское правительство. В случае несговорчивости Совнаркома, они были готовы подписать мир с «освободившимися народами и отдельными областями» России³⁹. Украинской Центральной Раде здесь отводилась ключевая роль⁴⁰. В качестве доказательства данного тезиса можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, заключение сепаратного соглашения Германии и ее союзников с делегацией УНР как раз в период перерыва переговоров с РСФСР⁴¹. Во-вторых, отказ Германии признать самостоятельность делегации УССР, несмотря на то, что большая часть территории Украины находилась под контролем именно украинского советского правительства⁴².

³⁹ Вернадский Г.В. *Русская история*. М.: Аграф, 1997. С.309–310; Михутина И. *Украинский Брестский мир*. М.: Европа, 2007. С.128; Чертищев А.В. *Политические партии России и массовое сознание действующей Русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.)*. М., 2006. С.610, 794.

⁴⁰ Михутина И. *Украинский Брестский мир*. С.128; Чертищев А.В. *Указ. соч.* С.610.

⁴¹ Федюшин О. *Украинская революция (1917–1918 гг.)*. М.: Центрполиграф, 2007. С.82; Шаццло В.К. *Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С.361–362. См. также: *Системная история международных отношений 1918–2000 / Под ред. А.Д.Богатурова*. В 4-х т. Т.1: *События 1918–1945*. М.: Московский рабочий, 2000. С.43.

⁴² В германской историографии также принята точка зрения, согласно которой Центральная Рада не обладала никакой властью, а переговоры с ней являлись лишь формаль-

Однако для признания самостоятельности украинской делегации и заключения с ней мирного соглашения было необходимо формальное провозглашение независимости Украины. Таким документом послужил IV Универсал Центральной Рады (22 января 1918 г.), принятый Малой Радой (т.е. президиумом Центральной Рады, а не всем ее составом) и обращенный фактически не к населению края, а к международному сообществу, прежде всего к германскому руководству. В ситуации поражения от большевиков Раду уже не заботило общественное мнение внутри государства, главное было сохранить власть даже ценой коллаборационизма с противником.

Данный документ дал Германии формальный повод для заключения сепаратного соглашения с УНР, как с новым независимым государством, и оккупации Украины под видом оказания военной помощи против большевиков. При этом германское руководство даже формально не поинтересовалось, контролирует ли Центральная Рада хоть какую-то территорию Украины?

Деятели Рады пытались найти опору у Четверного союза. Направляясь в Брест-Литовск, они надеялись, что германская армия поможет им утвердиться у власти. Рада, в свою очередь, была готова предоставить Центральным державам продовольственные запасы и полезные ископаемые края, так необходимые Германии для продолжения войны на Западном фронте.

22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.), еще до возобновления переговоров между Советской Россией и Четверным Союзом, делегация Центральной Рады прибыла в Брест-Литовск, где начались ее конфиденциальные консультации с представителями Германии и Австро-Венгрии. И уже 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) Четверной союз признал самостоятельность делегации Украинской народной республики (Центральной Рады).

Германия и Австро-Венгрия использовали перерыв для завершения переговоров с Радой. А 27 января (9 февраля) 1918 г. страны Четверного союза подписали сепаратный мир с УНР. Мирный договор сопровождался дополнительным соглашением (предусматривавшим размещение германских войск на Украине), которое в политических кругах Герма-

ностью для придания законности дальнейшей оккупации Украины (См.: Шаццло В.К. Указ. соч. С.362).

нии и Австро-Венгрии получило название «хлебного мира»⁴³. Обязательства правительства УНР по «хлебному договору» были невыполнимы. Так, при урожае хлеба в 15 млн. пудов в Германию и Австро-Венгрию необходимо было поставить 60 млн. пудов. Значит, собственную власть Рада сохраняла ценой выполнения договора, фактически обрекая свой народ на голод.

Миф четвертый.

**Украинизация армии не была направлена
на создание собственных вооруженных сил
и не подрывала боеспособность Российской армии**

Согласно точке зрения, высказанной в современной российской историографии, украинизация подрывала боеспособность Русской армии и являлась поводом для саботирования приказов и легальным способом дезертирства⁴⁴.

Украинизированные части, созданные не по распоряжению командования, а самочинно (войсковыми Радами и Центральной Радой), отличались невысоким боевым духом, моральным разложением и дезертирством⁴⁵. Вот как оценивал, например, украинизацию армии видный общественный и политический деятель России того периода В.В.Шульгин: «Одновременное формирование украинских полков в Австрии и в России под теми же самыми знаменами, под теми же самыми лозунгами, теми же самыми приемами, что это – глупость или измена?!»⁴⁶

При этом следует четко разделять украинизацию армии «снизу», проводимую Центральной Радой, и украинизацию армии «сверху»,

⁴³ Там же.

⁴⁴ Булдаков В.П. *Красная Смута: природа и последствия революционного насилия*. М., 1997. С.146–148; Он же. *Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории*. 2000. №1. С.37; Чертищев А.В. *Указ. соч.* С.369–370, 435, 449–451.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.1778. Оп.1. Д.102. Л.272; *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА)*. Ф.2067. Оп.1. Д.18. Л.36; Д.92. Л.392; Д.3799. Л.578, 608; Ф.2003; Оп.2. Д.335. Л.12; Оп.3. Д.1. Л.54; Ф.366. Оп.1. Д.60. Л.12–13; Оп.2. Д.233. Л.91, 93 об.; Д.233. Л.3, 116.

⁴⁶ *Киевлянин*. 1917. 29 июля. С.1.

проводимую Ставкой Верховного командования, в частности 34-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П.П.Скоропадского, где воинская дисциплина сохранялась до прихода к власти большевиков. Заметим, что Центральная Рада неоднократно настаивала на аресте П.П.Скоропадского, как участника «Корниловского мятежа»⁴⁷.

Политика Центральной Рады в отношении армии и флота действительно имела плачевные результаты. В том числе провал наступления Юго-Западного фронта летом 1917 г., когда, например, под Зборовым с врагом до последнего сражались только солдаты Чехословацкого корпуса, а украинцы не спешили защищать родную землю⁴⁸.

Осенью 1917 года в результате объявленной Центральной Радой и Генеральным Секретариатом демобилизации (в военное время!) дезертирство достигло колоссальных размеров⁴⁹. Наконец, зимой 1917–1918 годов не осталось ни одной части для защиты Центральной Рады от большевиков (они взяли столицу Украины практически без потерь). Войска большевиков, наступавшие на Киев, насчитывали 12–15 тыс. человек, а Центральная Рада гордилась тем, что ей присягнуло 1,2 млн. украинских военнослужащих⁵⁰. Так где же они были?

И еще. А.В.Чертищев отмечает сопротивление украинизации со стороны нижних чинов боеспособных частей армии⁵¹. Современные украинские историки, напротив, всю вину за разложение армии бесосновательно возлагают на большевиков, утверждая, что Рада была ориентирована на Антанту и выполнение союзнического долга⁵².

Теперь обратимся к вопросу о финансировании самой Рады.

⁴⁷ Скоропадський П. Спогади. К.; Філадельфія, 1995. С.64–73.

⁴⁸ За храбрость в боях с врагом под Зборовым премьер-министр А.Ф.Керенский лично наградил Чехословацкий корпус красным знаменем.

⁴⁹ Винниченко В. Указ. соч. Ч.II. Київ; Відень, 1920. С.56; Декларация Генерального Секретариата 29 сентября 1917 г. // Революция и национальный вопрос. В 3-х т. Т.3. М., 1930. С.189–195; Киевская мысль. 1917. 30 сентября. С.2; Народня воля. 1917. 30 вересня. (13 жовтня). С.2; Нова Рада. 1917. 30 вересня. С.1.

⁵⁰ См.: Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна грудень 1917 – березень 1918 р. К.; Львів, 1996.

⁵¹ Чертищев А.В. Указ. соч. С.369–370, 451, 508. – В подтверждение этой точки зрения см. документы (ГАРФ. Ф.1235. Оп.78. Д.59. Л.9; РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.18; Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.94 об.; Ф.2067. Оп.1. Д.3799. Л.608; Оп.3. Д.1. Л.54).

⁵² История Украины, 2008. С.473–474.

Миф пятый.

Основной источник финансирования деятельности Центральной Рады – «Национальный фонд», состоящий из добровольных пожертвований населения Украины

Украинский исследователь Р.Г.Симоненко предпринял попытку доказать, что деятельность Центральной Рады финансировалась американским правительством под видом помощи со стороны украинской диаспоры⁵³. В частности, как отметил Р.Г.Симоненко, после провала выступления Л.Г.Корнилова усилились центробежные тенденции на Украине. По замечанию американского посланника Крейна, «управление из Петрограда больше невозможно», что и позволило США оказать финансовую помощь Центральной Раде⁵⁴. Сумма, полученная Радой в начале осени 1917 года из США, официально определялась в 100 тысяч рублей⁵⁵. Вместе с тем, по данным М.С.Грушевского и П.Христюка, реально она составляла 200 тысяч рублей⁵⁶. Факт финансовой помощи Центральной Раде из США был отмечен в телеграмме Б.А.Бахметьева в Петроград⁵⁷.

Версия о существовании зарубежных источников финансирования Рады должна получить дальнейшее детальное изучение. Мы можем обратить внимание на Книгу приходов и расходов Центральной Рады, в которой не отмечены переводы «от американских украинцев» и «от военнопленных украинцев в германских лагерях». Кроме того, суммы прихода, указанные в данном документе, не превышают 3 тысяч рублей за весь 1917 год⁵⁸ и слишком малы для обеспечения деятельности Рады.

⁵³ Симоненко Р.Г. *Імперіалістична політика США щодо України в 1917–1918 рр.* К., 1957. С.82, 96–101.

⁵⁴ Там же. С.98–99. См. также: Stewart G. *The White Armies of Russia. A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention.* N.Y., 1933. P.48.

⁵⁵ Симоненко Р.Г. *Указ. соч.* С.99.

⁵⁶ Там же; Грушевський М. *Спомини* // Київ. 1989. №10. С.114; Кошленко О.Л. «Сто днів» Української Центральної Ради. К., 1992. С.88; Христюк П. *Замітки і матеріали до історії Української революції. Т.1. Відень, 1921.* С.123.

⁵⁷ Симоненко Р.Г. *Указ. соч.* С.101.

⁵⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф.1115. Оп.1. Д.48.

Естественно, в условиях революционного хаоса и противодействия Раде со стороны органов местного самоуправления, ни о каком Национальном Фонде речь идти не могла.

Таким образом, факт весьма щедрой германской финансовой помощи сепаратистским движениям в России в период Первой мировой войны можно считать доказанным⁵⁹. Германия отводила украинскому движению центральное место в «революционизации регионов России», с тем чтобы вывести последнюю из войны или заключить мир с «освобожденными областями» бывшей Российской империи⁶⁰.

Миф шестой.

Национализм Рады не был направлен против представителей других народностей

Мы убеждены: в действительности все было наоборот. Во-первых, идеология Центральной Рады содержала в себе элементы национал-социализма: «освобождение социальное может быть только одновременно с освобождением национальным». Рада неоднократно заявляла, что «украинский народ – народ трудящихся, которых эксплуатируют буржуазия и помещики, являющиеся представителями других национальностей: русских, поляков и евреев»⁶¹. Именно эти три народа были избраны «главными врагами» построения украинской государственности. Так, критикуя оппозиционные политические структуры, группирующиеся вокруг «Киевлянина» и «Киевской мысли», деятели Рады подчеркивали этническое происхождение их лидеров, особенно если они были представителями указанных выше этносов.

⁵⁹ Фельштинский Ю.Г. Как добывали деньги для революции // *Вопросы истории*. 1998. №9. С.50; Чертицев А.В. Указ. соч. С.514.

⁶⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч. С.309–310; Михутина И. Украинский Брестский мир. С.128; Чертицев А.В. Указ. соч. С.610, 794.

⁶¹ Докладная записка делегации Украинской Центральной Рады Коалиционному Министерству и Исполнительному Комитету Совета рабочих и солдатских депутатов // *Українська Центральна рада. Документи і матеріали*. Т.1. К., 1996. С.93–95; *Доповідна записка делегації Української Центральної Ради Коаліційному Міністерству та Виконавцому комітету Ради робітничих депутатів* // *Копиленко О.Л. «Сто днів» Центральної Ради*. К., 1992. С.160.

По сути, концепция «национально-персональной автономии»⁶², согласно которой все неукраинцы должны быть внесены в соответствующие национальные кадастры (лишь в этом случае они могли получить квоты для участия в управлении страной и местном самоуправлении), была не чем иным, как провозглашением этнической сегрегации населения.

Нельзя обойти стороной вопрос о *малороссах*. Дело в том, что большинство населения Украины в начале XX века не обладало общим национальным самосознанием, идентифицируя себя малороссами в России и русинами в Австро-Венгрии⁶³.

Осознавать себя украинцем было не столько национальным, сколько политическим выбором. М.С.Грушевский немало усилий приложил для пропаганды «украинства». Но он все же в 1917 году, по замечанию И.А.Линниченко, не доказал малороссам и русинам, что им необходимо считать себя украинцами⁶⁴. Конфликт малоросс – украинец проходил через семьи и раскалывал общество. Это был предвестник братоубийственной Гражданской войны в Украине. М.Грушевский, безусловно, считал себя украинцем, а его племянник С.Грушевский, напротив, – малороссом; В.Шульгин был убежденным малороссом и лидером русских националистов Киева, но его племянник А.Шульгин – украинцем и членом Генерального Секретариата. В самом Киеве, по данным переписи 11–17 сентября 1917 г., русскими себя назвали 50%, малороссами – 4%, и украинцами – 12%⁶⁵. Данный парадокс не встречался у других

⁶² Концепция «национально-персональной автономии» была разработана М.С.Грушевским и внесена в программу Украинской партии социалистов революционеров (См.: Українські політичні партії кінцею XIX – початок XX ст. Програми і довідкові матеріали К., 1993. С.119). В декабре 1917 года Украинская Центральная Рада приняла закон «о национально-персональной автономии» (См.: Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. Нариси політичної історії. К.: Либідь, 1993. С.263–264).

⁶³ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Дону: Феникс, 1999. С.228–229; Он же. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Андерсон Б., Бауер О., Хрох М. и др. М.: Прогресс, 2002. С.337; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н.Самуйлова. Смоленск: Русич, 2000. С.41, 392–393.

⁶⁴ Линниченко И.А. Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо М.Грушевскому. Пгд.; Одесса, 1917. С.28.

⁶⁵ См.: Грушевский С.Г. Национальный состав населения Киева // Малая Русь. 1918. Вып.3.

народов империи, что дает почву для размышления об искусственности украинского национализма.

Русский социолог П.Сорокин в своих работах периода революции 1917 года четко разделял малороссов и русин (галичан)⁶⁶, прекрасно понимая, что это разные этнические группы; при этом термин «украинцы» он не использовал. Русские националисты в Киеве идентифицировали себя малороссами и русскими; термин «украинцы» они использовали для обозначения политической партии⁶⁷, а не этничности и тем более не нации. М.Грушевский еще до войны и революции столкнулся с тем, что его украинофильские взгляды не находили понимания в Галиции, где население идентифицировало себя как русинов, а не как украинцев⁶⁸. С целью «конструирования» украинской нации из русин Галиции и малороссов России и последующей замены этнонима «Русь» этнонимом «Украина» М.Грушевский вынужден был ввести искусственное понятие, некий переходный гибрид: «Украина–Русь»⁶⁹.

М.С.Грушевский и его соратники (С.Шелухин и С.Рудницкий) активно навязывали использование названия «Украина» вместо «Малороссия» в качестве этнонима, дабы чтобы отречься от всего русского. Они отрицали также общность происхождения и исторического прошлого малороссов (как они называли украинцев) и великороссов (русских в современном понимании этого слова).

Безусловно, термин «Украина–Русь» не является научным и не используется в мировой историографии как Средних веков, так и Нового времени. Государства с таким названием, равно как и топонимического названия края, не существовало. Однако название «Украина–Русь» ак-

С.54, 57; Колоницкий Б.И. [Комментарии к статье] Шульгин В.В. 1917–1919 // *Лица*. 1994. Вып.5. С.298.

⁶⁶ Сорокин П. *Национальность, национальный вопрос и социальное равенство* // Сорокин П. *Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет*. М., 1994. С.295.

⁶⁷ Об этом говорится в: *Постановление Русского Национального Центра, Киев, 1918 г.* // Государственный архив Одесской области. Ф.153. Оп.1. См. также: Процик А. *Російський націоналізм і Україна в добу Революції і Громадянської війни* // *Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр.* / Відпов. ред. В.Ф.Верстюк. К., 2002 (издание Института истории Украины НАН Украины). С.30.

⁶⁸ Михутина И.В. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С.48–49, 56–60.

⁶⁹ Там же. С.49–52.

тивно используется современной украинской историографией⁷⁰. Последняя, вероятно, из-за неспособности создать что-то новое для оправдания современной государственности, вынуждена адаптировать знаменитую «схему М.Грушевского»⁷¹, согласно которой «единый украинский народ» имеет отдельную историю от русского, несмотря на различия в самоидентификации.

В советский период возникла некая идеологическая конструкция: «Русь – колыбель трех братских народов». При этом подчеркивалось, что современные республики Белоруссия и Россия сохранили в своих названиях корень «Русь». Возникает вопрос: почему Украина как «правопреемница Киевской Руси» этот корень не сохранила? Советская пропаганда не желала признать, что важной идейной победой украинского национализма явилась как раз смена этнонима.

Вслед за М.Грушевским современная украинская историография распространяет, скорее, агитационно-пропагандистскую и примордиалистскую, а не строго научно обоснованную (с опорой на историко-социологические исследования) концепцию. Украинский народ предстает коллективным эксплуатируемым страдальцем, «проснувшимся после 200-летнего сна» и взявшимся за революционную работу, поддерживая требования Центральной Рады⁷². Любые политические действия Рады, в свою очередь, получают однозначно позитивную оценку современных украинских историков. Она якобы действовала безошибочно, однако внешние обстоятельства и враждебные силы помешали ей реализовать свои цели⁷³. М.Грушевский представляется сверхинтеллектуалом. Утверждается, что его оппоненты (П.Н.Милюков, П.Б.Струве, А.Ф.Керенский, В.В.Шульгин и др.), за исключением В.И.Ленина, будто бы уступали ему в интеллектуальных способностях⁷⁴. Считаем, что такая постановка вопроса выходит за рамки политической и научной корректности.

⁷⁰ См., например: *История Украины*, 2008.

⁷¹ Грушевський М.С. Звичайна схема «руської історії» і справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства.

⁷² Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.7, 8, 10, 12, 32–35, 40; *История Украины*, 2008. С.440–443, 445, 449, 452; *Уряди України в ХХ ст.* С.9, 11, 15.

⁷³ Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.34–35, 40–42; *История Украины*, 2008. С.440–449, 461–464.

⁷⁴ См., например: Процик А. Указ. соч. С.16.

Безусловно, при таком подходе Центральная Рада априорно может признаваться легитимным органом украинского народа. Правда, для этого надо поступиться научными принципами и не учитывать очевидного.

Во-первых, отсутствие социальных основ украинского национального проекта:

а) крестьянство не могло стать основой украинской нации, поскольку оно является носителем самосознания не национального, а локального, что было с успехом продемонстрировано Н.Махно, анархический эксперимент которого имел несравненно большую поддержку, чем лозунги «национальной автономии»;

б) в городах доминировала неукраинская идентичность: малороссийское самосознание населения; русский национальный проект «единой и неделимой России»; полиэтничность украинских городов, что входило в противоречие с украинизацией.

в) отсутствие класса буржуазии с украинским сознанием подталкивало Раду к ликвидации частной собственности, что вызывало отторжение населения (в том числе крестьян) от социальных экспериментов Рады, аналогичных большевистским, только с национальной окраской.

Во-вторых, украинский национальный проект Центральной Рады базировался на этнических и расовых представлениях о нации и в качестве практики, как уже говорилось, предлагал сегрегацию населения по этническому и расовому принципам под видом «национально-персональной автономии». Соответственно политика гетмана П.П.Скоропадского, отменившая «национально-персональную автономию» и направленная на формирование единого гражданства (нации гражданской, а не этнической), воспринимается некоторыми исследователями как антиукраинская и реакционная, а сам период гетманства — как регресс в национально-государственном строительстве⁷⁵.

⁷⁵ Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Указ. соч.; Гунчак Т. Указ. соч. – Аналогичная негативная оценка гетманства П.П.Скоропадского как антиукраинского режима получила некоторое распространение и в зарубежной историографии (См., например: д'Анкокс К.Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с французского. М.: РОССПЭН, 2007. С.163–164).

Заключение и выводы

Современная украинская историография остается «в плену» примордиализма начала XX столетия, перенося современные идейные конструкции в прошлое без учета как исторических особенностей рассматриваемого периода, так и источниковедческой базы исследований.

Historia magistra vitae est! Так ли это на самом деле? Если да, то историкам и политикам необходимо делать выводы из прошлого, просвещать народ исторической правдой, а не творить мифы, не вводить свой народ в заблуждение.

Применительно к истории Украины 1917–1918 годов мы видим слишком много искусственных мифов, искажающих историческое прошлое. К сожалению, украинские историки видят свою задачу не в поиске истины, а скорее в сокрытии правды. Ведь введение в научный оборот «враждебных Украине источников» может разрушить устоявшуюся парадигму. Следовательно, невзначай привести к выводу о фальсификации истории Украины в целом. Итак, что это – история государства Украины или один сплошной миф?!

В таком случае возможен ли конструктивный диалог между исследователями России, создавшими не одну научную школу в течение столетий, и историками Украины, занимающимися мифотворчеством?

Представители «науки», опровергающие чудо с «научной» точки зрения, бьют совершенно мимо цели, ибо чудо по смыслу своему никогда и не претендует на научную и даже вообще логическую целесообразность. Моралисты также бьют мимо цели, ибо чудо вне всякой морали, вне долга, ответственности, вменения и пр. Чудо может совершиться с преступником, вопреки всей его жизни и личности. Но так же кощунственно для чуда было бы видеть в нем только самонаслаждение в чувстве и созерцание отрешенного художественного образа. Логика и наука увидели в основе чуда физическую закономерность, объявляя все прочее вымыслом и

несуществующим; мораль увидела в чуде результат волевых усилий и награду за добродетель. Теперь чувство, эстетика видят в чуде красоту и рассматривают объект его действия как отрешенное и «незаинтересованное» художественное, или эстетическое, бытие, как нечто «красивое» или «прекрасное». Все это не имеет никакого отношения к чуду. Все это или тоще или хило для чуда, или прямо кощунственно.

А.Ф. Лосев

Владимир Семенко

**О БЛАГОДАТНОМ
ОГНЕ
И БОГОСЛОВСКОМ
РАЦИОНАЛИЗМЕ**

The article is a theological investigation of the Grace-filled Flame based on analysis of the Orthodox tradition authentic texts, including the Holy Scripture, Books of the Old and New Covenant, Holy Fathers' writings, sacred worship chants. In result of analysis the author comes to the conclusion that the very notion of the Grace-filled Flame being immutable in the course of its existence is the integral attribute of the Orthodox Church spiritual practice and theology. The problem is analyzed in terms of Grigory Palama's theology. According the hypothesis set forth in the article the Grace-filled Flame is the portent of the Lord and a human being meeting and their spiritual and energetic mergence.

О БЛАГОДАТНОМ ОГНЕ И БОГОСЛОВСКОМ РАЦИОНАЛИЗМЕ

Впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня...
(1 Кор. 3, 15)

Трепещу, приемля огонь, да не опалюся...
Огонь бо еси, недостойная попяляя...

(Из молитв ко Святому Причащению)

Поводом к написанию данной работы послужил эпизод весны этого года, когда в ходе поездки группы российских журналистов во Святую Землю состоялась их беседа с Патриархом Иерусалимским Феофилом. Отвечая на вопрос российской журналистки о ежегодном чуде схождения Благодатного Огня на Гроб Господень, Патриарх деликатно уклонился от публичного обсуждения того, что связано непосредственно с чудом, сосредоточившись на внешней стороне явления. Несмотря на договоренность журналистов – участников встречи – не публиковать никаких комментариев до Пасхи и до выхода в свет **официально заверенного самим Патриархом** текста беседы, диакон Андрей Кураев, входивший в состав группы, пренебрег этой договоренностью и опубликовал комментарий в своем «Живом журнале». В этой публикации им была допущена абсолютно произвольная, основанная на домыслах интерпретация слов Патриарха, из которой следовало, что тот якобы едва ли не выступил с «разоблачением» чуда. (Чего в действительности, разумеется, не было.) В интерпретации российского «миссионера» выходило, что Церковь в течение тысячи лет просто обманывала народ. Таким образом, профессор Московской духовной академии, обучающий миссиологии будущих пастырей, фактически уподобился авторам таких изданий, как журнал «Воинствующий безбожник» 20-х годов XX века. В нападках на Патриарха Феофила его поддержал также в «Живом журнале» ответственный редактор «Церковного вестника» С.В. Чапнин. Данный пассаж диакона Андрея Кураева породил целый поток кощунственных, оскорбляющих веру комментариев в светской прессе. Показательно, что в данном случае весь этот поток кощунств, не представляющих, по сути, ничего нового по сравнению с аналогичными высказываниями прошлых веков, был порожден **именно в церковной среде**, что наводит на грустные размышления о качестве преподавательских кадров наших духовных школ. Ответственность лежит не только на диаконе А. Кураеве, но и на тех высоких иерархах, которые покровительствуют ему, позволяя вести себя подобным образом.

Настоящая работа содержит чисто богословский анализ проблемы Благодатного Огня в свете православной святоотеческой традиции.

Предисловие

Дискуссия о Благодатном Огне, порожденная несдержанностью некоторых духовно нетрезвых и просто враждебных Церкви людей, помимо своей скандальной составляющей, имела, по крайней мере, один позитивный результат: она побудила к богословскому осмыслению того явления, которое одни называют «чудом схождения Благодатного Огня», а другие (преимущественно иерусалимские греки) – явлением Святого Света. В печатной и электронной православной прессе приведено уже достаточно документальных, сегодняшних и исторических, свидетельств подлинности этого чуда. Но наша тема отнюдь не историческая, а чисто богословская. Поэтому мы не считаем целесообразным дублировать работу коллег, с результатами которой читатель может ознакомиться в ряде статей¹.

Есть, однако, работы, претендующие на богословский анализ, где, наряду с вполне правильными и корректными утверждениями, делаются попытки отвести огонь критики (прошу простить за каламбур) от главного «виновника торжества» – диакона А.Кураева – и возводится явная клевета на русский православный народ. Имеем в виду в первую очередь статью Алексея Потемкина², обнародованную автором в своем «ЖЖ». Не намереваясь вступать в абсолютно непродуктивную мелочную перепалку³ и считая чисто скандальную сторону события к настоящему моменту уже, в общем, исчерпанной, попробуем предложить свой богословский анализ проблемы, основанный на использовании аутентичных текстов Традиции.

¹ См., например: Авраам (Рейдман), схиигумен. *О чудесах по расписанию* // Церковный вестник. 2008. №9 (382). Май (<http://www.tserkov.info/numbers/shrines/?ID=2562>); Иов (Гумеров), иеромонах. *Благодатный Огонь: величие чуда и бессилие скептиков* // <http://www.pravoslavie.ru/pui/080617115112>; Максимов Ю. *В защиту Благодатного Огня* // <http://www.pravoslavie.ru/pui/080426153810>

² Потемкин А. *Конфликт интерпретаций: чудо Благодатного Огня или «знамение самовозгорания»* // <http://alex-potemkin75.livejournal.com/>

³ Считаю своим долгом лишь заметить, что никто из православных паломников, свидетелей чуда, и богословов, его защитников, никогда не употреблял термина «знамение самовозгорания». Этот термин изобретен как раз богословствующими либералами, отрицающими чудо, которые, по своему обыкновению, успешно борются с созданным ими самими образом врага.

*Огонь в Священном Писании
как знамение встречи Бога и человека*

Для начала напомним общеизвестное: чудеса, связанные с огнем, являются в хрестоматийнейшие моменты Священной истории. Священный огонь появляется чудесным образом во время заключения завета между Богом и Авраамом (Быт. 15, 17); в несгораемом кусте в момент призвания Моисея (Исх. 3, 2); на жертвеннике в скинии во время посвящения Аарона (Лев. 9, 24); во время призвания Гедсона (Суд. 6, 21); во время суда Илии на Кармиле (3 Цар. 18, 38); в момент посвящения апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2, 3) и в ряде других эпизодов. Каждый из них заслуживает отдельного анализа, но общее у всех заключается в том, что уже в Писании показано, что священный огонь возгорает именно там и тогда, где и когда встречаются два разных мира, Бог соприкасается с человеком.

В ключевом для Ветхого Завета (ВЗ) эпизоде явления Бога Моисею под образом горящего и несгорающего куста – Купины Неопалимой (Исх. 3, 2) – именно субстанция огня скрывает для тварных очей человека (пусть и избранного) нетварную субстанцию Божества, того личного Бога, которого ни один человек не может видеть лицом к лицу и не умереть; именно стихия огня задолго до ставшего предметом знаменитых богословских споров Фаворского света являет здесь вечную Божественную славу. Именно здесь мы впервые слышим произносимое Божественными устами подлинное имя Бога: «Аз есмь Сый», «Я есть Сущий». В момент так называемого «суда Илии» (3 Цар. 18, 38) субстанция посылаемого от Бога священного огня, попяляющего жертвы пророка, оказывается таинственным и парадоксальным образом связанной со стихией прямо и, так сказать, традиционно противоположной, то есть со **стихией воды**. Учитывая прообразовательный характер ВЗ по отношению к Новому Завету (НЗ), ниже мы увидим, что данное обстоятельство оказывается чрезвычайно важным для нас.

Наконец, в новозаветной Пятидесятнице, венчающей центральный этап домостроительства нашего спасения – основание Церкви, дары Святого Духа посылаются апостолам в виде разделяющихся языков пламени. Кто рискнет утверждать сугубо тварный и, так сказать, «естественный» характер этого огня?

Таким образом, уже из Писания мы ясно видим, что Святой Огонь, являющийся в ключевые, поворотные моменты Священной Истории, есть не что иное, как совершенно особое знамение. Это есть огонь, **как**

бы высекаемый при встрече двух миров, двух **онтологически несо-
вместимых природ** – Бога и человека, огонь, свидетельствующий о
нашем обжигающем прикосновении к Божеству. Ниже мы увидим, что
для НЗ это есть не что иное, как **огонь обожения**.

**Образ огня в «Философии культа» о. Павла Флоренского:
постановка проблемы**

Эту проблему ставит, предельно заостряя ее, о. Павел Флоренский в своей эпохальной работе⁴. Понимание о. Павла Флоренского основано на той традиции Писания, которой мы уже отчасти коснулись выше. «Первое, основное и прочнейшее определение культа таково: он – выделенная из всей реальности та ее часть, где встречаются имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное» (с.30). «В чреду впечатлений мира вклинивается не-отмирное, ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее, *иное*. И вклинившись, разрывает ткань обычного, а тем и наше, приросшее к обычному сознание; проникает, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, до той спайки, где, собственно, и **соприкасается наше ноуменальное ядро с областью феноменов**, обнаружений и мирских проникновений. Проникши же – **ожогом ожигает наше Я: из времени мы узрели Вечность**» (с.29). «Не в виде вторгающегося – источник страха, а в ощущении трансцендентности являющегося... Нездешнее открылось – и текучим, шатким, зыблющим почуствовался весь мир: бывающее померкло перед истинно-сущим. А с бывающим померкло и само наше бытие: **сами мы (!) оказались дрожащим пламенем**⁵ среди ветреных пространств, на границе ничто, еле-еле не не-сущими. Но тогда-то мы нашли и свою вековечную опору – в Сущем от века. Последнее уничтожение наше есть и величайшее возвеличение...» (с.29). «Это окно в нашей действительности, откуда видятся миры иные. Это брешь земного существования, откуда устремляются питающие и укрепляющие его струи из другого мира. Короче, это есть Культ» (с.29–30).

⁴ Флоренский Павел, священник. *Философия культа. (Опыт православной антропологии)*. М.: Мысль, 2004. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁵ Здесь и далее в тексте цитат знаки препинания – по оригиналу, курсив и другие выделения мои. – В.С.

Описывая древние культы, преимущественно культ ветхозаветный, о. Павел Флоренский подробно и весьма выразительно описывает никогда не угасавший жертвенный огонь в ветхозаветном Храме и, переходя затем уже к христианству, замечает: «Древние культы внешней стороной своей более потрясали – и **тем отверзали, как бы разрывали** и не вещи зеницы, к зрению Тайн. Рассчитанный на большую восприимчивость, культ христианский умеряет практическую глубину своих тайн более сдержанными и сухими формами: **если бы огонь, kloкочущий в Святой Чаше (!), являлся в формах, равносильных формам древним, никакая плоть не выдержала бы.** Если бы свет Святых Тайн воссиял не прикрываемый видом хлеба и вина, – говорил о. Иоанн Кронштадтский, – то не стерпели бы блеска их никакие тварные очи» (с.41). И далее автор приводит те слова из Последования ко святому Причащению, которые мы использовали в качестве эпиграфа, где Святые Тайны прямо называются огнем и отождествляются с ним: «Хотя ясти, человеце, Тело Владычне, страхом приступи, да **не опалишия: огонь бо есть**». «Трепещу, приемля огонь, да **не опалюся**, яко воск и яко трава. Се приступаю к Божественному Причащению. Соделтелю, да **не опалиши мя приобщением. Огонь бо еси**, недостойная попадаяй».

Заметим, что эта интуиция о. Павла Флоренского – фактическое отождествление Святых Тайн и Святого Огня – восходит к самым сокровенным, глубинным пластам именно православной Традиции, выраженной, в частности, в приводимых им общеизвестных молитвах (являющихся, как мы знаем, абсолютно необходимой **непосредственной подготовкой** к участию в центральном для Церкви таинстве Евхаристии), и практически стопроцентно совпадает и с сегодняшней интуицией Иерусалимского Патриарха Феофила, также сравнившего сходение Святого Огня с этим главным для православных таинством.

Итак, что мы можем вынести из этих крайне важных интуиций о. Павла Флоренского? Во-первых, Святой Огонь есть то, что сопровождает **переход**, реализуемую связь между двумя **абсолютно несовместимыми мирами** – Богом и человеком, природой нетварной и тварной, миром трансцендентного и миром имманентного, здешнего, «посюстороннего» земного бытия. Этот огонь есть проявление главной антиномии, лежащей в основе религии вообще и ее наиболее зрелой формы – христианства – в особенности. Два этих мира абсолютно **несовместимы**, и в то же время сама суть религии заключается в установлении и осуществлении их **связи**; оставаясь **здесь**, тленными и тварными, мы пытаемся каким-то образом заглянуть **туда**, получить сигнал **оттуда**.

По о. Павлу Флоренскому, древние, лишённые ещё той истины, что открывается зрелому человечеству в Благой Вести, обладая, однако, религиозной чуткостью, интуитивно чувствовали онтологическую пропасть между Богом и человеком, Творцом и тварью, которую и пытались заполнить жертвоприношениями. Огонь, пополающий жертву, как бы связывал несовместимое, был пока ещё плохо осознанным посланием от человека к Богу. Более того. По мысли о. Павла, столкновение человека с явлением иного мира при должной религиозной чуткости и открытости души и самого человека как бы превращало и превращает в пламя, рождая в таких натурах тот самый *страх Божий*, который, по слову Писания, есть *начало премудрости* (Притч. 1, 7). Глубоко не случайно хрестоматийное выражение «огонь веры». Пламень древних культов есть **огонь жертвы** человека Богу, абсолютно неизбежной в силу трагической ситуации нашего греховного, падшего бытия (ср., например, готовность Авраама принести своего сына Исаака в качестве жертвы всесожжения – Быт. 22, 1-10), и насколько же превосходнее «Огонь, клокочущий в Святой Чаше» нежели «дрожущий пламень» приносимого в жертву тварного бытия! Здесь уже Сам Бог приносит Себя в жертву, и Святой Огонь, возгорающий от этого «всесожжения», пополает наше греховное, тварное естество, заставляет трепетать человека, приемлющего внутрь себя эту страшную, обжигающую субстанцию Божественного Пламени.

В связи с этим **чисто религиозным** восприятием Евхаристии (а забыть о нем совсем мы просто не можем, ибо все читаем молитвы, положенные перед Причастием) несколько по-иному видится развернутая в последнее время церковными либералами довольно нелепая дискуссия о «частоте причастий». Да причащайся хоть каждый день, если в состоянии постоянно жить в таком религиозном напряжении! Евхаристия – это жертва. Можешь ли ты всю свою жизнь, каждую ее минуту воспринять как культ, как служение Богу, как это делали святые? В идеале так и должно быть, но в реальности-то это не так! Идея сверхчастых причастий связана не с углублением духовной жизни (что было бы прекрасно), но с ее профанацией (как и самого таинства). Не случайно исповедь (то есть хоть какое-то сознательное размышление о своем греховном недостоинстве: «суд себе ям и пию»), а также посты и молитвы, необходимые перед Причастием, они хотят по возможности сократить, а то и ликвидировать совсем. Дабы ничто не напоминало человеку, с какой страшной, судящей нас реальностью соприкасаемся мы, приступая к Святой Чаше!

Святой Огонь как огонь обожения.

Данные богослужебных и святоотеческих текстов

Выше мы вкратце показали, что в традиции ВЗ Святой Огонь возгорает там, где встречается несовместимое, абсолютно разное – природное – Бог и человек; однако в христианстве, как мы знаем, они не просто встречаются, но именно **соединяются** особым образом, описанным в Халкидонском догмате. В образно-символическом описании этого соединения Традиция снова указывает на огонь. Помимо приведенных выше молитв ко Святому Причащению, где с огнем сравниваются (точнее, прямо отождествляются!) Святые Тайны, можно указать на такой пример, как *«Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Неопалимая Купина»*. Логика этого акафиста проста: поскольку Божия Матерь, в отличие от всех других людей, сподобилась принять в себя Духа Святого, – который здесь прямо поименован как «Огонь Божества» (икос 1)⁶, – и не опалилась, осталась жива, то родив Сына Божия, она обрела особую власть укрощать тварное, вещественное пламя. «Видим икону Твою, Владычице, яко воистину **купину неопалимую, во огни несгорающую**, и присутствием Своим жилища человеческая в пламени несгораемыми соделывающую: Тебе бо дадеся **благодать свыше, силу естества огненнаго укрощати, Огонь Божества во чреве Твоем неопально вместившей**» (икос 5).

В этом акафисте Церковь свидетельствует о Божией Матери как Той, которая первой среди тварных и грешных людей, вместила в себя, в свое чрево **благодать Святого Духа, то есть «Огонь Божества»**, сумела кардинально изменить свою природу, которая приобрела поистине парадоксальные свойства, прообразовательно явленные Моисею в неопалимой купине. Приснодева **горит и не сгорает**, вечно молясь «у Престола Господня» за весь мир, и этим горением-молением **воспламеняет** к молитве и наши «**хладные сердца**», одновременно «**прохлаждая**» «**зной**» (то есть жгущий, иссушающий безблагодатный пламень) наших страстей: «**Радуйся, свеще неугасимая (!)**, в молитвах своих у Престола Господня **присногорящая**; Радуйся, **огнем любви Божия** и наша хладная сердца **воспламеняющая**; Радуйся сению молитв Твоих **зной страстей наших прохлаждающая**» (там же). Итак, по представлению Церкви, Божия Матерь есть **неугасимая и несгорающая свеча, вечно го-**

⁶ Икос – церковное песнопение, восхваляющее и прославляющее чествуемого святого и церковное событие.

рящая огнем молитвы, то есть устремления тварного человека к соединению с нетварным Богом (и это при том, что Она, не имея личных грехов, **уже** приняла Бога в Себя и ныне пребывает рядом с Престолом Господним); в то же время Она есть Божественный источник, от которого мы можем **испить воду жизни**: «Радуйся, Божественный Источник, воду жизни источивый, от негоже пиюЩИи ктому не умирают» (икос 8).

Таким образом, в этом акафисте Церковь свидетельствует о том, что в Божией Матери, как и в ветхозаветном эпизоде «суда Илии», взаимоисключающие стихии воды и огня становятся близкими и дружескими, чудесным образом дополняя друг друга. По отношению к человеку обе они, пребывая в единстве, обладают спасительной и очищающей, «живопитательной» чудесной силой.

Обратимся теперь к наследию отцов. Здесь следует сразу оговорить, что нас будут интересовать тексты не собственно догматическо-богословские (никакого догматического учения о Святом Огне в Православной Церкви не существует), но именно аскетические, описывающие опыт духовной жизни подвижников. Ведь догматика есть плод попыток Церкви выразить в дискурсивной форме свой духовный опыт, который для живущего в правильном духовном устройении, правильном богообщении понятен и так, без всякого дискурса.

Учение отцов о молитве, о правильном духовном восхождении человека к Богу дает богатейший и интереснейший материал, касающийся именно Святого Огня.

В V томе «Добротолюбия» находим рассказ о диалоге преп. Григория Синаита, одного из наиболее выдающихся подвижников поздневизантийского исихазма, со своим духовным наставником – преп. Максимом Капсокаливитом. Учитывая, что выше мы привели ссылки, связанные с одной из древнейших богородичных икон, уместно будет начать с рассказа преп. Максима, также касающегося иконы Божией Матери. «От юности моей, – говорит святой подвижник, – имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее **со слезами**, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с **безмерною теплотою сердца** и, когда потом с любовью целовал святую икону Ея, **вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало и вносило в душу мою великое умиление.** С

этого момента, отче мой, сердце мое начало из-внутри себя говорить молитву... и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем»⁷.

Итак, в духовном опыте исихастов Святой Огонь является даром **Божийм человеку, орошая и услаждая душу неземной радостью** о Господе, внося в нее **мир и умиление**. Но это дар не всякому человеку, а лишь **человеку молящемуся**, устремленному к Богу всем своим существом. Источник Святого Огня двояк и в то же время един. Это **Сам Бог в Его нисхождении, обращенности к человеку, благодать Божия**; и в то же время это **сердце подвижника** со сведенным в него умом, в котором отсечены все земные помыслы и есть лишь **сосредоточенность на Боге**. Одним словом, *Святой Огонь есть плод истинной молитвы, как она понимается и практикуется исихастами*.

Сравним с рассказом преп. Максима (к которому мы еще вернемся) рассказ одного современного подвижника, пономаря Александра Семенова, несущего послушание при Гробе Господнем. **«Еще не увидев Благодатного Огня, – говорит он, – я почувствовал его схождение в свое сердце**. Это невозможно объяснить. И потом я это всегда наблюдал: огонь зримо мы еще не видим, но он уже сошел. За несколько секунд... до того, как его можно увидеть зримо, он уже есть в сердце»⁸.

Это **опытное знание**, известное православным подвижникам с древнейших времен. Уже упоминавшийся нами преп. Максим Капсокаливит так свидетельствует о плодах истинной молитвы, над которой не властно время: «Когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум весь тогда овладевается благодатию Св. Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуетя только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его...»⁹. «И чтобы тебе понять, как ум наш видит их (то есть высшие и сокровенные Тайны Божии. – В.С.), вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно его взять и держать; но, **как только свергнешь его в огонь, тотчас растаявает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом (!), и таким образом кончается весь среди огня**. Так и ум человеческий, когда один сам в себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее

⁷ Добротолюбие. Т.5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С.473.

⁸ <http://www.pravoslavie.ru/guest/080426144024>

⁹ Добротолюбие. Т.5. С.474.

его по силе своей, – когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божественных помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет»¹⁰. «Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом, и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким, и обильно источает плоды Духа Святого – радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, любовь, смирение и проч. (Гал. 5, 22), и душа его восприимлет неизреченное веселие»¹¹.

В приведенных отрывках св. Максим говорит о Благодатном Огне, этом плоде истинной молитвы, как **одновременно и Божественном и человеческом по происхождению**. Благодатный Огонь есть «огонь Божества, Духа Святого» и в то же время огонь сердца человека, огонь веры. Ум «возгорается в пламени Святого Духа, овладеваясь огнем Божественным». «Воск» сердца и «Божественный пламень» в этом случае суть не две «субстанции», но одна; совершенно понятно, что здесь святой подвижник свидетельствует о многовековом опыте той истины, которая вскоре была догматически сформулирована Церковью на «паламитских» соборах – то есть об опыте не природного (невозможного по определению), но **энергийного соединения, слияния человека и Бога**.

В этом свидетельстве о Святом Огне и о духовных плодах правильной духовной жизни, «правильного» стяжания благодати преподобный является одним из непосредственных предшественников великого вождя исихастского движения, увенчавшего здание нашей святой и спасительной веры своим учением о нетварных Божественных энергиях, святителя Григория Паламы, который говорит: «Столп истины, Василий Каппадокийский пишет, что "человеческое знание достигается трудами и упражнением, а знание, идущее от Божией благодати, – праведностью и умилением; и первое знание могут приобрести даже люди, погруженные в страсти, тогда как второе доступно только бесстрастным, которые **во время молитвы видят, как их озаряет собственное сияние их ума**". Ты понял, брат, что **избавившийся от страстей ум видит при молитве самого себя как бы светом и Божиим светом озаряется?**»¹²

¹⁰ Там же. С.475.

¹¹ Там же. С.476.

¹² Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М.: Канон, 1995.

Итак, отцы учат о Святом Огне как порождении той **сердечной теплоты**, которая рождается в человеке от правильного духовного устройства, правильной молитвы, устремления души к Богу. Этот огонь обожения возгорается в сердце человека как **итог покаяния** и невозможен без покаянного плача о своих грехах; горестное оплакивание грехов, разделяющих, разъединяющих человека с Богом, претворяется в плач радости оттого, что грехи прощены и единство с Богом восстановлено. «Радостотворному плачу» посвящены многие хрестоматийные страницы аскетической литературы, самые известные из которых находим в Иоанновой «Лестнице»¹³. Опытное аскетическое знание, добытое отцами в неимоверных трудах, заключается в том, что, вопреки падшему естеству, «естественным» законам падшей греховной природы, по которым тварный вещественный пламень угашается водой, слезы покаяния есть абсолютно необходимый «горючий материал» для Благодатного Огня обожения. Если вспомнить здесь то, что говорилось у нас вначале о прообразовательном значении некоторых эпизодов ВЗ, имеющих отношение к нашей теме, то можно будет сказать следующее. Подобно тому, как пророк Илия поливает свои жертвы водой непосредственно перед тем, как исшедший с неба огонь пожирает их, так и Святой Огонь благодати Божией, благодати Святого Духа нисходит на сердце подвижника, орошенное, «увлажненное» слезами покаяния.

Именно покаянный плач – критерий «истинности» Святого Огня, знаменующего восстановленное единство человека и Бога, именно он предохраняет подвижника от прелести. Об этом прямо говорит ученик преп. Максима преп. Григорий Синаит, сыгравший, пожалуй, ключевую роль в духовном становлении поздневизантийского исихазма. «Действие благодати есть **сила огня Духа**, которая в радости и веселии сердца движет, укрепляет, согревает и очищает душу, прекращает как бы на час помыслы и временно умерщвляет телесное движение... Действие прелести есть **воспламенение греха**, разгорячающее душу в услаждении, пробуждающее бешеное страстное влечение к плотскому сожителству в телесном движении...»¹⁴. «Хранение в молитве и плача является величайшим оружием против того, чтобы от радости молитвы не впасть в

С.66–67.

¹³ См.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лестница. Сергиев Посад, 1908. С.76–87 и др.

¹⁴ Преподобный Григорий Синаит. Творения / Перев. еп. Вениамина (Милова). М.: Новоспасский монастырь, 1999. С.92–93.

самоуверенность, но, избрав себе [в удел] утешительную печаль, соблаговолит себя невредимым... **Свободная от прелести [Иисусова] молитва, ввергающая на землю нашего сердца огонь, сопровождается теплотой, пожигающей страсти, как тернии**, и образующей в душе тишину и радость. Теплота приходит не с правой или левой стороны, не свыше, но **в сердце струится наподобие источника воды от животворящего Духа»**¹⁵.

Точно так же рассуждает о цели христианской жизни – обожении – другой великий святой, живший на несколько веков ранее преп. Григория и преп. Максима, – преп. Симеон Новый Богослов. «Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет, в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума, и бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого, жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силы быть в себе. Но, **будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут**, и он, будучи омываем излиянием их, **еще блистательнее сияет»**¹⁶. Подчеркнем еще раз: покаянный плач, «влага слез», согласно отцам – абсолютно необходимый «горючий материал» для пламени веры, и только, поливаемое покаянными слезами, это пламя способно просветлять человека, делать его боговидным и богоподобным, сильнее проявлять в нем образ Божий. «Когда же, весь разжегшись, станет он как свет, – продолжает преп. Симеон, – тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): Бог с богами соединяем и ими познаваем (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими)»¹⁷. Итак, делает вывод преп. Симеон, «плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими, и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, **согревает, воспламеняет сердце** и возбуждает в нем любовь и вождение к Богу»¹⁸.

¹⁵ Там же. С.128.

¹⁶ Добротолюбие. Т.5. С.25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С.27.

Главная ошибка богословствующих рационалистов.

Историческая аналогия

Мы вполне могли бы приводить и другие, весьма многочисленные и красноречивые данные богослужебных и аскетических текстов, касающиеся Святого Огня, однако думается, что вполне можно уже перейти к собственно богословскому анализу.

Проблема, проявившаяся в результате высказывания диакона А.Кураева и последующей дискуссии о Благодатном Огне, отнюдь не нова. Она выражает то главное, что, зарождаясь в самой Церкви, в умах и душах людей, ее чад, становится затем главным препятствием на пути ко спасению, главным двигателем апостасии¹⁹. Это – **богословский рационализм**, истоки коего, в свою очередь, кроются в практическом **отрыве от духовного опыта отцов**, аутентичного опыта Традиции. Вдумчивым историком подобного рода эпизоды сразу опознаются как типичное «дежавю», которыми полна история Церкви.

Те «богословы», которые пытаются ныне богословски «обосновать» кураевский пассаж, произнося, на первый взгляд, правильные и безупречные слова, в действительности совершают такую же подмену проблемы и подмену понятий, какую совершали в свое время **варлаамиты**. В контексте чисто рационалистической логики те и другие абсолютно безупречны и неопровержимы. Варлаам спрашивал: Фаворский свет тварен или нетварен? Если он тварен, то что есть обожение, в чем оно? Если нетварен, то как ученики могли видеть его тварными очами? Ведь нетварного Бога видеть нельзя! В ответ на учение Паламы об энергиях варлаамиты вопрошали: энергии суть следствие или причина Бога? Отличаясь от Божественной Сущности, они очевидным образом не могут быть ее причиной, поскольку нетварный Бог есть Сам Себе причина; до Бога и кроме него вообще ничего не существует, иначе какой же это абсолют? В этом случае нетварные энергии суть то же самое, что и Сама Сущность Божия и никак от нее неотличимы. Если же они есть следствие Божественной причины, то они не менее очевидным образом тварны, ибо у Бога есть только одно «следствие» – творение. И т.д. и т.п.

Очень похожим образом рассуждают и современные «критики» Благодатного Огня²⁰. Если речь идет о каком-то особом **схождении благо-**

¹⁹ По представлению Церкви, апостасия – всеобщее отступление от веры в последние времена.

²⁰ Мы полагаем, что всерьез можно говорить лишь о критиках, так сказать, «искрен-

дати, пусть даже и под видом огня, говорят они (за многие столетия терминологию усвоили), то как же нетварная благодать может преобразоваться, трансформироваться во вполне тварную субстанцию самого обычного, вещественного пламени? Ведь **трансформация природ**, как и некое **пантеистическое слияние** человека с «субстанцией» Божества, по нашей вере, невозможна? Так что благодать благодатью (Кураев-то уж во всяком случае, по крайней мере, на словах, благодати не отрицает), а где-то, на каком-то этапе непременно должна быть «зажигалка»... При этом доморощенные остроумцы, очень гордящиеся тем, что Господь сподобил их пройти семинарский курс богословия, оглуляют своих оппонентов, превращая их в каких-то огнепоклонников, выдумывая какое-то «знамение самовозгорания», про которое никто из нас никогда ничего не говорил...

Что было делать исихастам во главе со своим вождем, святителем Григорием Паламой перед лицом ереси, в очередной раз ополчившейся на Церковь, перед лицом богословствующих рационалистов? То же, что всегда делала Церковь в подобных случаях: перевести **опытную истину**, опытное знание об обожении, добытое трудами подвижников, на язык богословского **дискурса**. Ведь паламизм – это не космологическая теория об устройстве мира, но «диалектика» подвига, диалектика духовной жизни, изложенная в терминах, понятных для «внешних». Все богословие Паламы есть венец святоотеческого аскетического, молитвенного опыта; это не «учение о Боге и человеке», но **богословие обожения**. «Когда душа неистовствует и как бы сотрясается неудержимой любовью к единому Желанному, – говорит святитель, – вместе с ней волнуется и сердце, духовной пляской выдавая общение с благодатью и словно порываясь отсюда к обетованной телесной встрече с Господом на облаках (Мф. 24, 30; Мк. 13, 26; Лк. 21, 27; 1 Фес. 4, 17). Так в напряженной молитве, когда **разгорается нечувственный огонь, зажигается умопостигаемая лампада и томление ума вспыхивает воздушным пламенем** духовного виденья, тело тоже странно легчает и разогревается до того, что, по слову изобразителя духовных восхождений (то есть преп. Иоанна Лествичника. – В.С.), при взгляде на него **кажется словно вышедшим из жара чувственной печи**»²¹. «Как телесное чувство воспримет свет не чувственный в собственном смысле

них», внутрицерковных. Люди, подобные С.Бычкову или А.Солдатову, нас принципиально не интересуют.

²¹ Св. Григорий Палама. Указ. соч. С.94.

слова? – отвечает святитель на вопрошания своих противников. – Через ту **всемогущую силу духа**, посредством которого избранные апостолы увидели его на Фаворе, когда **он просиял не только от плоти, несущей в себе Сына, но и от облака, несущего в себе Отца Христова**²². Ибо: и «душа, по святому Максиму, через причастие Божией благодати сама делается Богом»²³.

Чисто субстанциальному (или «эссенциальному», по С.С.Хоружему) пониманию нетварного Бога и тварного человека, а также вполне иллюзорной и чисто умозрительной в рационалистической логике связи между ними паламиты противопоставили свое учение об энергиях. Характеризуя собственно православное, «византийское» богомыслие, богомыслие Дионисия Ареопагита, св. Максима Исповедника и др., логическим завершением коего является паламизм, В.Н.Лосский пишет, что оно «предполагает различие между непознаваемой "усией"²⁴ и ее проявлениями (динамическими свойствами, или энергиями), различие, которое вместо того, чтобы ограничивать мистический взлет, ставя человеческую личность перед накрепко запертыми вратами, напротив, распаивает перед ней бесконечный путь – за гранью познания»²⁵. Нетварные божественные энергии, сообщаемые человеку от абсолютно трансцендентного и непознаваемого Бога, «познаваемые» им в духовном опыте, суть тот же самый Бог, та же нетварная Божественная субстанция, но данная в аспекте своего действия, своей **проявленности**, своего **волевого устремления** к «иному», то есть к тварному миру, творению и его «венцу» – человеку. Бог не просто существует Сам в Себе, в своей нетварности, в своей самодостаточной замкнутости, но устремлен к творению в волевом хотении спасти его от плена греха и смерти, соединить с Собой, обожить. В свою очередь, и человек, подоб-

²² Там же. С.99.

²³ Там же.

²⁴ Усия – богословский термин, активно используемый, в частности, В.Н.Лосским. Обозначает непознаваемую и несообщаемую человеку сокровенную природу, или «сущность» Бога (в отличие от сообщаемых человеку божественных энергий, которые, будучи также нетварными, тем не менее, по учению православной Церкви, могут сообщаться человеку, соединяться с его тварными энергиями). Православная Церковь, таким образом, учит об обожении по благодати, по энергии, а не по природе. Именно это строго православное святоотеческое учение лежит в основе нашей концепции, в которой сделана попытка богословски объяснить природу Благодатного Огня.

²⁵ Лосский В.Н. Богословие. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1995. С.96.

но Богу, не замкнут в своей тварности, но устремлен к Творцу своей волей к спасению. Соединение несовместимых и несоединимых природ в личности Богочеловека – Христа реализуется в духовной жизни человека, или, что то же самое, в **обожении по благодати, или энергии**. Нетварный Бог вполне реально сообщается тварному человеку через духовно-энергетическое соединение.

Вся хрестоматия аскетике, начальные этапы аскетического «умного искусства» – борьба со страстями, послушание, отсечение помыслов, духовное восстание после непрестанных падений, покаянный плач и т.д., в общем виде обозначаемая как «невидимая брань», – суть лишь подготовка личности к тому духовному состоянию, когда тварная энергия человека обретает способность соединиться с нетварной энергией Бога. Более высокий уровень этой подготовки, как мы знаем, обозначается в аскетике как **«сведение ума в сердце»**. Это средство преодоления обычной рассеянности ума, «путь организации всех энергий не просто в единство (в некое единство их организует и страсть), но в единство, пригодное для соединения с Божией энергией»²⁶. «Таковою работою создается новый тип энергетического образа, в котором энергии умственные и душевные образуют единую структуру, "сочетание ума с сердцем", "умо-сердце"». Эта энергетическая структура – порождение подвига и один из его центральных элементов, несущих опор»²⁷.

Резюмируя суть и подчеркивая значение паламитского учения об энергиях, современный исследователь указывает на ту реальность обожения, которая в главном, существенном расходится с представлениями богословствующих рационалистов, полагающих благодать чем-то сугубо внешним для «тварной природы» человека. **«Православие полагает стяжание благодати актуальным соединением тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии... Синергия, соработничество Божественной и человеческой энергии – ключевой элемент всей икономии богообщения... "Христианская жизнь – это согласие двух волей: Божественной и человеческой", – говорят Софроний и Силуан... Соединение двух энергий означает их встречу и требует существования "места встречи"; оно не может совершиться, если нет какой-то общей арены, какого-то пространства, измерения, в котором действуют обе. Бытие не доставляет такого общего измерения: между**

²⁶ Хоружий С.С. *К феноменологии аскезы*. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. С.106.

²⁷ Там же. С.108.

Богом и человеком, тварью – онтологический разрыв. Но **Бог и человек встречаются в сфере личности**, или же "личностного бытия-общения"; у них нет общего рода, общей области бытия, и, однако, между ними происходит личное общение... Синергия возможна исключительно в сфере "личностного бытия-общения" и должна рассматриваться как одна из категорий этой особой сферы». В этой особой личностной сфере энергийного соединения человека и Бога Божественной и человеческой энергии принадлежит различная роль. «Когда соединение сформировалось, деятельным началом в нем является только энергия Божественная, благодать»²⁸. Однако «человеческой энергии должен принадлежать исходный импульс, начальное обращение и устремление к благодати: только оно может послужить завязкой процесса»²⁹.

Более подробное изложение всей этой диалектики обожения не входит в нашу задачу³⁰. Напомним лишь общеизвестное. А именно: подробный анализ святоотеческого учения об энергийном соединении человека и Бога, ставший к настоящему времени уже хрестоматийным, представлен у целого ряда православных богословов XX века, полнее и глубже всего – у В.Н.Лосского.

Если вернуться к феномену Святого Огня и проблеме его богословской интерпретации, то следует, во-первых, резюмировать, что все многочисленные высказывания отцов на эту тему, а также то, что представлено в богослужебных текстах нашей Церкви касательно Святого Огня, очевидным образом невозможно воспринимать лишь в качестве какой-то художественной образности, пусть даже и символической, какой-то фигуры речи. Здесь мы имеем дело с описанием **совершенно особой реальности – реальности обожения, личной встречи и энергийного соединения человека и Бога.** Святой Огонь, началом коего является особая *сердечная молитвенная теплота*, возникающая лишь в сердце, орошенном «радостотворным» **покаянным плачем** и, в силу этого, **свободном от прелести**, этот огонь на начальном этапе молитвенного подвига есть **внутреннее порождение молящегося сердца**; и в то же время он, как видимая, осязаемая, воспринимаемая преобразенными чувствами форма благодати, исходит извне, есть **дар Божий**.

²⁸ Ср. приведенные выше свидетельства отцов об их опыте богообщения.

²⁹ Там же. С.127–129.

³⁰ Отчасти мы заняты этим в работе: *Христианская цивилизация: новый перелом? Ч.3-я* (См.: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/071024184348>).

Вывод. Природа Святого Огня не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна

В чуде Благодатного Огня нет «превращения» нетварной божественной природы (или субстанции) в тварную и земную³¹. Здесь есть, напротив, соединение двух энергий: энергии божественного нисхождения не просто к миру, но именно к Церкви, как общине верных, и энергии волевого устремления веры, устремления к Богу молящихся, собирающихся вокруг Святого Гроба. «Природа» Святого Огня, обладающего чудесными свойствами, сходящего вначале в сердца молящихся, не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна. Верующие говорят о Святом Огне: «пью благодать», «умываюсь благодатью» и т.п. Этот странный летучий огонь обладает, оказывается, свойствами воды! В этом своем ежегодном опыте они полностью совпадают с опытом великих подвижников прошлых веков, чьи весьма многочисленные свидетельства (отчасти приведенные у нас выше) сближают (и порой вплоть до отождествления) Святой Огонь и «воду живую» Божией благодати. Вещественный огонь светильников, возгорающий затем от этого Благодатного Огня веры, огня, «высекаемого» столкновением, встречей двух энергий – Бога и собравшихся людей, – есть знамение и символ, напоминание об этом благодатном соединении, но вопрос о нем в свете вышесказанного вообще вторичен. Однако если уж говорить об этом вещественном огне, то **именно в нем вполне уместно видеть символический смысл** (напоминание о чуде обожения), почему этот огонь и пользуется таким почитанием молящихся (подобно, скажем, **иконе – образу, возводящему к первообразу**).

Главное здесь заключается в том, что сама постановка вопроса о «превращении» природы Божественной в тварную³² некорректна и неправомочна. Благодатный Огонь есть энергийное соединение двух волей, а не «природа», или «субстанция».

³¹ Такое понимание, игнорирующее онтологическую пропасть между Творцом и тварью, было бы, в свете православного вероучения, нечестием и ересью, впадением в пантеизм.

³² Прямо ведущая к выводу, что поскольку это невозможно, то никакого Благодатного огня вообще не существует, а есть лишь зажигаемое обычным способом пламя светильников.

Вполне понятно, почему данное явление имеет место именно в Храме Воскресения, где объединены Голгофа и Гроб Господень, **непосредственно из которого** воскрес Христос, ибо крестная жертва Его есть залог нашего спасения, так сказать, предпосылка обожения; без крестной жертвы и Воскресения Христа стяжание Святого Духа невозможно. («Духа Утешителя пошлю вам от Отца» – Ин. 15, 26).

Схождение Святого Огня – не просто какое-то «частное» чудо, подобное мироточению икон, чудесным исцелениям, вообще исполнению молитв. Это – **феномен, относящийся к самой сердцевине именно духовной традиции Православия, «естественное», с точки зрения законов аскетики и вообще духовной жизни, явление, зримо знаменующее плоды обожения, личностного соединения во взаимном волево (энергийном) устремлении человека и Бога.**

Здесь нас обязательно спросят: пусть так, пусть Святой Огонь – особая реальность, а не символический образ, и говорится о нем во множестве аутентичных текстов Традиции, а не только лишь в свидетельствах, связанных с чудом, которое ежегодно бывает у Гроба Господня. Но ведь то, о чем говорится в приведенных Вами текстах, относится к высочайшим ступеням аскетическо-молитвенного подвига; неужели Вы готовы утверждать, что этих ступеней, которых редко достигают и незаурядные подвижники, достигла вся эта масса паломников, всех этих... «теток» (особенно из России)³³, которая ежегодно собирается у Св. Гроба³⁴? На это легко ответить.

Первое. Кем заранее (и доказательно) определено, что наш русский православный народ непременно глуп, невежествен и суеверен? Кем решено и подписано, что те паломники, которые тратят свое время и деньги не для каких-то удовольствий и развлечений, а только лишь для того, чтобы увидеть великое чудо, суть ограниченные и суеверные, неразвитые искатели не благодати, а непременно лишь каких-то внешних знамений? Последнее – типичный и очень распространенный либе-

³³ В последнее время в либерально-неообновленческих кругах наших «просвещенных христиан» для обозначения основной массы «непросвещенных» православных утвердилось странноватое для русского уха презрительное словечко «фофудья».

³⁴ Тот же Кураев недавно вполне подобострастно, с истинно «миссионерским» смирением, выслушивал резкие нападки двух гламурно-политизированных дам с НТВ – Т.Толстой и А.Смирновой. В программе «Школа злословия» они так прямо и пеняли ему: «Почему **мы** (то есть «просвещенные православные») должны терпеть в **этой Церкви** (прямо как «эта страна»!.. – В.С.) всех этих ваших... теток?!»

ральный миф, плод гордыни кичащейся своим высокоумием самопровозглашенной образованческой «церковной элиты»³⁵.

Второе и самое главное. Благодатный Огонь есть ответ Бога на молитву, во-первых, Иерусалимского Патриарха, а во-вторых, всей Церкви, со всем сонмом ее часто безвестных и не мелькающих «в телевизоре» подвижников, которая в этот момент умом и сердцем возносится к воскресающему Христу. Почему Благодатный Огонь возгорает именно на Святом Гробе – вполне понятно, и об этом говорилось у нас выше.

Что же до богословского рационализма, этого верного спутника апостасии... Я построил эту свою работу вполне «традиционно», то есть так, чтобы мой личный и, быть может, в чем-то пристрастный голос был слышен как можно тише. Пусть говорит сама Традиция – Писание и Предание, пусть говорят отцы – те, на кого уж точно все мы должны смотреть снизу вверх, даже если кто-то из нас и занимает профессорские должности, не имея, впрочем, не то что докторской, но даже и магистерской степени. И, думается, вполне уместно будет завершить ее высказыванием нашего великого духовного писателя (не бывшего, правда, никаким профессором) – святителя Игнатия (Брянчанинова), явно не без оснований люто ненавидимого многими из «либеральных христиан».

«Особенное внимание должно обратить на действие в нас *тщеславия*, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять. Тщеславие почти всегда действует вместе с *утонченным сладострастием* и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние *самообольщения*, признавая само-

³⁵ Один из идеологов этого движения игумен Петр (Мещерин), очень относительный, прямо скажем, богослов, недавно так прямо и заявил: «*диомидовщина*» – мировоззрение не кучки маргиналов, а большей части наших православных. (См.: <http://www.russia.ru/geroi/peresedov/?507>). Значит, вывод – сменить народ? Кто же тогда является выразителем церковной полноты? Ведь без того, что в богословии называется «рецепцией» (то есть одобрительного восприятия того или иного решения церковной власти всей церковной полнотой) оно, в строго православной логике, и не может считаться истинным! Наверно, церковная полнота для необновленцев – это сам Мещерин с кучкой своих диссидентствующих единомышленников... Плохому танцору известно, что мешает, а реформаторам – всегда народ...

обольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела, постоянно принимающего вид Ангела светлого, – делается орудием, апостолом отверженных духов. **Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением.** Это мнимодуховное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченным тщеславием, высокоумием и сладострастием. **Не наслаждение – удел грешника: удел его – плач и покаяние. Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу и тело...** Потому-то святыми отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвою и желающим преуспеть в ней, *святое покаяние*, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную. Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается **действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти.** Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с посторонней плотью и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устройство души и тела; тщеславие ведет к **противозаконному приобщению славе человеческой** и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь, – этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелим и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия»³⁶.

Нам представляется, что высказывание это много дает для понимания духовных истоков того вклада в апостасию, который вносится порой популярными авторами толстых и тощих книг.

³⁶ Соч. еп. Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т.2. С.214–216.

Наши авторы

Лапин Владимир Викентьевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории

Бондаренко Дмитрий Яковлевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России и права
Московского института радиотехники, электроники,
автоматики (Университет)

Семенко Владимир Петрович

старший научный сотрудник
Института религиозных и социальных исследований,
ответственный редактор журнала «Проблемы развития»

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2008 г.**

Теория и практика политических игр

- Кургинян С. Е. Пузырь. №1*
Кургинян С. Е. Медведев и развитие. №2
Кургинян С. Е. На перепутье. Возможно ли в России развитие? №3
Кургинян С. Е. Российская элита и вызовы времени. №4
Кургинян С. Е. Кавказский кризис и наше будущее. №5
Кургинян С. Е. Модернизация после модерна: векторы современной политики. №6

Геоглобалистика

- Гринецкий О. А. Быть или не быть ПРО? №1*
Гринецкий О. А. Крутой перелом в объединении Германии. №№4,5,6
Максимычев И. Ф. Разведенные мосты. Берлинский кризис 1948–1949 годов. №3
Мальков В. Л. Эволюция имперского мышления и ядерной политики США. №№2,3.
Фридман Л. А. Центральная Азия и Кавказ в мировом экономическом пространстве. №2

Грани катастрофы

- Кургинян И. С. Проект «КРАНО-ДЕЛ». Сепаратизм в современной России: факты и тенденции. №4*
Татаровская И. М. Россия и СНГ: социолингвистическое измерение. №5

Ярлыки и мифы

- Бондаренко Д. Я. Украинская Центральная Рада как объект мифов современной украинской историографии. №6*
Смирнов И. В. Цветочки и ягоды. К 40-летию «Молодежной революции». №3
Тополянский В. Д. Метафизика бойкота в Московском университете. №1

Национальная доктрина

Лапин В. В. Армия – в империи, империя – в армии. №6

Лапицкий М. И. Основы деловой культуры США. №1

Тхагапсоев Х. Г. Россия сегодня – «бытие в превращенных формах»? К вопросу о российском самоопределении. №4

Россия в мире

Лапицкий М. И. Из дневника дилетанта-путешественника.

Латинская Америка: некоторые наблюдения, в том числе имеющие отношение к России. №4

Европейские параллели

Витухновская-Кауппала М. А. Память о «финской войне» в России и Финляндии. №1

Люстров М. Ю. Гиперборейский миф в Швеции и России: О.Рудбек и В.Капнист. №1

Пути духовных исканий

Соболев А. В. Несостоявшаяся смена поколений: либералы и евразийцы. №5

Шмитт Ж. Вера в Средние века. №2

Страницы истории

Желицки Б. Й. Москва–Будапешт: рубежи взаимоотношений (1948–2008). №1

Макаров В. Г., Репников А. В. Как возникло евразийство. №5

Марьина В. В. Э.Бенеш: между Лондоном и Москвой.

От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора 1943 г. №№3,4

Розенталь И. С. Валентинов и его время. №6

Шевякина Н. Н. Блокада. Воспоминания. №2

Актуальный архив

Дворкина М. Д. Люди из примечаний. Американский социалист из России С.Е.Шевич. №5

Филитов А. М. Каким путем пойдет Германия?

Советские планы по германскому вопросу в 1953 году. №2

Редакционная почта

Дегоев В. В. Ученый и бунтарь из Беркли. К выходу в свет русского издания трудов профессора Реджи Зелника. №2

Каджая В. Г. Потерянный рай. №5

Розенталь И. С. Музей и время. №1

Розенталь И. С. Общественность в досоветской России. Что дает ее изучение? №3

Семенко В. П. О Благодатном Огне и богословском рационализме. №6

The List of All Published Materials in 2008

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. The Bubble. №1

Kurginyan Sergey. Medvedev and Development. №2

Kurginyan Sergey. At the Crossroad. Is Development Possible in Russia? №3

Kurginyan Sergey. The Russian Elite and Challenges of the Time. №4

Kurginyan Sergey. The Caucasian Crisis and our Future. №5

Kurginyan Sergey. Post-modern Modernization: Contemporary Policy Vectors. №6

Geopolitics and International Policy Issues

Fridman Leonid. Central Asia and Caucasus in the Global Economic Space. №2

Grinevsky Oleg. To Be or Not to Be ABM? №1

Grinevsky Oleg. Breakthrough in Unification of Germany. №№4,5,6

Maksimychev Igor'. The 1948-1949 Berlin Crisis. №3

Mal'kov Victor. The Evolution of Empire Mentality and Nuclear Strategy of the USA. №№2,3

The Faces of Catastrophe

Kurginyan Irina. «KRAHO-DEL» Project. Separatism in the Present Day Russia: Facts and Trends. №4.

Tatarovskaya Inna. Russia and CIS: Social Linguistic Dimension. №5

Labels and Myths

Bondarenko Dmitriy. The Central Rada of Ukraine as the Subject of Myths in the Contemporary Ukrainian Historiography. №6

Smirnov Il'ya. Flowers and Berries. In Connection with the 40th Anniversary of «Youth Revolution». №3

Topolyansky Viktor. Metaphysics of Boycott in Moscow University. №1

National Doctrine

Lapin Vladimir. The Army in the Empire, the Empire in the Army. №6

Lapitsky Mark. Fundamentals of US Business Culture. №1

Tkhagapsoev Khazhismel'. Russia Today: «Objective Reality Transformed»? №4

Russia in the World

Lapitsky Mark. Excerpts from a Dilettant-Traveller's Diary. Latin America: Some Observations Including those that Have a Bearing on Russia. №4

European Parallels

Lyustrov Mikhail. The Hyperborean Myth in Sweden and Russia: O.Rudbeck and V.Kapnist. №1

Vitukhnovskaya-Kauppala Marina. Memory about «Finnish War» in Russia and Finland. №1

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Shmitt Jean-Claude. Faith in Middle Ages. №2

Sobolev Al'bert. The Change of Generations that might Have been but didn't Happen (Liberals and Eurasians). №5

Pages of History

Makarov Vladimir, Repnikov Alexander. How did Eurasianism Emerge. №5

Mar'ina Valentina. E.Benes: between London and Moscow. From Plan of Czechoslovakian-Polish Confederation to the Idea of the Soviet-Czechoslovakian Treaty of 1943. №№3,4

Rosental Isaak. Valentinov and his Times. №6

Shevyakina Nina. Blockade. Reminiscences. №2

Zhelitski Bela. Moscow-Budapest: Liners of Mutual Relations, 1948–2008. №1

Topical Archive

Dvorkina Maya. Persons from the Footnotes. S.E.Shevich, the American Socialist from Russia. №5

Filitov Aleksey. Which Way Germany? Soviet Plans to Resolve the

German Question in 1953. №2

Readers' Letters

Degoev Vladimir. Redzhy Zelnik – Scholar and Rebel from Berkeley. №2

Kadzhaya Valeriy. Paradise Lost. №5

Rosental Isaak. Museum and Time. №1

Rosental Isaak. Public in pre-Soviet Russia. What Can be Gained from Study of the Entity? №3

Semenko Vladimir. On the Grace-filled Flame and Theological Rationalism. №6

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»: ул. Б. Дмитровка, д.15;

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

книжная галерея «Нина», ул. Бахрушина, д.28;

магазины ОГИ: ул. Б. Дмитровка, д.12 («Пирог»);

ул. Никольская, 19 («Пирог»); Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1

в Санкт-Петербурге

«Летний сад»:

Невский просп., д.3;

Фонтанка, д.15;

Петроградская стор., Большой просп., д.82;

книжный салон издательства СПбГУ

Менделеевская линия, д.5 (Исторический и философский ф-ты
СПбГУ)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

**ООО «Интерпочта» тел.(495)500-00-60, (495)580-95-80,
(495)795-23-00**

ООО «АльтПресса» тел.(495)974-30-79

ООО Агентство «Артос–Гал» тел.(495)603-27-33, (495)603-27-34

**ООО «Вся пресса» – справки о вашем региональном агентстве
по тел.(495)906-07-26, (495)906-07-35**

В редакции подписка и продажа льготные. Тел. (495)691-74-79

Для иностранных читателей подписка проводится через агентство

«МК-Периодика»: (495) 681-91-37, (495)681-57-15

e-mail: export@periodicals.ru

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1/2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2008
Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 17.12.2008. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 11.25 печ. л.
Тираж 2000 экз. Заказ
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

6.2008 november-December

Social, Political and

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kravtsov

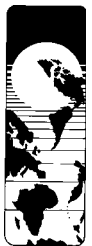
Post-modern Modernization:
Contemporary Policy Vectors _____ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Grinovsky

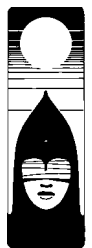
Breakthrough in Unification
of Germany (the end) _____ 32

National Doctrine

Nadimir Labin

The Army in the Empire,
the Empire in the Army _____ 64

IXXX RNDOP

Academic Journal

Pages of History

Valentinov and his Times _____ 82
Isaak Rosenthal

Labels and Myths

Historiography _____ 124
in the Contemporary Ukrainian
as the Subject of Myths
The Central Rada of Ukraine
Dmitriy Bondarenko

Readers, Letters

Theological Rationalism _____ 148
On the Grace-filled Flame and
Vladimir Zemenko